

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ПЕРЕМЕНЫ В РОССИИ

Электронный архив УГЛТУ

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

ФГБОУ ВО «Уральский государственный
лесотехнический университет»

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ПЕРЕМЕНЫ В РОССИИ

Сборник научных трудов
по материалам научно-практической конференции

Екатеринбург
2018

УДК 316.722(470)(08)

ББК 60.522(2)

Ц58

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор кафедры философии и акмеологии УрГПУ Л.А. Беляева;

доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и социальных технологий УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина В.В. Запарий

Редакционная коллегия:

И.В. Назаров, О.Н. Новикова (отв. за выпуск), А.В. Чевардин

Цивилизационные перемены в России [Электронный ресурс]: сборник научных трудов / Урал. гос. лесотехн. ун-т; под общ. ред. И.В. Назарова, О.Н. Новиковой, А.В. Чевардина. – Екатеринбург: Урал. гос. лесотехн. ун-т, 2018. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – Мин. системные требования: IBM IntelCeleron 1,3 ГГц; Microsoft Windows XP SP3; Видеосистема Intel HD Graphics; дисковод, мышь. – Загл. с экрана.

ISBN 978-5-94984-669-8

Ц58

В сборнике представлены научные труды, посвященные актуальным проблемам социального развития российского общества, его духовно-нравственным аспектам и особенностям менталитета, инновационным процессам в современном образовании и природопользовании.

Сборник рассчитан на преподавателей вузов и на широкий круг специалистов, интересующихся проблемами развития российского общества.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за точность приведенных цитат, соответствия ссылок оригиналу и прочие сведения.

Издается по решению редакционно-издательского совета Уральского государственного лесотехнического университета.

УДК 316.722(470)(08)

ББК 60.522(2)

ISBN 978-5-94984-669-8

© ФГБОУ ВО «Уральский государственный лесотехнический университет», 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Проблемы социально-исторического развития России.....	5
<i>Кочергин А.Н.</i> Трансформация цивилизационного проекта для России и глобализация.....	5
<i>Харламова А.А.</i> Социально-экономическое развитие и обеспечение экономической безопасности.....	12
<i>Каташинских В.С., Каташинских С.Н., Федорова А.Ф.</i> Объективные факторы прекаризации занятости в Свердловской области.....	19
<i>Березина А.В.</i> Целесообразность введения понятия мультикультурализм в Российских реалиях.....	25
<i>Фонова Н.Г.</i> Аспекты молодежного туризма в России.....	31
Духовно-нравственные проблемы российского общества.....	46
<i>Нагорнова А.Ю.</i> Проблема духовной безопасности в современном обществе.....	46
<i>Денисова А.Б.</i> Формирование гражданской позиции молодежи как основы ее духовно-нравственного развития.....	51
<i>Севостьянов Д.А.</i> Игрофикация деятельности: философские истоки явления и инверсивный анализ.....	59
<i>Новикова О.Н.</i> Игра как трансгрессия бытия человека в культуре постмодерна.....	65
<i>Медведев С.Н., Никитин Д.С.</i> Игра как спорт в контексте духовных проблем современной культуры	74
Мифологизация в современной России	79
<i>Назаров И.В.</i> Мифы вокруг нас	79
<i>Коваленко С.Н.</i> Мифологическое сознание как система объективных и субъективных факторов исторической самоорганизации русского народа	83
<i>Яковлева Е.Л.</i> Современные мифологизации гламурной идеологии.....	91
Тенденции в модернизации российского образования.....	97
<i>Суханова Н.П.</i> Становление науки и образования в России в дореформенный период	97
<i>Киселев М.Ю.</i> История организации научных исследований леса в Академии наук СССР	104
<i>Петрикеева И.А., Шевелина А.О.</i> Проблемы мотивации обучающихся к занятиям научно-исследовательской деятельностью	110
<i>Попович А.П.</i> Духовность и нравственность как основы воспитания современной молодежи	117

<i>Дроздов Д.В., Петрикеева И.А.</i> Конфликты в творческом коллективе обучающихся: пути профилактики и разрешения	121
<i>Здорнов И.А., Шор Г.А.</i> Трудности перевода специализированных текстов в неязыковом вузе	129
Российская повседневность: история, современность, перспективы развития	134
<i>Сайтанов С.В.</i> Цивилизационно-формационный подход и линейность истории у Н.Я. Данилевского и П.А. Кропоткина	134
<i>Пухов Д.Ю.</i> История провинциальной прессы периода первой русской революции вятская «Крестьянская газета»)	140
<i>Томилов И.С.</i> Реформа городского самоуправления как фактор развития общественного быта населения Тобольской губернии в последней трети XIX в.	147
<i>Ганчар А.И.</i> Регламентация Временным правительством деятельности римско-католических духовных консисторий и канцелярий (1917 г.).....	157
<i>Рудакова И.В.</i> Советская интеллигенция 70-х годов сквозь призму повседневности	164
<i>Урожаева Т.П.</i> Проблема борьбы с организованной преступностью в Приангарье во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг.	170
<i>Бетильмерзаева М.М.</i> Ментальные особенности повседневности города	177
Наши авторы	185

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

ГРНТИ 03.23.55
УДК 008

А.Н. Кочергин
МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПРОЕКТА ДЛЯ РОССИИ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

*Нравственно авторитетных людей
не хватает не только в России...
Это наш общий с Европой
цивилизационный кризис.*

А. Суворов

Развертывание процесса глобализации поставило проблему выработки в России отношения к ней. В статье выявляется трансформация цивилизационного проекта России с учетом ее ментальности, экологического контекста и коэволюционного развития.

Ключевые слова: Россия, цивилизация, цивилизационный проект, ментальность, коэволюция, природа, история, глобализация.

В выработке отношения к глобализации важное значение имеют два обстоятельства: отношение Запада к включению России в число лидеров современного глобализационного процесса и способность самой России к принятию необходимых мер для такого включения (т. е. способность осуществить модернизацию, позволяющую претендовать на это включение).

На благожелательное отношение Запада к вступлению России в число лидеров глобализации рассчитывать трудно. Содержательно в этой сфере все-таки преобладает борьба интересов, для которой характерно стремление Запада сохранить Россию в качестве источника невозобновляемых полезных ископаемых и места захоронения техногенных отходов производства. Во всяком случае, приглашения вступить в клуб руководителей глобализационного процесса Россия не получит, поэтому ее главные надежды должны связываться с внутренними возможностями ее модернизации. Это предполагает, прежде всего, выработку цивилизационного проекта для России, поскольку в настоящее время она переживает именно цивилизационный кризис,

охватывающий практически все основные сферы жизнедеятельности страны. Этот проект должен быть системным: только на его основе можно определить, *что, во имя чего и с помощью чего* надо делать.

Содержание цивилизационного процесса должно основываться, в числе прочего, на трезвом учете российской ментальности, определении общих принципов взаимодействия общества и природы применительно к конкретной территории с учетом ее ресурсов, климатических условий и уровня развития научно-технического потенциала.

Существует много вариантов прогнозов относительно исторической судьбы России. Один вариант (К.Н. Леонтьев [1], И.Р. Шафаревич [2]) исходит из представления, что Россия – это до-Европа. Поскольку Европа – образец «некрофильной» (Э. Фромм) техногенной цивилизации, то не следует идти по ее пути во имя собственного сохранения. Другой вариант (славянофилы – А.С. Хомяков [3], Ф.И. Тютчев [4, 5]) связан с представлением России как не-Европы – у России свой путь, поэтому развитие по европейскому образцу приведет ее к гибели. Третий вариант (русская православная церковь, К.П. Победоносцев [2]) представляет Запад как царство Антихриста, а Россию – как анти-Европу, третий Рим, оплот православия, который необходимо сохранить. Четвертый вариант (народники, В.И. Ленин) склонен рассматривать Россию как пост-Европу, которая должна заимствовать у Запада все лучшее, особенно научно-технические достижения.

Сейчас ясно, что ни один из этих вариантов выживания России в грядущей геополитической борьбе за источники энергии и минеральные ресурсы не подходит, поэтому необходима разработка цивилизационного проекта развития, учитывающего современные реалии. При этом необходимо иметь в виду, что социальный прогноз с неизбежностью содержит в себе элемент утопизма, поскольку практика, являющаяся критерием истины, представлена в данном случае в виде некоего идеального проекта, который еще предстоит воплотить в жизнь. Учесть все составляющие достоверного прогноза весьма трудно, так как в быстро меняющемся мире в ход событий часто вмешиваются факторы, которые не были приняты в расчет при составлении прогноза. Сейчас можно констатировать, что Россия в начале XXI века находится в такой бифуркационной точке, в которой на дальнейший ход событий могут оказать влияние и непредвиденные факторы. Вместе с тем к числу базисных факторов, обеспечивающих выживание России, должны быть отнесены составляющие ее цивилизационного проекта.

Прежде всего, необходима инвентаризация того, что имеем как результат непродуманных социальных реформ. Многие эксперты положение современной России склонны оценивать как катастрофическое, а не просто кризисное. По их оценкам проблемы проявляются в ослаблении военной мощи, научно-техническом отставании, экономической депрессии, возрастании опасности техногенных катастроф и экологической угрозы, в сокращении населения и ухудшении его здоровья, в утрате продовольственной независимости, в уменьшении невозобновляемых ресурсов, в криминализации всех структур общества, угрозе распада страны, в неспособности власти приостановить продолжающийся раскол общества на богатых и бедных и т. д. Речь, следовательно, идет о безопасности страны. При этом было бы наивно игнорировать внешние угрозы России.

Безопасность России можно понять только в контексте глобализации. Известно, что безопасность любого народа определяется безопасностью и состоянием мира в целом, поэтому базовыми понятиями безопасности справедливо считаются не абстрактные «общество», «государство», «личность», а конкретные территория, население, природные ресурсы, духовные ценности, исторически сложившийся уклад жизни. Россия же пока не имеет ни четко выстроенных координат своего развития, ни определенного вектора развития. Это выражается в отсутствии четких представлений о том, какое общество мы строим, какова наша цель, какова интегрирующая национальная идея.

Географическое положение России обусловило сплетение в национальном сознании культурных форм Запада и Востока. Базисные характеристики российского национального сознания, выраженные в русской философии и составляющие ядро российской культуры, несут в себе отпечатки Запада и Востока.

Сила России определялась слиянием в ней Запада и Востока. Огромная евразийская территория, на которой появился и развивался российский этнос, являлась фактором, защищавшим Россию от набегов захватчиков, которые «вязли» в огромных пространствах. Географическое пограничье России предопределило и «маятниковый» характер сложившейся в ней цивилизации.

Эксперты отмечают, что в истории России просматривается некая закономерность в чередовании циклов поддержки глобализации и изоляционизма.

Первый цикл поддержки совпадает со временем реформ Петра I. Второй цикл падает на время, начавшееся с последней трети XVIII века и заканчивающееся в начале XIX века. Третий цикл начался с 60-х годов XIX века и закончился в 1917 году. Четвертый цикл начался

с 90-х годов XX века и продлится, как ожидается, до конца первой четверти XXI века (именно этот срок и отводится России для самоопределения и выбора пути развития).

Циклы самоизоляции России падают соответственно на время, предшествующее реформам Петра I, затем – послепетровский период XVIII века, далее – время николаевской реакции XIX века и, наконец, время с 1917 года по 1991 год. В конечном счете, Россия оказалась не в состоянии полностью порвать ни с Западом, ни с Востоком. Если исходить из предположения, что разные культурные миры хотя и взаимопроницаемы, но принципиально своеобразны, то выработка цивилизационного проекта для России должна это учитывать.

Преимущественной формой глобализации, осуществляемой Россией, была территориальная глобализация. Огромная протяженность пространств России затрудняла информационно-коммуникативную глобализацию, что приводило к дезорганизации управленческой глобализации. Этническая глобализация, выражавшаяся в расположении на территории одного государства представителей различных этносов, при использовании националистических настроений может способствовать распаду России, чему благоприятствуют сложившиеся после распада СССР ее государственные границы.

После распада СССР в России создалась ситуация, объективно обусловившая сдвиг в сторону Востока. Данная ситуация определяется новыми государственными границами России. Распад СССР обусловил возникновение межрегиональной структуры, существенно отличающейся от прежней и тяготеющей к расширению и интенсификации социально-экономических связей с Востоком.

Многие эксперты обращают внимание на то, что выделение Украины, Белоруссии, прибалтийских республик, Молдавии объективно актуализирует важность социально-экономического потенциала восточных районов России и увеличивает необходимость усиления ориентации на развитие экономических связей со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Утрата морских побережий Балтийского, Черного и Каспийского морей, обладавших высокой экономической активностью, усиливает значение в экономике России морских портов восточных районов и дальневосточных морских портов.

Отпавшие от СССР республики создали своеобразную буферную зону, объективно затрудняющую развитие экономических связей со странами Запада, Ближнего Востока и Средиземноморья. Следствием этого является объективная необходимость в усилении связей российских экономических центров с восточными странами. Выработка новой системы геополитических приоритетов тоже должна учитывать это обстоятельство.

Состояние современных российских государственных границ, а также особенности российского менталитета, имеющего глубокие «восточные корни», будут способствовать сдвигу «российского маятника» в сторону Востока. Географическое положение России требует присутствия в геополитическом «раскладе» и восточного, и западного факторов, четкого расчета в каждый момент времени тех преимуществ ориентации на соответствующий фактор, которые объективно «работают» на усиление ее национальной безопасности.

Распад СССР привел к изменению географического положения страны – в России удельный вес восточной и северной ее частей увеличился за счет сокращения удельного веса южных и западных частей. Сложившееся географическое положение не может не повлиять на определение стратегии модернизации страны, поскольку характеризуется тем, что основное население ее живет севернее пятидесятого градуса северной широты, т. е. в зоне преимущественно рискованного земледелия. Но восточные районы располагают огромными запасами сырьевых ресурсов (здесь сосредоточено более 80 % российских запасов нефти, газа, алмазов, 90 % золота, 95 % олова и т. д).

Осуществлять модернизацию России можно только за счет этих природных, а также человеческих ресурсов. В Сибири и на Дальнем Востоке работают отделения и филиалы Российской академии наук, множество отраслевых научно-исследовательских институтов. Их соответствующее использование будет способствовать преодолению технической отсталости. Но, чтобы осуществить модернизацию на основе новейших технологий, необходима система мер по удержанию в этом районе квалифицированных кадров. В рамках рыночной экономики стимулы «голового патриотизма» не работают. Необходимо трезво взглянуть на создающуюся геополитическую ситуацию. Если мы не сможем (не захотим, не успеем) создать в восточных районах развитую инфраструктуру, их население и далее будет уменьшаться. А это значит, что рано или поздно эти территории будут освоены нашими могущественными восточными соседями, и тогда Сибирью и Ледовитым океаном будет прирастать их могущество, а не России.

Имеющихся в России ресурсов достаточно для осуществления ее модернизации. Поскольку эти ресурсы сосредоточены в основном в восточных районах, необходим пересмотр приоритетов в их пользу. В настоящее время вложения в эти районы не пропорциональны их вкладу в экономику России. Эффективное интегрирование восточных районов в мировую экономику должно исходить из общенациональных интересов, а не узкокорыстных интересов монополистических групп. Дальнейшее поощрение государством ценностного «террора»

(прежде всего энергетического и транспортного) становится угрозой национальной безопасности страны, открывающей дорогу к расчленению России.

У каждой страны свой путь модернизации, учитывающий ее историю, культуру, менталитет, географическое положение, состав народонаселения и многое другое. Для ее успешного осуществления требуется объединяющая население страны идея. Поиски национальной идеи в постсоветской России зашли в тупик. Россия всегда была страной, весьма чувствительной к правде и справедливости. Идеология крайнего либерализма оказалась неспособной к установлению равного отношения членов общества к ресурсам страны. Имитационно-догоняющий цивилизационный проект выявил свою неспособность улучшить жизнь основной массы населения. Любая идея национального интереса России, игнорирующая необходимость обеспечения благоденствия ее населения на основе экономического развития, учитывающего экологическую составляющую, при наличии сильного государства нежизнеспособна.

Эта нежизнеспособность обусловлена отторжением направленности современных российских реформ массовым сознанием. Исторический опыт свидетельствует, что никакие проекты модернизации не будут претворены в жизнь, если они не станут достоянием массового сознания. Предельная мобилизация сил в России возможна лишь на основе надэтнической объединяющей идеи. В многонациональной стране этнический сепаратизм губителен.

Осуществление модернизации России в условиях глобального экологического кризиса обостряет вопрос о приоритетах финансирования. Все расходы на модернизацию будут зависеть и от тяжести экологической обстановки. Реальностью является необходимость постоянного увеличения затрат на экологическую безопасность.

Мировой опыт свидетельствует о том, что затраты на предотвращение загрязнения природы всегда оказываются меньшими по сравнению с затратами на борьбу с загрязнениями. Поэтому никакая модернизация без усилий по предотвращению экологической катастрофы невозможна. Здесь необходим трезвый учет реалий.

Совершенно ясно, что от процессов глобализации отмахнуться не удастся. В условиях, когда глобализационные процессы стремительно развиваются, изоляционизм для России не может быть главным вектором цивилизационного проекта. Простое же следование России в хвосте мировых глобальных процессов чревато ее превращением в сырьевой придаток развитых стран с плохо предсказуемым будущим. Условием выживания России и ее устойчивого развития может быть

лишь принятие и реализация политики «глобализационного лидерства», что возможно лишь при ориентации ее властной элиты на общенациональные интересы. При этом идеология «глобализационного лидерства» должна обрести общегосударственный статус.

Выгоду от глобализации в настоящее время получают системно-организованные страны, т. е. способные обеспечить свою национальную безопасность. России пока не удалось привести себя после распада СССР в подобное системно-организованное состояние. Пережитые и еще переживаемые ею потрясения, дезорганизация и даже разрушение основных систем жизнеобеспечения, разгул крайнего либерализма и криминалитета, стремительно увеличивающийся разрыв между богатыми и бедными слоями населения (затрудняющий или даже делающий невозможным предотвращение раскола общества), продолжающееся разграбление национальных богатств и т. д. чрезвычайно затрудняют формирование общей цели. Отсутствие серьезного организованного протеста со стороны большинства населения свидетельствует не о том, что «Россия полностью исчерпала лимит на революции», а, скорее, о временной растерянности. Приход к власти национально-ориентированной элиты может способствовать пробуждению активности общества и его самоорганизации во имя национального спасения.

Опасность длительного отказа общества от активного участия в политической жизни очевидна – история дает немало убедительных свидетельств того, что чем дольше «сжимается пружина», тем сильнее и трагичнее по своим последствиям ее «откат», рождающий «бунт бессмысленный и беспощадный».

Исторически Россия формировалась как цивилизация с нечетко отрефлексируемыми смысловыми структурами и ценностными ориентациями, что во многом определялось наличием и специфическим переплетением разных культур, религиозных верований, отсутствием постоянной и четко организованной связи между ее регионами. В этих условиях роль «скрепов» государства, удерживающих его от действий центробежных сил, играло государство, формировавшее свою идеологию. При отсутствии четкой цивилизационной организованности формирование объединяющей национальной идеи может мыслиться лишь при наличии государства, способного выработать эти «скрепы». При этом власть не должна быть «опричной», т. е. отделенной от народа. Когда представитель власти назначается, а не избирается, он становится ответственным не перед избирателями, а перед тем, кто его назначил. Такой «путь» мы, как известно, уже проходили.

Итак, глобализация есть объективный, естественноисторический процесс. Современный мир не един во многих отношениях. Глобализация выражает историческую тенденцию к единству, игнорировать которую бессмысленно. Здесь нужен поиск новых конструктивных подходов. Для национальных государств одной из важнейших глобальных проблем является поиск таких путей включения в глобализационный процесс, которые обеспечивали бы сохранение своей самости, культурной идентичности.

В предпринимаемых в этом направлении действиях важно избежать шекспировского образа, когда «безумцы предводительствуют слепцами». Избежать этого можно лишь на основе четкого осознания целей и средств включения в глобализационный процесс. Только конструктивность цивилизационного проекта, позволяющего увязывать проблемы модернизации России с ее ментальностью и глобальным геополитическим и экологическим контекстом, поможет найти путь, ведущий к ее сохранению и коэволюционному развитию.

Библиографический список

1. Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство. М.: Республика, 1996.
2. Шафаревич И.Р. Соч. 6. В 2-х т. М.: Феникс, 1994.
3. Хомяков А.С. Сочинения. В 2-х т. М.: Медиум, 1994.
4. Тютчев Ф.И. Россия и Запад // Полн. собр. соч. СПб: Издание А. Ф. Маркса, 1913.
5. Победоносцев К.П. Исторические исследования и статьи. – СПб: Типография Министерства путей сообщения (А. Бенке), 1876.

ГРНТИ 06.39.31
УДК 338.24.01

А.А. Харламова
БГТУ «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова, Санкт-Петербург

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В статье рассмотрено противоречие, возникающее в процессе повышения уровня социально-экономического развития и обеспечения экономической безопасности на национальном уровне. Разрешение этого противоречия требует поиска определенной фундаментальной базы. В качестве такого фундамента предлагается система образования, обеспечивающая повышение уровня человеческого капитала. Исходя из этого, требуется формирование комплексной стратегии,

объединяющей в себе такие направления, как социально-экономическое развитие, обеспечение экономической безопасности и совершенствование системы образования.

Ключевые слова: социально-экономическое развитие, экономическая безопасность, система образования, уровень человеческого развития, производительность труда, макроэкономическая политика.

Проблема, связанная с обеспечением социально-экономического развития страны, является одной из наиболее значимых как для экономической науки, так и для практики управления национальной экономикой. Это обусловлено сложностью решаемых в ее рамках вопросов, включающих достижение количественных и качественных индикаторов развития и устранение угроз, которые при этом могут возникать.

При этом формируются два крупных самостоятельных направления: обеспечение экономического роста и обеспечение экономической безопасности. При их реализации возникает определенное противоречие, заключающееся в следующем: при разработке программ, обеспечивающих экономический рост, далеко не всегда рассматривают потенциальные угрозы экономической безопасности. В то же время в программах и проектах, направленных на повышение уровня экономической безопасности, не уделяется должное внимание возможному снижению темпов экономического роста и замедлению социально-экономического развития.

Данное противоречие имеет под собой экономические основы и его разрешение представляет собой важную теоретическую и практическую задачу в рамках управления национальной экономикой. Это предполагает проведение комплексного анализа указанных процессов, начать который необходимо с вопросов, относящихся к экономическому росту.

Экономический рост представляет собой процесс, в результате которого увеличивается объем произведенных товаров и услуг, по сравнению с оцениваемым предшествующим периодом, исходя из возможностей национальной экономики. Благодаря экономическому росту формируются основы динамичного социально-экономического развития того или иного государства.

Следует обратить внимание на то, что темпы экономического роста в различных отраслях и сферах экономики могут не совпадать. Вследствие ускоренного роста в отдельных отраслях, обычно называемых драйверами, возникают диспропорции, которые могут оказывать негативное влияние на уровень экономической безопасности [1, с. 37]. Это отражает экономический смысл сформулированного противоречия.

Современная наука исходит из того, что в условиях глобализации усиливается значимость человеческого капитала. Уровень его развития становится определяющим фактором не только для экономического роста, но и для конкурентоспособности национальной экономики.

В рамках этого в ежегодном отчете ООН публикуется индекс человеческого развития.

Анализируя этот отчет, можно заметить, что все страны разделены в нем на четыре группы (на примере отчета 2016 г.):

1) страны с очень высоким уровнем человеческого развития (1–51 позиция);

2) страны с высоким уровнем человеческого развития (52–105 позиция);

3) страны со средним уровнем человеческого развития (106–147 позиция);

4) страны с низким уровнем человеческого развития (107–188 позиция).

Наиболее интересным здесь является первый раздел, краткие сведения из которого представлены в таблице 1 (оценивались 188 стран).

Таблица 1

Страны с очень высоким уровнем человеческого развития, 2016 г. [2]

№ позиции в рейтинге	Страна	Индекс человеческого развития	Индекс, скорректированный с учетом неравенства
1	Норвегия	0,949	0,898
2	Австралия	0,939	0,861
3	Швейцария	0,939	0,859
4	Германия	0,926	0,859
5	Дания	0,925	0,858
6	Сингапур	0,925	–
7	Нидерланды	0,924	0,861
8	Ирландия	0,923	0,850
9	Исландия	0,921	0,868
10	Канада	0,920	0,839
10	США	0,920	0,796
49	Россия	0,804	0,725
50	Румыния	0,802	0,714
51	Кувейт	0,800	–

Следует обратить внимание на то, что не все страны, являющиеся экономическими лидерами, занимают передовые позиции в рейтинге.

Так, Канада и США делят между собой 10-е место, в то время как Ирландия и Исландия опережают их, занимая 8 и 9 строчку (соответственно). Такие страны, как Норвегия (1 строчка в рейтинге) и Австралия (2 позиция), также нельзя назвать абсолютными лидерами глобальной экономики. Но это не мешает им не только находиться на вершине рейтинга, но и обеспечивать гармоничное развитие своих экономик, демонстрируя успехи в социально-экономическом развитии и уровне защищенности своих граждан.

Что касается нашей страны, то мы, наряду с Румынией и Кувейтом, завершаем первый раздел рейтинга, входя в число стран с очень высоким уровнем человеческого развития. Безусловно, это не может не радовать.

В то же время позиции России в рейтинге указывают на наличие нереализованного потенциала и имеющиеся проблемы в сфере экономической безопасности. Дадим краткие комментарии по поводу этого. Первое, на что следует обратить внимание – это производительность труда (табл. 2).

Таблица 2

Ранжирование стран
по показателю производительности труда, 2016 г. [3]

№ позиции в рейтинге	Страна	Рабочих часов в год	Производительность труда, долл./час
1	Люксембург	1 643	59,0
2	Норвегия	1 427	47,0
3	Австралия	1 664	38,5
4	Швейцария	1 568	36,6
5	Нидерланды	1 425	36,6
6	Германия	1 371	33,5
7	Дания	1 436	31,1
8	США	1 789	30,5
9	Ирландия	1 821	29,8
10	Швеция	1 609	29,1
32	Россия	1 985	12,5

Таблица показывает, что в России используется большее количество рабочих часов, чем в странах-лидерах: 1 985 против примерно 1 575 (если рассматривать эту цифру как среднюю по десяти странам).

Связь между уровнем человеческого развития и производительностью труда очевидна: несмотря на то, что мы значительно превышаем

средний показатель трудозатрат, производительность в России значительно отстает от стран первой десятки. В этой связи закономерно возникает вопрос о причинах такого отставания и возможности его устранения. В противном случае речь может идти не только об отставании нашей страны в темпах социально-экономического развития, но и о снижении уровня экономической безопасности в национальном масштабе.

Опираясь на результаты исследования этой проблемы в научных публикациях, можно выделить в качестве причин отставания старение основных производственных фондов, использование устаревших технологий, отсутствие желаемого уровня инвестиций в реальный сектор экономики и др. [4, с. 102]. В то же время, как показывают результаты проведенного нами анализа, в данном контексте остается недостаточно изученным влияние на производительность труда действующей системы образования [5]. Мы предлагаем взглянуть на эту проблему несколько иначе, с позиции объединения усилий по обеспечению социально-экономического развития и экономической безопасности. Для этого условно можно выделить три уровня производственных процессов, влияющих на получаемые результаты: «низкий», «средний» и «высокий».

Первый из них характеризуется трудом, требующим использования простых механизмов и навыков и не предполагающим специального образования. Его результатом может быть производство таких услуг, как, например, уборка помещений, доставка и разгрузка негабаритных грузов и т. п. Так, для работы водителя, доставляющего покупателям товары, заказанные в онлайн-магазине, достаточно только наличия водительского удостоверения.

Второй уровень предполагает использование более сложной техники и оборудования, а, следовательно, и умение с ними обращаться. Это требует от работника, помимо определенных навыков, получения среднего специального образования. «Средний» тип производственного процесса характерен, например, для рядового бухгалтера, имеющего соответствующую квалификацию.

И, наконец, третий уровень присутствует там, где выполняется технологически сложная работа, включающая процесс создания нового. Например, «высокому» уровню соответствует работа конструкторов, программистов, менеджеров и др., которая требует не только высокого уровня образования, но и периодического повышения квалификации [6, с. 19].

Это простой и при этом довольно точный подход. Он позволяет подойти к вопросу вклада производственных процессов различных

уровней в развитие национальной экономики и к решению задач социально-экономического развития страны.

Чем большая доля труда относится к «высокому» уровню, тем быстрее внедряются инновации и развивается производство высокотехнологических товаров и услуг. Это отражается на таких показателях, как доля машиностроения в промышленном производстве, доля инвестиций в основной капитал, доля новых видов продукции в общем объеме выпуска, количество зарегистрированных патентов, расходы на научные исследования и образование и т. д.

Количественный рост новых разработок приводит к их распространению и производству не только для внутреннего потребления, но и на экспорт. Это закрепляет за страной инновационную направленность экономики, повышает уровень ее глобальной конкурентоспособности и формирует растущий интерес зарубежных потребителей [7, с. 9]. Такие процессы соответствуют и основным направлениям обеспечения экономической безопасности, поскольку позволяют эффективно решать проблемы, связанные с безработицей, инфляцией, внутренним и внешним долгом, долей импорта во внутреннем потреблении (включая продовольствие) и др.

Что же касается российской экономики, то сегодня она характеризуется преобладанием производственных процессов «среднего» уровня. К фундаментальным причинам такого положения относятся не столько отсутствие финансовых ресурсов, коррупция и чрезмерная «зарегулированность» экономики (хотя это и очень важно), сколько нехватка необходимых знаний и квалификации и недостаточный уровень развития человеческого капитала.

В то же время наши позиции по уровню образования находятся на довольно хорошем уровне. Оценка индекса уровня образования в различных странах, которая ежегодно проводится ООН, представлена в таблице 3 (анализировалось 188 стран).

К сожалению, такая оценка далеко не всегда совпадает с мнением работодателей, особенно тех, кто представляет иностранные компании, работающие в нашей стране. Они, как правило, невысоко оценивают качество российской системы образования и уровень подготовки работников. В данной области отечественными учеными и специалистами проводится достаточно много исследований, указывающих на несовпадение официальной статистики с действительностью [9]. Несмотря на неоднозначность имеющихся суждений по этому вопросу, следует понимать, что качество образования в целом, высшего, в частности, является той фундаментальной основой, которая обеспечивает высокий уровень человеческого капитала. Его развитие способствует

количественным и качественным изменениям, позволяющим достичь высокого уровня социально-экономического развития и экономической безопасности.

Таблица 3

Рейтинг стран мира по индексу уровня образования, 2016 г. [8]

№ позиции в рейтинге	Страна	Индекс
1	Австралия	0,939
2	Дания	0,923
3	Новая Зеландия	0,917
4	Норвегия	0,916
5	Германия	0,914
6	Ирландия	0,910
7	Исландия	0,906
8	США	0,900
9	Нидерланды	0,897
10	Великобритания	0,896
34	Россия	0,816
35	Италия	0,814
36	Сингапур	0,814

В заключение следует сделать вывод, что развитие системы образования представляет собой фактор, связывающий воедино социально-экономическое развитие и обеспечение экономической безопасности страны. В этой связи макроэкономическая политика должна строиться с учетом тех возможностей и задач, которые стоят перед страной в условиях глобализации. Реализация практических действий в рамках такой политики будет снижать остроту выявленного в данной статье противоречия, разрешение которого возможно только на основе разработки комплексной стратегии, объединяющей социально-экономическое развитие, обеспечение экономической безопасности и совершенствование человеческого капитала с использованием всех преимуществ системы высшего образования. Примером такого комплексного подхода может служить разрабатываемая в настоящее время стратегия развития «Россия 2035».

Библиографический список

1. Харламова А.А. Возникновение новых угроз экономической безопасности России // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2017. № 1. С. 36–40.

2. Доклад о человеческом развитии 2016 // Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН). URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/HDR2016_RU_Overview_Web.pdf (дата обращения: 07.09.2017).

3. Россия оказалась внизу рейтинга производительности труда. URL: <https://www.spb.kp.ru/daily/26568.5/3584292> (дата обращения: 23.07.2017).

4. Волостников А.И., Харламов А.В. Институциональные основы развития реального сектора экономики страны: монография. СПб: Изд-во Политехн. ун-та, 2010. 142 с.

5. Плотников Н.В. Система высшего профессионального образования в обеспечении национальной безопасности и национальных интересов // Экономика и управление. 2015. № 7 (117). С. 80–83.

6. Любимов И.Л. От человеческого капитала к экономическому росту: прямая дорога или долгое блуждание по лабиринту? // Вопросы экономики. 2017. № 8. С. 5–23.

7. Харламова А.А. Глобализация и процесс обеспечения экономической безопасности государства // Петербургский экономический журнал. 2016. № 4. С. 6–11.

8. Рейтинг стран мира по уровню образования 2016 // Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН). URL: <http://gtmarket.ru/ratings/education-index/education-index-info> (дата обращения: 07.09.2017).

9. Бессуднов А., Куракин Д., Малик В. Миф о всеобщем высшем // Ведомости. 2017. С. 7.

ГРНТИ 04.81

УДК 331.1

В.С. Каташинских, А.Э. Федорова
УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург
С.Н. Каташинских
УГЛТУ, Екатеринбург

ОБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ ПРЕКАРИЗАЦИИ ЗАНЯТОСТИ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В данной статье сделан фокус на отдельных объективных факторах социального загрязнения трудовых отношений между работниками и работодателями.

Целью исследования является мониторинг изменений в трудовых отношениях между работниками и работодателями, а также изучение природы токсичных элементов трудовых отношений, которые рассматриваются авторами как феномен социального загрязнения от экономической деятельности хозяйствующих субъектов.

Ключевые слова: социально-трудовые отношения, социальное загрязнение, прекаризация занятости, прекариат.

Кризисные процессы, охватившие на сегодняшний день практически все сферы жизни общества, неизбежно ведут к постоянному увеличению доли работников, не имеющих социальной защиты и гарантированной занятости. Данное явление, называемое *прекаризацией занятости*, рассматривается нами как социальное загрязнение от экономической деятельности хозяйствующих субъектов [1, с. 839], оказывающее неблагоприятное воздействие как на отдельного работника, так и на общество в целом.

На данном этапе растущее число исследований прекаризации занятости взаимно обогащают друг друга, дополняя систему научных знаний о труде. Несмотря на это, данный феномен по-прежнему является мало изученным, требующим глубоких изысканий причинно-следственных связей. Следует отметить, что проблема прекаризации занятости особенно актуализирована в Свердловской области, традиционно являющейся одним из важнейших промышленных районов России.

Социологическое исследование, проведенное авторами в Свердловской области в 2015 году ($N = 210$) среди работников различных предприятий, позволило выявить ряд специфических черт современного прекариата промышленного региона. Исследование проводилось методом очного анкетирования. Отбор респондентов осуществлялся с помощью квотной выборки на основании двух признаков: пол и категория работника.

Среди задач нашего исследования было выявление того, какие группы трудоспособного населения являются наименее защищенными и могут быть идентифицированы как прекариат. Соотнесение факторов прекаризации с категорией работника позволяет выявить некоторые социально-демографические характеристики прекариата. Все факторы, детерминирующие тот или иной вид деятельности, можно условно разделить на объективные и субъективные, используя «принцип выделения объективных и субъективных по своему происхождению элементов детерминации» [2, с. 28]. Таким образом, социологический анализ факторов детерминации позволил разделить их на две группы: объективные и субъективные. К объективным факторам прекаризации относятся:

- 1) форму трудовых отношений с работодателем;
- 2) срок действия трудовых отношений с работодателем;
- 3) форму выплаты денежного вознаграждения;
- 4) кадровую политику организации;

- 5) нарушение договоренностей со стороны работодателя;
- 6) категорию работника;
- 7) сферу деятельности организации;
- 8) пол (гендер).

В данной статье сделан фокус на отдельных объективных (внешних, обусловленных не зависящими от работника причинами) факторах. Также к объективным факторам традиционно относят социально-демографические характеристики работников.

Распределение мнений респондентов анализировалось как по категориям работников, так и по отраслям экономики. В выборочной совокупности присутствовали работники следующих отраслей:

- 1) сервис, услуги;
- 2) энергетика, природные ресурсы;
- 3) производство;
- 4) торговля;
- 5) строительство, недвижимость;
- 6) банки, инвестиции, финансы;
- 7) органы власти.

Полученные результаты показывают, что во всех обозначенных отраслях экономики работники преимущественно имеют трудовые договоры по основному месту работы. При этом часть работников не имеют трудового договора.

В ходе анализа результатов исследования было выявлено, что без оформления письменного договора чаще всего трудятся респонденты, имеющие рабочие профессии. Среди них доля работающих по устной договоренности составляет 9,1 %. Договоры возмездного оказания услуг (подряда), трудовые договоры о работе по совместительству и работа по устной договоренности с работодателями рассматриваются нами как прекаризационные формы трудовых отношений.

Особую важность для работников имеет срок трудового договора. Бессрочный трудовой договор либо договор, заключенный на длительный период, дают работнику больше защищенности и уверенности в завтрашнем дне. А краткосрочный трудовой договор способствует развитию неуверенности, зачастую свидетельствует об отсутствии перспектив. Рассматривая вариацию сроков трудовых договоров по категориям персонала, можно заключить, что абсолютное большинство работников трудоустроены на неопределенный срок (от 77,4 до 100 % в зависимости от категории работника).

Анализ данных по отдельным категориям работников (табл. 1) показывает, что 3 % опрошенных рабочих указали, что срок договора зависит от окончания работы, в равной доле (по 4,5 % ответивших) присутствуют 3-х и 4–5-летние соглашения с работодателями.

Таблица 1

**Влияние категории работника
на срок трудовых отношений, % от ответивших**

Варианты ответов	Рабочий	Специалист	Обслуживающий персонал	Руководитель отдела	Топ-менеджер	Итого
На неопределенный срок	87,9	82,9	77,4	93,5	100,0	85,6
Срок зависит от окончания работы	3,0	5,3	9,7	0	0	4,3
4–5 лет	4,5	3,9	0	0	0	2,9
3 года	4,5	0	3,2	3,2	0	2,4
2 года	0	1,3	0	3,2	0	1,0
1 год	0	2,6	6,5	0	0	1,9
6 месяцев	0	3,9	0	0	0	1,4
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Респонденты из категории специалистов имеют практически все варианты сроков трудовых отношений, хотя у большинства (5,3 %) срок трудового договора зависит от окончания работ. Среди обслуживающего персонала зафиксирован наибольший процент (9,7 %) тех, у кого срок трудового договора зависит от окончания работ, что объясняется спецификой деятельности обслуживающего персонала, который, как правило, работает на конкретных проектах. Выделяется здесь топ-менеджмент, 100 % которого работает по договору, заключенному на неопределенный срок. Таким образом, по данному фактору прекаризации топ-менеджмент абсолютно не испытывает никакого негативного влияния.

Основная масса работников во всех исследуемых отраслях (от 51,6 до 93,6 %) получает деньги на зарплатный счет (табл. 2).

Наименьший процент (51,6 %) зафиксирован в торговле, наибольший (92,9 и 93,6 %) – в сферах инвестиций, банков, финансов, а также в энергетике и отрасли природных ресурсов. Соответственно, в данных отраслях деятельности выявлен самый низкий процент тех работников, которые получают денежное вознаграждение «в конверте».

В торговле мы отмечаем самое большое количество работников (22,6 %), имеющих расчет с работодателем «в конверте». Объясняется данное обстоятельство большим количеством наличных денежных средств в сфере торговли, высокой частотой уклонения от налоговых выплат со стороны работодателя.

Таблица 2

Влияние отрасли деятельности предприятия на форму выплаты денежного вознаграждения за работу, % от ответивших

Варианты ответов	Производство	Торговля	Сервис, услуги	Строительство, недвижимость	Энергетика, природные ресурсы	Банки, инвестиции, финансы	Итого
«Вся сумма полностью переводится на мой зарплатный счет в банке (на карту)»	79,5	51,6	69,2	73,3	93,6	92,9	75,8
«Вся сумма полностью выдается «в конверте»	17,9	22,6	16,9	6,7	2,1	7,1	13,3
«Меньшая часть суммы переводится на мой зарплатный счет в банке (на карту), а большая часть выдается «в конверте»	2,6	12,9	6,2	6,7	0	0	4,7
«Большая часть суммы переводится на мой зарплатный счет в банке (на карту), а меньшая часть выдается «в конверте»	0	12,9	1,5	13,3	2,1	0	3,8
«Вся сумма выдается наличными официально»	0	0	3,1	0	0	0	0,9
«Я вообще не получаю денежного вознаграждения за свою работу»	0	0	3,1	0	0	0	0,9
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Смешанная форма выплаты денежного вознаграждения (часть суммы переводится на зарплатный счет, часть выдается «в конверте») регистрируется в таких отраслях деятельности, как торговля, сервис и

услуги, а также в строительстве и недвижимости. В сферах производства, энергетики и природных ресурсов таких работников около 2 %, а в секторе финансов, банков и инвестиций их нет совсем.

Вообще не получают денежного вознаграждения за свою работу работники сферы услуг (3,1 % опрошенных). В других отраслях деятельности такого нет.

При анализе распределения форм выплаты денежного вознаграждения по категориям работников нами установлено, что вся сумма выдается «в конверте» практически в равной степени рабочим, специалистам, обслуживающему персоналу и руководителям отделов. Исключение составляют опять-таки топ-менеджеры, среди которых нет никого из опрошенных, кому бы выдавали денежное вознаграждение «в конверте».

Таким образом, в процессе исследования был выявлен ряд объективных факторов социального загрязнения от экономической деятельности хозяйствующих субъектов, среди которых прекаризационные условия занятости и токсические практики управления персоналом.

Установлено, что форма трудового договора, его длительность, а также форма выплаты денежного вознаграждения существенно влияют на благополучие каждого конкретного работника, членов его семьи, равно как и на общество в целом, экономику региона и государства. Таким образом, можно заключить, что выявление различных факторов социального загрязнения позволит находить способы решения данных проблем, что свидетельствует о высокой потребности современного общества в подобных исследованиях.

Библиографический список

1. Fedorova A., Menshikova M. Social pollution factors and their influence on psychosocial wellbeing at work. In the International Multidisciplinary Scientific Conferences on Social Sciences and Arts – SGEM2014. Albena, Bulgaria, September 1–10, 2014. Vol. II. Pp. 839–846.

2. Меренков А.В. Система детерминации человеческой деятельности. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. горно-геологической академии, изд-во Банк культурной информации, 2003. 228 с.

ГРНТИ 13.91
УДК 008:39

А.В. Березина
УГЛТУ, Екатеринбург

ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ ВВЕДЕНИЯ ПОНЯТИЯ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ В РОССИЙСКИХ РЕАЛИЯХ

На основе рассмотрения истории возникновения и введения понятия «мультикультурализм» в статье выделяется значение этого термина как политологического понятия, скрывающего реальные этнокультурные практики и процессы.

Ключевые слова: этнос, этнокультуры, мультикультурализм, марийцы, национальный язык.

Введение возникшего в 70-е годы понятия «мультикультурализм» в научный и социально-политический оборот оспаривается до сих пор. Одни признают его употребление только в политико-экономической проблематике, другие считают его излишним и не оправдывающим себя, третьи же, уделяя особое внимание проблемам взаимодействия культуры и общества, политических и экономических систем, ратуют за введение данной терминологии как необходимой и своевременной. Ими же подчеркивается, что именно своеобразие современного мира и сложность взаимоотношений привели не только к появлению нового феномена, но и к возникновению понятия мультикультурализма.

В конечном итоге все споры сводятся к проблеме определения понятия мультикультурализма. Как пишет Ричард Бернстайн, «мультикультурализм – определенно понятие неопределенное» [1].

На определение мультикультурализма и различные его понимания влияет разнообразие дефиниций, определяющих его. Во-первых, это смысл и значение понятия культуры, во-вторых, это смысл и значение понятий справедливости и права, в-третьих, определение глобализации, ее периодизации и, вместе с тем, смысл и значение мультикультуральных практик.

«Мультикультурализм» трактуется и как социальное движение, возникшее в США в ответ на двоякое использование расовых категорий при приеме на работу, продвижении по службе и голосовании; и как система убеждений и ценностей, появившихся по причинам, отличным от эпистемологических.

В The International Federation of Library мультикультурализм определяется как «сосуществование различных культур, где культура

включает в себя расовые, религиозные или культурные группы и проявляется в обычном поведении, культурных предположениях и ценностях, образцах мышления и коммуникативных стилях» [2].

Ограничиваясь в данной работе этнокультурной проблематикой, рассмотрим необходимость введения данного понятия только при анализе этнокультурного пространства.

Употребление данного понятия в анализе культур символизирует калейдоскопичность этномира с его ценностным многообразием, многообразием миропонимания и мировосприятия. Текущие процессы унификации, стандартизации и стереотипизации этнокультурного разнообразия стали не только явными, но и опасными для потери человеческого культурного достояния. В этой ситуации современное общество вынуждено вырабатывать новые основы этического поведения.

Идеи о правовом и политическом принятии этнического разнообразия в течение последних 40 лет находятся в состоянии глобального изменения и постоянно подвергаются критике. Прогрессирующий процесс унификации культур вызовет ответную реакцию в виде этноцентризма. Луи Менанд отмечает, что, «возможно, общество с множеством других проблем не должно быть слишком одержимо [этнокультурными] вопросами. Но, так или иначе, они тревожат нас, и следствием этого состояния является почти полное отсутствие консенсуса относительно того, что является толерантным и справедливым, а что фанатичным и «политически правильным»; того, что можно отнести к разумному критицизму или неприязни, или что такое расизм, сексизм и гомофобия; того, что является лучшим в изменении границ толерантности и справедливости, и какие могут быть основания для судебных тяжб» [3].

С одной стороны, культурное разнообразие социумов было и есть с древнейших времен, а с другой стороны новая политико-экономическая проблематика позволяет различно интерпретировать периодизацию мультикультурализма. Так, в The Internet Encyclopedia of Philosophy (IEP) мультикультурализм обосновывается как явление древнейшее, а появление данного понятия во второй половине XX века связывают лишь с систематическим изучением этого явления. «Мультикультурализм – явление с долгой историей и исторически им затронуты были те страны, которые вынуждены были принять многокультурную политику, например, такие, как Османская империя. Его систематическое исследование в философии берет начало лишь в конце XX века, когда особенно либеральные философы стали уделять ему особое внимание» [4].

Так, в Древней Греции были области, различающиеся костюмами, традициями, диалектами и идентичностями, например, Этолия, Локрида, Дорис и Эпир. В Османской империи мусульмане составляли большинство, но были и христиане, и евреи, и арабы-язычники, и другие религиозные группы.

В XXI веке социумы продолжают сохранять культурное разнообразие, проявляющееся в смешении людей из разных рас, языковой среды, религиозной принадлежности, и т. д. Современные политические теоретики назвали этот феномен сосуществования различных культур в одном и том же географическом пространстве *мультикультурализмом*. Таким образом, одно из значений мультикультурализма – это сосуществование разных культур.

В гуманитарных науках уже существуют понятия, характеризующие не только сосуществование различных культур в одном и том же географическом пространстве (поликультурность), но и типы этнокультурного взаимодействия (аккультурация, ассимиляция, интеграция и колонизация). Таким образом, употребление понятия «мультикультурализм» для описания культурного разнообразия общества является излишним.

В итоге, как показывает анализ многочисленных работ по мультикультурализму, данное понятие используется для обозначения политической деятельности, направленной на защиту культурного разнообразия.

Здесь мультикультурализм проявляется как явление совершенно новое, связанное с глобализационными процессами, демократизацией, тесным взаимодействием народов и этнических групп, перераспределением ресурсов и стандартизацией жизненных процессов на повседневном уровне, сохранением как природного многообразия, так и культурного в качестве основы выживания человечества.

Понятие «мультикультурализм» было введено в Канаде в качестве политической цели, в отказе от идеи культурной ассимиляции, в которой от новых граждан ожидалось отказаться от своей первоначальной этнической идентичности в пользу принятия новой идентичности. Более конкретно это обозначает политику взаимодействия, при которой активно поддерживаются взаимные культурные различия и равные шансы и возможности. Это означает, что культурное многообразие не только признается как демографическая характеристика общества, но и оценивается его гражданами как важное для функционирования общества в целом [5].

Тем не менее в современной научной печати все чаще упоминается о крахе политики мультикультурализма, о наступлении

постмультикультуральной эпохи и приходе соответствующей ей посткультурологической литературы. Это связано с тем, что в большей части посткультурологической литературы мультикультурализм характеризуется как хорошее празднование этнокультурного разнообразия, поощрявшее граждан признавать и осваивать множество традиций, обычаев, фольклора и национальной кухни, сосуществующих в полиэтническом обществе. Ясмин Алибхай-Браун называет это моделью «3S» мультикультурализма в Великобритании – сари, самоса и шпилек [6]. Она считает, что в основном преобладает праздничная модель мультикультурализма. При этом мультикультурализм берет знакомые культурные маркеры этнических групп – одежду, кухню и музыку – и рассматривает их как подлинные практики, которые должны быть сохранены их членами и благополучно поглощены другими.

Под знаменем мультикультурализма детей учат в школе, представители этнических групп выступают на фестивалях, эти ценности демонстрируются в средствах массовой информации и музеях, т. д.

Достаточно подробно рассмотрены проблемы внедрения упрощенной модели мультикультурализма в работе Уилла Кимлика [7]. Как ни досадно, именно эта упрощенная модель мультикультурализма действовала в Советском Союзе и была принята в России, независимо от того, что уже тогда она подверглась критическим замечаниям.

Данная модель мультикультурализма основана на консервации этнокультур и их театрализации. Она позволяет игнорировать вопросы экономического и политического неравенства. Устойчивость этнической культуры в том или ином регионе во многом зависит от истории проживания представителей данного этноса на этой территории. В первую очередь, как правило, от неграмотной политики мультикультурализма страдает коренное население.

Так, среди марийцев Свердловской области более высок процент безработицы и маргинализации. И даже если все население Свердловской области будет регулярно посещать этнокультурные мероприятия, фестивали и музыкальные конкурсы, экономическая ситуация останется неизменной. Не решит проблему устойчивости этнической культуры, как это предлагается, и организация туризма. Как правило, основной доход от туристической деятельности остается у организаторов поездок, представители же этноса получают лишь «театральные роли». Участие в различного вида фестивалях не дает фольклорным коллективам никакого дохода, среди участников – в основном женщины пенсионного возраста и дети. Ярким примером может служить деревня «Бураново» Пуро-Можгинского района Удмуртской республики

(«Бурановские бабушки»). Бездорожье, разваливающиеся дома, безработица среди мужчин, пьянство и т. д.

Понятно, что эти экономические и политические проблемы не могут быть решены просто путем «празднования» культурных различий. Даже в отношении (законной) цели содействия более глубокому пониманию культурных различий, сосредоточение внимания на «праздновании аутентичных» культурных практик, которые являются уникальными для каждой группы, потенциально опасно. Как говорилось выше, здесь имеем противоположный риск тривиализации, или искажения, культурных различий, игнорируя реальные не только экономические и социальные проблемы, но и ценностные, этнокультурные, которые могут возникнуть в результате различий в культурных и религиозных ценностях.

Кроме того, все фестивали и празднования проходят на языке большинства, в данном случае – на русском языке. Этнокультурные ценности, которые возможно передать только на языке несущего их этноса, нивелируются и растворяются. Так все этнокультурные фестивали «Народов Урала», «Ага-Пайрэм» (марийский), «Саббантуй» (татарский) в Свердловской области ведутся на русском языке. Демонстрируется лишь национальная кухня, исторические костюмы, танцы и песни народных коллективов.

По мнению мультикультуралистов, растущее признание этих недостатков лежит в основе отхода от мультикультурализма и сигнализирует о поиске новых моделей гражданства, которые подчеркивают:

- 1) политическое участие и экономические возможности в символической политике культурного признания;
- 2) права человека и свободу личности, уважение к культурным традициям,
- 3) построение инклюзивных национальных идентичностей по признанию культурной самобытности предков;
- 4) культурные изменения и смешение культур над овеществлением статических культурных различий.

Если мы признаем за мультикультурализмом статус политически направленного действия, то мы вынуждены признать, что, как и любое политическое действие, мультикультуральные практики несут в себе манипулятивные технологии, скрывающие суть проводимых акций и программ.

В ст. 68 Конституции РФ гарантируется право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития, одновременно наделяя республики правом устанавливать свои государственные языки. ФЗ «Об образовании» гарантирует «право граждан на

получение образования на родном языке из числа языков народов России» (ст. 8).

В обыденности же мы встречаемся с противоположной практикой. Рассмотрим действенность некоторых проводимых сверху программ на примере проживающих на Урале марийцев.

В марийских поселках и деревнях продолжают закрываться школы из-за их малокомплектности, дети переводятся учиться в районные центры, порой за 15 км от дома. Бесспорно, образование в районном центре идет только на русском языке, исключая преподавание марийского языка даже на уровне факультатива.

В национальных школах по нормам существующих сегодня программ обучения национальный язык преподается только два раза в неделю, уступая по количеству часов преподаванию любого европейского языка (как правило, английского). Следует учесть, что и уровень преподавания английского в сельских школах остается очень низким. Не хватает учителей иностранного языка, тогда как педагогов, обучающих детей родному языку, пока достаточно. История марийского народа, его поселения на Урале вообще не изучается и не затрагивается.

Еще одна проблема – получение информации на родном языке. До сих пор как на телевидении, так и на радио нет культурных каналов на марийском языке. В республике Марий Эл все каналы работают на русском языке, выделяя передачам на языке титульного народа только несколько часов.

Культура марийцев тесно связана с взаимодействием с природной средой. Веками отработанные навыки народной медицины, психоневрологического народного лечения, возобновляемого использования природных ресурсов закрепились не только в традициях, песенном творчестве, национальной кухне, но и в языке. Потеря марийского языка – это потеря целого пласта практик выживания и жизни человечества.

Процесс утверждения общего национального языка приводит к ассимиляции остальных культур, национальный проект остается только на бумаге или в лучшем случае в театрализованном виде. Современные этнокультурные проблемы связаны не столько с деятельностью по ознакомлению населения с культурой малочисленных этносов, проживающих на этой же территории, сколько с укреплением культуры самого этого этноса, сохранением его ценностей, способов взаимодействия с окружающим миром.

Подводя итоги, можно констатировать, что введение понятия «мультикультурализм» в российских реалиях не только в культурологическом ключе, но и в ключе политологическом не является необходимым.

Более того, его введение позволяет маскировать истинное положение дел по проблемам становления и развития этнокультур, демографического состояния малочисленных этносов, реальных программ стабилизации этнокультурного развития.

Библиографический список

1. Bernstein R. Dictatorship of Virtue. Multiculturalism and The Battle for America is Future. NY, 1994
2. Defining "Multiculturalism" // The International Federation of Library Associations and Institutions (IFLA). URL: <https://www.ifla.org/publications/defining-multiculturalism> (дата обращения: 15.03.2017).
3. Menand L. The Culture Wars. Dictatorship of Virtue: Multiculturalism and the Battle for America's Future by Richard Bernstein // The New York review of Books. 1994. V. 41. URL: <http://www.nybooks.com/articles/1994/10/06/the-culture-wars/> (дата обращения: 12.03.2017).
4. The Internet Encyclopedia of Philosophy (IEP) URL: <http://www.iep.utm.edu/> (дата обращения: 12.03.2017).
5. Berry J.W. Acculturative Stress // Psychology and Culture / ed. by W.J. Lonner, R.S. Malpass. N.Y., 1994.
6. Alibhai-Brown Y. After Multiculturalism. London: Foreign Policy Centre, 2000. 95 pp.
7. Kymlicka Will. 2012. Multiculturalism: Success, Failure, and the Future. Washington, DC: Migration Policy Institute, 2012. 38 pp.

ГРНТИ 06.71.57
УДК 338.48

Н.Г. Фонова

УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург

АСПЕКТЫ МОЛОДЕЖНОГО ТУРИЗМА В РОССИИ

В работе анализируется рынок туризма, его сегмент – молодежный туризм. Рассматриваются особенности и тенденции, выявляются слабые стороны и перспективы развития.

Ключевые слова: молодежный туризм, отельный бизнес, гостиничные цепи, профиль потребителя туруслуг, туристический продукт.

Молодежь сегодня – одна из самых уязвимых категорий населения России. У них нет опыта работы и огромное количество амбиций, что не всегда положительно воспринимается рынком. Не всегда у

молодого человека, только что получившего образование и желающего найти свое место в жизни, получается это сделать. По данным статистики, около 300 млн молодых людей в возрасте от 18 до 30 лет по всему миру либо не имеют постоянного места работы, либо ищут работу. Примерно 20 % имеют предпринимательские способности и желание начать бизнес, но по разным причинам только 5 % решается открыть свое дело [1].

В помощь молодежи Международным форумом лидеров бизнеса (IBLF) совместно с Фондом принца Уэльского (The Prince's Trust) была создана Международная программа поддержки молодежного бизнеса, продвижением которой занимается Youth Business International (YBI) The Prince's Youth Business International (YBI). Она включает в себя программы поддержки молодых предпринимателей в 40 странах мира. Иногда достаточно создать условия для продвижения молодежных инициатив, протянуть руку помощи для реализации собственных проектов. Организация собственного бизнеса не только создает рабочие места, но и содействует развитию экономики страны.

Сегодня большинство регионов страны создает площадки для развития бизнеса молодежи. Специфика подобных проектов в том, что они могут быть осуществлены в партнерстве с лидерами бизнеса, финансовыми и банковскими структурами, при активном участии региональных органов власти. Подобные проекты формируют благоприятные условия для обеспечения начинающих бизнесменов денежными средствами, кредитованием на развитие собственного дела. Материальное содействие дополняется поддержкой персональных наставников, которые осуществляют патронаж и обучение различным аспектам функционирования бизнеса.

Как уже отмечалось выше, такие проекты могут осуществляться в партнерстве с различными организациями, на разных уровнях – федеральном, региональном и местном уровне. Есть уже интересные реализованные проекты. В Калужской области создано партнерство из девяти организаций, в Воронежской области – из 18, во Владивостоке – из 11.

История предпринимательства в сегодняшней России – это новейшая история. Но уже накоплен определенный удачный опыт. За последние 20 лет появились потенциальные наставники, успешные в собственном бизнесе и способные передать свои знания и опыт молодым.

На наш взгляд, обращение к этой теме является одним из наиболее важных вызовов современности.

Наставничество – важная уникальная составляющая этой программы. Длительный опыт доказывает непосредственную связь между

удачным взаимодействием начинающего свое дело человека с коучем и повышением степени успешности бизнеса. Программа наставничества прошла адаптацию к российским условиям, что нашло отражение в программе «Молодежный бизнес России». Главным образом она нацелена на мотивацию молодых предпринимателей к достижению поставленных целей и повышение уровня предпринимательской грамотности.

Партнерская поддержка в разных регионах страны представлена различными структурами, направлениями и сферами деятельности.

Одно из потенциальных направлений подобных партнерских соглашений – сфера туризма.

Туристическая деятельность по своей структуре представлена предприятиями малого или среднего бизнеса. Это 90 % предприятий туристической сферы, исключая, конечно, большие гостиницы, выставочные и конгрессные центры. Очень часто это семейный бизнес. Кроме того, основная масса наемных работников в этой сфере – это молодые люди. В столице Урала 1 444 439 жителей, и ежегодно приезжает более 2,1 млн туристов (по официальной статистике [2]).

Туризм – один из самых высокоинтеллектуальных видов бизнеса. Это выражается в применении самого современного оборудования, использовании информационных технологий, онлайн-сервисов. Именно эта сфера создает большое количество высокоинтеллектуальных рабочих мест, предназначенных для молодежи. Вместе с тем, профессиональная помощь молодым специалистам в процессе адаптации оказывается недостаточно. Если руководитель турагентства берет на работу молодого специалиста по туризму, необходимо провести последовательную кропотливую работу по его адаптации, превращению новичка в активного работника, по погружению в технологию и бизнес-процесс. Вместо этого руководитель, как правило, предлагает ему самостоятельно вливаться в производственный процесс, поручает простейшие действия, например, курьерскую работу, освоение сайта и рекомендует присматриваться к работе опытных сотрудников. Как правило, программа «активной стажировки» на этом заканчивается. К действительному процессу работы с туристами или заявкам на подбор туров молодых не допускают, поскольку неопытный работник без специальных знаний (отельной базы, особенностей стран) не сможет удержать клиента.

В турагентствах, как и на любом другом предприятии, нет специально обученных сотрудников для занятий с новыми работниками. К тому же и у руководителя турагентства, и у линейных работников просто нет на это времени – постоянно появляются неотложные

дела – клиенты пришли, в бухгалтерскую отчетность сдавать пора, общение с туроператорами, оформление заявки и т. д. Итак, первые несколько месяцев такой сотрудник – это «ненужный балласт» для компании и представляет собой носителя издержек на заработную плату, оборудованное рабочее место.

Большая часть турагентов, функционирующих сегодня на постсоветском пространстве, длительное время самостоятельно формировали клиентскую базу, которую используют и по сей день для продажи туров, а систематизировать накопленный опыт по той или иной причине нет возможности.

Обучение – это специфический профессиональный вид деятельности. Грамотно и быстро из менеджеров по продажам без опыта работы в туризме готовить профессионалов высокого класса в функционирующих турагентствах мало кто умеет. В связи с этим курс на поддержку туризма – важнейший стимул для позитивных подвижек в экономике, поскольку именно он способствует оздоровлению нации, а значит, и росту национального продукта. Кроме того, туризм содействует развитию межличностного общения, снижает степень напряженности в обществе.

Роль молодежи в будущем страны очевидна, поэтому следует обращать особое внимание на создание перспектив для молодого поколения. Туризм для молодых людей является предметом особого интереса. Это, прежде всего, рабочие места, а также возможность вести активный образ жизни, повод повысить образовательный уровень, узнать историю и географию стран мира, устранить языковые барьеры, самовыразиться, научиться принимать решения и, самое главное, стать самостоятельным человеком. Туризм предоставляет географическую и профессиональную мобильность.

Особенно внимательное отношение к молодому поколению связано с изменившимися макроэкономическими условиями, что привело к коренным изменениям в предпочтениях и позициях молодых.

Транснациональный рынок въездного туризма – это рынок монополистической конкуренции, крайне конкурентная среда. На этом рынке ведется упорная борьба за туристические потоки, Россия пока эту борьбу проигрывает. Очень важно быть конкурентоспособной во всех отношениях. В отрасли не хватает профессионалов высокого уровня.

Для привлечения в отрасль молодых профессионалов в Санкт-Петербурге в апреле 2017 года был проведен форум «Молодежь в мире туризма». Там молодые профессионалы принимали активное участие в конкурсе по разработке туристических экскурсионных

маршрутов «Открой любимую Россию! Были предложены различные номинации: «Лучший исторический маршрут», «Лучший природный маршрут», «Лучший современный маршрут». Цель организаторов – совершенствование уровня профессионализма в сфере туризма, гостиничного дела, сервиса. Только наличие компетентных, подготовленных кадров в сфере туризма дает мощный потенциал для дальнейшего продвижения внутреннего туризма и формирует предпосылки для привлечения туристического потока в Россию.

Молодежный туризм – это особый вид путешествий, индивидуальный или коллективный по форме, со специфическими, креативными запросами по содержанию.

Вовлечение молодежи в сферу туризма немаловажно и с позиции работодателя, и с позиции потребителя услуг. Этот процесс требует глубокого изучения внутренней и внешней среды, влияющей на принятие решения молодых людей. Прежде всего, необходимо определить профиль потенциального клиента турагентства. Для этого имеется ряд маркетинговых инструментов. Одним из главных является формирование профиля потребителя, что дает возможность установить потребности предполагаемого клиента/покупателя/ партнера, определить важные черты его характера, влияющие на принятие решения о покупке и наметить злободневные проблемы.

Молодое поколение – это 38 млн граждан в возрасте от 14 до 30 лет, или 27 % населения. Эта социально-демографическая группа имеет свои особенности:

- 1) маргинальность, т. е. пограничность положения;
- 2) значительный порог подвижности;
- 3) овладение разными общественными ролями (работник, студент, гражданин, семьянин), в зависимости от изменения положения и статуса;
- 4) предприимчивость, завоевание своего положения в жизни;
- 5) радужные перспективы, с учетом возрастных, профессиональных и карьерных характеристик.

Это наименее консервативная, интеллектуально и экономически деятельная, самая трудоспособная часть населения. Необходимо перенаправить ориентиры на молодежь, а также провести анализ состояния рынка туристских услуг интересующего нас сегмента.

Движение, вызов, праздник для молодых людей – это способ самовыражения, стиль жизни. Общество должно позаботиться о своем будущем, инвестировать средства в формирование инфраструктуры молодежного отдыха, чтобы со временем получать дивиденды. Поскольку путешествия являются своеобразным допингом, доходы государства будут устойчиво пополняться.

Благоприятна для развития внутреннего туризма характеристика внешней среды. Уникальные культурно-исторические характеристики и национальное богатство дают России своеобразный бонус в сравнении с другими странами, тоже имеющими исторический потенциал и традиции в области гостеприимства. И все же, сами по себе своеобразные естественные ресурсы и культурное разнообразие, которыми располагает наша страна, могут составлять только опорный, отправной толчок для удачного старта превращения туризма в целую индустрию. Молодежный туризм будет поступательно развиваться, если последовательно преодолевать уже известные проблемы, характеризующие рынок внутреннего туризма в целом, такие как неразвитость инфраструктуры, слабый сервис, отсутствие профессионализма работников туристической индустрии, визовые проблемы и т. п. Перечисленные сложности представляют определенный тормоз для успешного продвижения молодежного туризма.

Среди факторов внешней среды, безусловно влияющих на раскручивание молодежного туризма, можно выделить совершенствование законодательной базы. В 2017 году был разработан проект стратегии развития молодежи Российской Федерации на период до 2025 года. Данная стратегия предполагает пропаганду здорового образа жизни без наркотиков, алкоголя и курения. Эта деятельность обеспечивает увеличение человеческого капитала молодежи, широкое вовлечение молодежи в практики здорового образа жизни с учетом возрастных особенностей различных групп молодежи [3].

Только при условии пристального внимания со стороны государства к внутреннему туризму удастся разработать конструктивную концепцию превращения туризма в настоящую индустрию, сформировать нормативно-правовую систему, позволяющую эффективно и продумано расставить приоритеты, обеспечивающие материальную состоятельность для модернизации инфраструктуры, средств размещения и транспортной системы.

Индустрия гостеприимства, как и любая другая сфера деятельности, не может развиваться без анализа маркетинговой среды – микро- и макросреды. Изменение основных макроэкономических показателей (рост безработицы, инфляция) усиливает нестабильность в обществе и достаточно сильно затрагивает исследуемую категорию населения, следствием этого является отказ молодежи от туристских поездок.

Одной из специфических характеристик молодежи является то, что эта категория населения самостоятельно не зарабатывает или доход их незначителен, поэтому покупательская способность этой группы

населения весьма ограничена. Многие зарубежные туры достаточно дороги и студенты, а тем более школьники, скорее всего, окажутся неплатежеспособными. Предложения же внутри страны нередко становятся неконкурентоспособными. Кроме выше указанных недостатков, имеет место слабая политика продвижения, ограниченное предложение услуг (например, далеко не все отели работают по системе «все включено»), негибкая система ценообразования (зачастую цены на туры внутри страны выше, чем на заграничные при явно уступающем сервисе), введение курортного сбора и т. п. Так, тур в отель 5* в Турции на двоих (7 ночей, 8 дней) стоит 36,5 тыс. рублей. Это с вылетом из Ростова-на-Дону 1 июня. Для сравнения возьмём отель 4* «Прометей Клуб» (Лазаревское – курортный микрорайон в городе Сочи) с тем же набором сервисных услуг: «всё включено», «первая береговая линия». Но 8-дневный отдых на двоих здесь обойдётся почти в два раза дороже – 60 тыс. рублей [4]. Гибкая ценовая, а также сильная рекламная политика дадут возможность скорректировать рыночное положение в пользу выбора внутреннего туризма.

Гостиничный бизнес чрезвычайно рискованный и трудно прогнозируемый. Эффективность его функционирования зависит от привычных показателей. Главные из них – это скорость оборота и прибыль.

По оценке экспертов, средний прирост рынка мини-гостиниц и хостелов в России вышел на показатель +10 % ежегодно.

Необходимо отметить заметную активность гостиничного рынка начиная с 2016 года. Этому способствовал ряд факторов внешней среды:

1) экономический – укрепление рубля, устойчивость экономики. Это, несомненно, формирует положительный образ России для развития въездного туризма;

2) туристический – устойчиво высокий объем внутреннего туризма;

3) спортивный – подготовка к Чемпионату мира по футболу 2018 года (в 11 городах по всей России).

Общий вклад туризма в ВВП Российской Федерации составляет 62 млрд долларов США в текущих ценах по обменному курсу. Для сравнения, тот же показатель в Турции – 88 млрд долларов, в США – 1 509,2 млрд долларов, в Китае – 1 000,7 млрд долларов.

Расходуются полученные денежные средства по-разному. Доходы от туризма и вклад туризма в ВВП складываются из затрат туристов на сам тур и их личных расходов. Структура этих расходов такова: значительная часть валютных поступлений приходится на такие товары, как одежда, меховые и ковровые изделия, украшения, сувениры,

и прочее. Так в Турции, до 80 % всех доходов от туризма приходится на личные расходы туристов. В 2016 году это принесло казне Турции 22,1 млрд долларов [5].

Значительная доля инвестируется в сооружение современных средств размещения и совершенствование необходимой инфраструктуры.

Факторы культурной среды – мощный импульс, способствующий формированию массовых потоков туристов. Россия – многокультурная страна. И в этом ее уникальность. В ней огромное количество мест, получивших мировое признание. Молодые стараются избегать стереотипов, им интересно исследовать новые направления, познавать различные культуры и новые места. Молодежь интересуется жизнью и быт других народов, но больше их занимают общекультурные ценности, а также необычные природные сюжеты. Если это анимационные программы, то предпочтение отдается современности, а не кантри, вследствие этого вряд ли им будет интересно выступление хора и ансамбля народного творчества, фольклора, народных забав, игр, развлечений, праздников. Это, скорее, контингент домов отдыха и санаториев.

Социально-демографическая ситуация в стране – это также существенный фактор развития индустрии гостеприимства. Вследствие демографического взрыва, геополитических изменений на карте мира возрастает туристский потенциал многих стран, в туристическую деятельность вовлекаются свежие трудовые ресурсы. Совокупный вклад туристической индустрии в занятость населения РФ в 2016 году составляет 3,3 %. Это больше чем во многих развитых странах, где роль туризма в ВВП традиционно велика. Однако развитые страны и самые популярные туристские дестинации (Турция, ОАЭ, Египет), ощущая недостаток рабочей силы, активно привлекают ее из различных уголков мира. Сегодня они получили такую возможность, используя приток рабочей силы из стран и республик бывшего социалистического лагеря. Так, в Турции уже давно используются студенты из российских вузов, обучающихся на соответствующих направлениях, молодые люди из Украины, Грузии (с 2014 года в Турции на временную работу в сфере туризма можно принимать только профессионалов или обучающихся по профилю деятельности). В Турции общий вклад туризма в занятость в 2016 году составил минус 0,7 % [6].

Увеличение трудоспособной части населения, безусловно, способствует повышению интереса к туризму, причем меняются качественные характеристики туров. Организация обучающих семинаров, тренингов, в которых в основном принимают участие молодые перспективные кадры, стало веянием времени.

Растущая многополярность мира содействует тому, что огромное количество диаспор, существующих в разных концах планеты, притягивает своих соотечественников, объединенных либо одним языком, либо общей культурой.

Огромное значение в молодежной среде играет научно-технический прогресс. Для молодежи очень важна локация, т. е. определение своего места в пространстве. Изменяя свое месторасположение в пространстве, молодые люди часто могут отказаться от удобств, но от Интернета и гаджетов – с трудом. Они выбирают для путешествий соответствующие средства размещения. Коммуникационные барьеры, возникающие обычно в процессе общения с персоналом отелей и получения полезной для них информации, скорее всего, не появятся, т. к. большинство молодых владеют в разной степени иностранными языками.

Влияние научно-технических достижений очевидно и в процессе разработки схем перемещения, систем дистрибуции и применения информационных технологий. Использование в туристической электронной коммерции и прочих инновационных методов, включение в национальный туристический портал интерактивных составляющих является требованием времени. Этот продукт предложен Ростуризму для внедрения системы «Электронная путёвка», что, по мнению авторов, потребует ввести новый стандарт отраслевого документооборота.

Активно продвигается идея создания более совершенных технологических моделей, выявляющих новые перспективы организации отдыха в России, идея динамического пакетирования туров. Продвигает идею председатель совета директоров компании «Инна тур» Инна Бельтюкова. По ее мнению, универсальный конструктор нестандартных туров позволяет практически мгновенно забронировать, заплатить за тур в режиме on-line с максимальной выгодой. В этом случае при поддержке специальными тарифами перевозчиков и отельеров возможны выгодные цены, которые всегда будут ниже цен при самостоятельном бронировании услуг на сайтах поставщиков. Разница может достигать 20–30 %. Система динамического пакетирования, делает вывод Инна Бельтюкова, позволяет застраховать потребителя от непредоставления оплаченного тура.

Динамическое пакетирование – технология конструирования и реализации турпродукта посредством непосредственного обращения к ресурсным системам авиакомпаний и выбору оптимального варианта перелета, отелей и агрегаторов туруслуг [7]. Пока, правда, удешевление туров было только декларировано. Динамическое пакетирование оказывается наоборот, процентов на 30 дороже стандартных

пакетных туров, поскольку туроператоры также работают напрямую с поставщиками составляющих пакета и также имеют значительные скидки. Похоже, что практика продвинутых в туристическом отношении стран в ближайшем будущем не станет стратегической основой российской туристической индустрии.

Факторы внутренней среды имеют не меньшую значимость в изучении рынка молодежного туризма. Среди них – формирование гостиничного продукта; расширение и углубление гостиничного сервиса; образование союзов и ассоциаций; совершенствование систем дистрибуции; подготовка квалифицированных кадров и другие маркетинговые составляющие.

Теперь поговорим о создании гостиничного продукта. Гостиничный продукт – одна из важнейших составляющих турпродукта. Конечная цель его – доставить удовольствие потребителю *guest satisfaction*, приобретающему некий «эфемерный продукт», в гостиничном продукте связаны в единый процесс создание услуги и потребление. Эта характеристика получила название *inseparability*. В этом контексте видна неразрывность создания товара и потребления его, свойственная продуктам сферы услуг.

Гостиничная индустрия обеспечивает значительную занятость в сфере услуг – 65 % от числа работающих в туризме сфере и 68 % поступлений от туризма. Эти данные убедительно подтверждают то, что гостиничная индустрия служит ядром всей туристической сферы [8].

Сегодняшний гостиничный продукт – это типовой набор элементов. Потребительские же запросы, особенно молодого поколения, намного разнообразнее.

Рыночное предложение не всегда соответствует потребительским ожиданиям. Конструирование продукта, его индивидуализация – новый тренд, отвечающий сегодняшним реалиям, стратегический план совершенствования сферы гостеприимства, маркетинговый ход, применимый в условиях мирового экономического кризиса и высокой конкуренции. Как раз создание персонализированных гостиничных продуктов позволит значительно расширить возможности удовлетворения дифференцированных предпочтений разных групп потребителей.

Главной целью гостиничного бизнеса, как и любого другого, является увеличение прибыли. Наиболее простой путь – увеличение масштабов производства, что практически сводит на нет индивидуальный подход к потребителю. Такие возможности есть у нетрадиционных гостиниц. Их можно назвать еще альтернативными, либо дополнительными средствами размещения, либо пара-гостиницами. Многие туристические дестинации разных стран используют данные средства размещения.

Терминологически «нетрадиционные средства размещения» довольно сложно идентифицировать. Они до сих пор не имеют устоявшегося определения, под ними понимаются меблированные квартиры и дома, гостевые комнаты, кемпинги, средства коллективного размещения, молодежные лагеря и другие аналогичные образования. Средства размещения подобного класса наиболее демократичны, экономичны и представляют наибольший интерес среди молодежи. Они составляют сегодня довольно сильную конкуренцию традиционным средствам размещения.

К категории современных пара-гостиниц относятся:

- 1) гостевые комнаты;
- 2) меблированные дома;
- 3) деревни для проведения каникул;
- 4) кемпинги;
- 5) сельские пристанища;
- 6) молодежные гостиницы;
- 7) постоянные дворы;
- 8) постоянные дворы на ферме;
- 9) туристические резиденции;
- 10) горные убежища.

Кроме рассмотренных, в молодежной среде очень популярны туристические резиденции, деревни для проведения каникул, молодежные лагеря, горные убежища и др.

Качественный гостиничный продукт затруднительно поддерживать на высоком уровне без консолидации усилий. Это приводит к формированию профессиональных союзов, которые способны усилить эффект создания особой атмосферы, а также обеспечить приток инвестиций. В международной практике зафиксировано около 300 гостиничных цепей, получивших транснациональный статус.

Гостиничные цепи – это не только сетевые средства размещения, но и работающие в положении франшизы (в настоящее время примерно 80 % отелей входят в цепи именно на правах франчайзинга). Несмотря на это, доля автономных гостиниц довольно значительна. Наиболее известные операторы гостиничных сетей: Hilton, Ritz, Kempinski, Hyatt, FourSeasons, Swissôtel, Marriott, Sheraton, Novotel, Rixos [9]. Большая часть собственности принадлежит институциональным инвесторам.

Эксперты в области гостиничного бизнеса считают, что сеть является наиболее распространенной и высшей формой организации международного гостиничного бизнеса. Сетевой бизнес экономически выгоден, поскольку дает возможность снижать издержки и создавать

единые базы данных для оптимизации процесса бронирования. Наконец, сети – инструмент успешного позиционирования, позволяющий создавать базу лояльных клиентов. Таким образом, сети создают мультиплицирующий эффект, поддерживающий развитие бизнеса и мобилизацию имеющихся ресурсов. Как правило, стоимость бренда учитывается в цене. Сетевые предложения всегда дороже. Для молодежи это может иметь решающее значение.

К факторам, усложняющим развитие туризма вообще, молодежного в частности, можно отнести признание того, что серьезным тормозом привлечения туристов является устаревшая материальная база. Большая часть ее нуждается в капитальном ремонте, модернизации и реконструкции. Актуальность этой темы бесспорна, поскольку российский сервис по-прежнему «не навязчив» и значительно уступает мировому. Вследствие этого молодежь предпочитает заграничные туры, голосуя за комфорт и современные технологии. Если не уделить этому вопросу должного внимания, государство будет иметь упущенную выгоду и очень значительную.

Разница в статусе и возрасте путешественников вызвали интерес во всем мире к специализированным средствам размещения для молодежи, т. е. к гостиницам разной ценовой категории, в том числе, к хостелам.

Итак, разработка злободневной и адекватной законодательной базы, гибкая политика в области ценообразования, соответствие мировым стандартам при организации туров, а также изменение материальной базы позволят изменить направленность молодежного туризма в пользу внутреннего туризма. Обозначена лишь часть проблем, препятствующих популяризации туризма среди этой категории путешественников. Определение, структуризация и ранжирование проблем позволят совершить значительный прорыв и создать важный задел для достижения цели в направлении развития молодежного туризма.

Проведенный анализ рынка по продукту свидетельствует о том, что злободневен туризм по интересам, событийный, круизный. Молодежи интересны необычные объекты, их внимание привлекают природные заповедники, экстремальные зоны. Путешествие должно быть очень активным. Путешествовать хочется туда, где комфортный климат, но обязательно присутствует культурная программа.

Для молодых в приоритете ночные развлечения. В культовых дискотеках и барах, где зажигают знаменитые диджеи, или на концертах и музыкальных фестивалях, в которых принимают участие популярные молодежные группы. Важно наличие команды, возможно, аниматоров, которая помогла бы создать атмосферу отдыха, стать частью праздника.

По времени пребывания возможны туры выходного дня, но не отрицается и полноценный отдых.

По конструктору турпоездок выбор делается не в пользу стандартного турпакета, приоритет – самостоятельное формирование программы поездки.

По характеру туров главным критерием является свобода выбора и индивидуальность, что проявляется в предпочтении форм, методов, деталей тура и досуговой деятельности в целом. Способы реализации свободного времени – это своеобразный способ освобождения от профессиональных и семейно-бытовых обязанностей. Молодежный досуг не мыслим без зрелищных мероприятий [10, 11].

Важно регулярно осуществлять мониторинг потребностей и приоритетов молодого поколения, делать своевременный анализ сильных и слабых сторон, возможностей и угроз при появлении новых форм развлечений и интересов.

Когда речь идет о внутреннем туризме, необходимо менять отношение к сервису. Зачастую наряду с ценами, именно ненадлежащий сервис является причиной отказа от туров внутри страны. Также примитивная реклама, а иногда и просто отсутствие полной информации о тех или иных направлениях внутреннего туризма сдерживает многих, в том числе и молодежь в совершении путешествия.

В молодежной среде, как и в любой другой, существуют определенные стереотипы. Для одних содержательная сторона тура важнее удобств (это в основном мужская аудитория), хотя нельзя сказать, что комфорт вообще не имеет значения.

Психологический аспект играет в молодежной среде немаловажную роль. У молодых свои представления о том, что такое отдых.

Молодежный отдых – это то, что возбуждает, освобождает, обеспечивает перезагрузку; это смена образа жизни, иное состояние души и тела, когда нет ответственности и обязанностей по работе и учебе; новые впечатления от поездки, общения с людьми. В общем, необходим баланс удовольствий, физических и эмоциональных, интеллектуальных. Практически все виды туризма любопытны и доступны для молодежи. Россия особенно привлекательна тем, что можно не осуществлять серьезного планирования тура и можно самим определять сроки для путешествия.

За первую половину 2017 года в блогах был проведен опрос. Пользователям предлагалось ответить на вопрос: «Какой отдых вы предпочитаете?» (см. таблицу).

Итоги опроса молодых путешественников (1 половина 2017 г.)

Вид отдыха	Количество человек	Количество процентов
Активный отдых на шумном молодежном курорте	1 850	76,2
Отдых в тихой и укромной атмосфере на курорте	426	17,5
«Люблю ездить с рюкзаком на природу и в горы»	133	5,5
«Я не люблю ездить отдыхать»	20	0,8

Сформулируем профиль потребителя молодежного туризма:

1. Молодежь – это поколение, у которого нет героев, но есть кумиры.
2. Для них очень важно самовыражение.
3. Для них характерно стремление выделиться из толпы, быть самобытным.
4. Важна уверенность в себе, не бояться обращать на себя внимание и высказывать новые мысли и идеи.
5. Стремление изменить мир.
6. Социальная активность, оптимизм.
7. Цель жизни молодых людей – получение удовольствия в максимальном размере.
8. Свобода выбора – кредо поколения.
9. Способность к инновациям и предпринимательству.
10. Стремление себя реализовать, найти смысл жизни.
11. Идентификация по принципу «свой-чужой».
12. Самоутверждение в сетевых ролевых играх и виртуальных мирах.
13. Наивность и склонность к работе в команде.
14. Молодые великолепно ориентируются в компьютерных сетях. Как следствие, им легче общаться с единомышленником, проживающим на другом краю планеты, чем с соседом по подъезду.
15. Для молодых людей важно немедленное вознаграждение за проделанную работу, поскольку в отдаленную перспективу они не верят.
16. Благодаря развитию социальных сетей важна собственная роль в обществе. Хотя из-за специфики онлайн-общения коммуникативные навыки у них нарушены, общественные связи упрочились.

Библиографический список

1. Международный форум лидеров бизнеса. URL: [http://www. ibl-frussia.org/programmes/current/detail.php?ID=290](http://www.ibl-frussia.org/programmes/current/detail.php?ID=290) (дата обращения: 09.01.2017).
2. Число посетивших Екатеринбург туристов. URL: <http://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/30976> (дата обращения: 09.01.2017).
3. Стратегия развития молодежи Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <https://fadm.gov.ru/mediafiles/documents/document/b20c9ba38da7689efea305b2e3b5426f.pdf> (дата обращения: 03.10.2017).
4. «Эконом» по 800. Во сколько обойдётся отдых на море в России в 2017 году? URL: http://www.aif.ru/travel/ekonom_po_800_vo_skolko_obydyotsya_otdyh_na_more_v_rossii_v_2017_godu (дата обращения: 03.10.2017).
5. Общий вклад туризма в ВВП. URL: <https://knoema.ru/atlas/topics/%D0%A2%D1%83%D1%80%D0%B8%D0%B7%D0%BC/%D0%9E%D0%B1%D1%89%D0%B8%D0%B9-%D0%B2%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4-%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B8%D0%B7%D0%BC%D0%B0-%D0%B2-%D0%92%D0%92%D0%9F/%D0%9E%D0%B1%D1%89%D0%B8%D0%B9-%D0%B2%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4-%D0%B2-%D0%92%D0%92%D0%9F-%D0%B4%D0%BE%D0%BB%D1%8F-percent> (дата обращения: 25.09.2017).
6. Общий вклад туризма в занятость. URL: <http://knoema.ru/atlas/topics/Contribution-of-travel-and-tourism-to-employment-growt> (дата обращения: 25.09. 2017).
7. Е-технологии в туризме – инновационный инструмент для развития въездного и внутреннего туризма в России. URL: <https://blog.inna.ru/2016/01/27/> (дата обращения: 15.09. 2017).
8. Авторский курс «Современные тенденции развития индустрии гостеприимства». URL: <https://open-lesson.net/5603/> (дата обращения: 25.09. 2017).
9. Анализ рынка гостиничного бизнеса в России. URL: http://hotelline.ru/analytic_article.php?news_cid=536&news_id=1180 (дата обращения: 25.09. 2017).
10. Предпочтения молодежи при выборе досуга. URL: http://studbooks.net/628997/kulturologiya/issledovanie_prakticheskaya_ra_zrabotka_sotsialno_kulturnogo_proekta (дата обращения: 25.09.2017).
11. Какой вид отдыха вы предпочитаете больше всего? URL: <https://www.tutu.ru/opros/history/249/> (дата обращения: 25.09.2017).

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

ГРНТИ 323.2
УДК 14.01.11

А.Ю. Нагорнова
ТГУ, Тольятти

ПРОБЛЕМА ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

В статье рассмотрены вопросы духовной безопасности в контексте социальных изменений современного общества. Подчёркивается тесная взаимосвязь проблемы духовной безопасности с необходимостью перестройки основных общественных институтов.

Ключевые слова: духовная безопасность, социальные проблемы, социальные изменения.

Проблема духовной безопасности – это одна из главных проблем для индивида, семьи, общества и государства. Духовность является основой самореализации личности. Деятельность личности регулируется имеющимися у неё духовными установками.

Духовная безопасность настолько важна, что не может сводиться только к личным правам и свободам человека. Духовная безопасность превосходит даже право на жизнь и является важнейшей задачей общества.

Духовная безопасность представляет собой такую систему отношений между людьми, которая бы создавала благоприятный климат для созидательной духовной деятельности и полноценного здорового социально-нравственного развития. Духовная безопасность – это важнейшая часть национальной и культурной безопасности страны. Целью духовной безопасности является поддержание нормальных условий жизнедеятельности населения.

Выделяют три составляющих духовной безопасности (см. рисунок) – культурная, религиозная и идеологическая, пересекающиеся с различными сферами общества – экономической, политической, семейно-брачной и т. д.

Таким образом, функционирование важнейших социальных институтов взаимосвязано с обеспечением ими духовной безопасности в обществе. В структуру духовной безопасности входят три элемента:

- 1) культурная независимость;
- 2) стабильность функционирования политической системы;

3) способность национального образования, здравоохранения и культуры к динамичному саморазвитию [1].

Система духовной безопасности общества

Функционирование первого элемента возможно, если общество способно сохранять свои культурные традиции при взаимодействии с другими странами. Для этого нужно беречь своё культурное наследие, культурную идентичность и самобытность. К сожалению, историческая правда в России напрямую зависела и зависит от номенклатуры власти, поэтому история была переписана несколько раз в ракурсах, удобных правящим элитам. Это приводит к разрушению исторической памяти народа, что влечёт за собой необратимые культурные последствия.

Второй элемент взаимосвязан с функционированием политической системы общества. На этом уровне населению должны быть обеспечены защита имеющихся прав и свобод личности, наличие обратной связи (диалога) между обществом и государством (народом и государственным аппаратом власти), а также политическими партиями и общественными институтами.

Третий элемент обуславливается социокультурной системой общества, способностью данной системы к саморазвитию, с учетом опоры на систему общего образования в стране, систему здравоохранения и в целом культуру. Третий элемент наиболее ответственен за духовное и нравственное состояние общества, его интеллектуальное развитие и инновационный потенциал [2].

Трагические страницы различных народов и государств практически всегда проистекают из разрушения их духовных ценностей и установок. Например, если происходит насильственное внедрение в народное сознание чуждых ему ценностей и неприемлемых способов их достижения, или существующие ценности претерпевают значительные изменения под влиянием властных структур, которые на словах пропагандируют одни нормы и установки, а на практике реализуют другие. Следовательно, обеспечение духовной безопасности – это приоритетная задача, поскольку она отражает моральное состояние общества и его способность ставить и решать социальные задачи.

Происходящие международные процессы интеграции также оказывают большое влияние на духовную составляющую современного общества. Это остро ставит вопрос духовной безопасности в России, поскольку на её территорию часто мигрируют отдельные представители крайне радикальных международных террористических организаций.

Культурные заимствования из стран Европы, Азии, тотальная американизация населения приводят к утрачиванию национальных ценностей и традиций. Недостаточно поддерживаются народные фольклорные коллективы, происходит утрачивание исторических объектов и т. д.

В.В. Аксючиц в своей статье «Национальный образ России» пишет о том, что «русский народ во многом утерял навык национальной спайки, выпал из лона своей русскости в интеллектуальном, моральном, бытовом плане; подавлен чужеродной экономической волей; политически дезинтегрирован и отчуждён от власти. Все это ведёт к угасанию жизненной силы, вымиранию трудоспособного населения, алкоголизму и социальной деградации народа...» [3].

Таким образом, снижение духовно-нравственного потенциала общества – это основной фактор роста преступности и коррупции. Именно поэтому в официальных документах Российской Федерации указывается, что защита национальной безопасности предполагает защиту исторического, культурного и духовно-нравственного наследия всех народов страны, осуществление государственной политики в целях нравственного воспитания подрастающих поколений, запрет пропаганды насилия в средствах массовой информации, противодействие негативному влиянию иностранных религиозных организаций.

Основными направлениями обеспечения духовной безопасности России являются:

1) совершенствование законодательства Российской Федерации, которое регулирует отношения в области конституционных ограничений прав и свобод человека;

2) развитие правовых и организационных механизмов обеспечения конституционных прав и свобод граждан, повышения их правовой культуры в интересах противодействия нарушению этих прав и свобод в сфере духовной жизни;

3) формирование в Российской Федерации основ гражданского общества;

4) создание социально-экономических условий для осуществления творческой деятельности и функционирования учреждений культуры;

5) государственная поддержка мероприятий, направленных на сохранение и возрождение культурного наследия народов России;

6) разработка цивилизованных форм и способов общественного контроля за развитием в обществе духовных ценностей, соответствующим национальным интересам страны, воспитание патриотизма и гражданской ответственности;

7) запрет деятельности негативных иностранных религиозных организаций [4, 5].

Таким образом, проблема духовной безопасности тесно взаимосвязана с необходимостью социальных изменений в современном обществе, с готовностью российской власти и народа прилагать усилия для решения собственных социальных проблем.

Социальная жизнь – это постоянно изменяющийся непрерывный процесс, в результате которого общество становится несколько иным, поскольку подвергается социальным изменениям. Социальные изменения ставят людей в новые ситуации и заставляют их вырабатывать новые формы деятельности. Данные изменения накладывают отпечаток на культуру и структуру общества, то есть оказывают влияние на все сферы жизнедеятельности современного человека.

Современное общество характеризуется отчуждением современного рабочего от продукта собственного труда. В результате данного отчуждения рабочий не имеет влияния на сам процесс производства. Это приводит к обезличиванию его труда. Само понятие о человеке трудящемся сводится к понятию единицы труда. Имеющиеся кризисы перепроизводства приводят к выбрасыванию этих человеческих «единиц» на улицу. Так появляются нищие и безработные. Несмотря на стабильный экономический рост, в индустриальном мире от 15 до 20 % населения постоянно находятся за гранью официально установленных уровней бедности.

Бремя проблем современного индустриального мира оказывает неизбежное влияние на семью как единственную социальную ячейку, отношения в которой носят преимущественно личный и близкий характер. Во всех остальных сферах общества преобладают бюрократические или коммерческие взаимоотношения. На традиционную семью возлагается ответственность за восстановление сил и душевного равновесия её членов после возвращения с работы – мира борьбы и конкуренции. Многие семьи не выдерживают такого давления. Отсюда – рост количества разводов и неполных семей, отчуждённость супругов, плохие отношения с детьми-подростками и т. д.

Современное общество характеризуется также наличием ряда политических и культурных проблем. Имеет место ослабление гражданской позиции у большей части населения, низкая избирательная активность и политическая апатия. Доминирующее положение в воспитании «умов» заняли средства массовой информации, культивирующие конформизм и единообразие.

Известный французский мыслитель Алексис де Токвиль предупреждал, что индивиды в такой ситуации могут начать искать защиты у сильных личностей. Данный процесс хотя и не является неизбежным, но представляется весьма вероятным при сохранении сложившейся социально-политической ситуации в нашей стране.

Библиографический список

1. Павлова Т.А. Духовная безопасность российского общества как условие обеспечения социальной безопасности // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2013. № 5. С. 202–206.

2. Саенко Н.Р., Саенко А.В. Духовная безопасность как составляющая национальной безопасности России // Успехи современной науки. 2016. С. 94–97.

3. Аксючиц В.В. Национальный образ России. URL: http://www.zlev.ru/61_6.htm (дата обращения: 16.06.2018).

4. Беспаленко И.И. Духовная безопасность России: проблемы институционализации в системе национальной безопасности // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2006. № 15. С. 61–64.

5. Коршунов А.В. Духовная безопасность в системе социальной безопасности общества: теоретические аспекты исследования факторов влияния // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 7. С. 104–111.

ГРНТИ 14.35.05

УДК 37.035

А.Б. Денисова
МТУСИ, Москва

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ПОЗИЦИИ МОЛОДЕЖИ КАК ОСНОВЫ ЕЕ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Наличие у молодежи активной гражданской позиции является необходимым условием существования и развития любого государства. В данной работе дан краткий анализ проблемы формирования гражданской позиции студентов высших учебных заведений. Приводятся результаты практической реализации воспитательной программы в Московском техническом университете связи и информатики.

Ключевые слова: гражданская позиция, студенты технических вузов, ценностные ориентации, воспитательная работа, общественная деятельность.

Образование – сфера формирования институциональных основ личности, общества и государства, поэтому существует фундаментальная зависимость перспектив развития каждого отдельного человека, государства и цивилизации в целом от сформированных в процессе обучения и воспитания способностей и качеств личности.

Президент России В.В. Путин регулярно в своих обращениях отмечает важность формирования в нашей стране гражданского общества. Так, в Послании на 2014 год Президент подчеркнул важность воспитания личности как гражданина своей страны: «Нам нужны школы, которые не просто учат, что чрезвычайно важно, это самое главное, но и школы, которые воспитывают личность. Граждан страны – впитавших её ценности, историю и традиции». В Послании на 2017 год Президент отметил, что «самое важное, что волнует родителей и учителей, общественность, – это ... насколько школьное образование отвечает двум базовым задачам ...: давать знания и воспитывать

нравственного человека. ... Нравственная основа – это главное, что определяет жизнеспособность общества: экономическую, государственную, творческую».

Выступая на X Съезде Российского союза ректоров Президент подчеркнул: «Если мы с вами не сможем формировать, воспитать хорошего специалиста, у нас, конечно, не будет будущего. Это очевидный факт. Нам нужны люди со специальными знаниями и навыками. Но если мы не сможем воспитать человека с широкими, глубокими, всеобъемлющими объективными знаниями в гуманитарной сфере, если мы не воспитаем человека самостоятельного, осознающего себя частью большой великой многонациональной и многоконфессиональной общности, если мы этого не сделаем, у нас с вами не будет страны. Чрезвычайно важная задача стоит перед нами в гуманитарной сфере». Важны «повышение роли школы в воспитании молодежи как ответственных граждан России на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей...; повышение качества преподавания русского языка, литературы, отечественной истории, основ светской этики, традиционных религий» – подчеркивает Президент в Стратегии национальной безопасности РФ [1].

От уровня нравственности, гражданственности, патриотизма молодежи, сформированности потребности активного участия в жизни общества зависит решение многих проблем государства. «Молодежь, – как пишет И.М. Ильинский, – является зеркалом, в котором отражается та социальная действительность, в условиях которой она живет. Если в молодежной среде появляются проблемы, то это прежде всего вина социальной среды. Молодежь такова, каким является взрастившее ее общество» [2, с. 415]. «Если молодежь не активна, не служит источником развития и прогресса, то ее существование в главном и основном не имеет социального смысла» [2, с. 419].

На основании высказываний Президента России, документов государственного уровня можно утверждать, что сегодня вновь признается, что воспитание и обучение – части единого образовательного процесса. Несмотря на то, что необходимость включать в содержание образования не только узкопрофессиональную деятельность, но и деятельностные навыки специалиста, умеющего взаимодействовать, выступать в различных социальных ролях, выводит воспитательную функцию учебного заведения на первый план наряду с обучающей, эта функция никак не отражена в документах, определяющих содержание образования в высших учебных заведениях: в образовательных стандартах (ФГОСах), Приказе Минобрнауки РФ [3] воспитание даже не упоминается.

Самоопределение и самореализация индивида происходят в определенном государстве, гражданином которого он должен себя идентифицировать, и в обществе, ожидания которого удовлетворять и в интересах которого действовать. «Гражданственность, определяющаяся в педагогике как социальный феномен и результат образования (Б.Т. Лихачев), может рассматриваться в качестве явления и основания социализации, социальной адаптации, которая в свою очередь предполагает и развитие, и самоопределение, и самореализацию» [4, с. 37]. Т. е. полноценное воспитание личности в соответствии с национальными интересами, заключающимися в воспитании специалистов, ориентированных на стратегические цели научно-технического, экономического, социального развития страны, невозможны без гражданского определения, без сформированной гражданской позиции.

Формирование созидательно-активной гражданской позиции студентов можно рассматривать как некую общую цель воспитания в целом, включающую в себя реализацию всего многообразия задач образовательного процесса (как обучения, так и воспитания), так как понятие «созидательно-активная гражданская позиция» в обобщенном понимании включает в себя комплекс позитивных характеристик субъекта: совокупность морально-нравственных качеств, гражданских мотиваций, реализующихся на практике в виде позитивно-созидательной деятельности, осознанной ориентации поведения личности на ценности общества и государства в целом.

Особенно актуально это для технических вузов, где определенные специфические особенности имеют как сами студенты, так и осваиваемые ими образовательные программы. При этом компетенций, формирующих гражданскую позицию студента, во ФГОСах заложено минимальное количество. Например, стандарт по направлению 090302 «Информационные системы и технологии» имеет больше чем многие другие образовательные стандарты общекультурных (11) и профессиональных (6 общепрофессиональных и 37 профессиональных) компетенций, соотношение количества компетенций, связанных с формированием созидательно-активной гражданской позиции и общего количества компетенций (рис. 1).

Анализ воспитательной деятельности различных вузов показывает, что процессу формирования гражданской позиции студентов уделяется недостаточное внимание, эта работа реализуется во многом бессистемно и не может способствовать решению обновленных задач, поставленных перед системой высшего образования, содействовать социализации студентов в новом информационном обществе. Во многом эти проблемы связаны с неразработанностью системных программ,

направленных на становление гражданской позиции студентов в условиях информатизации образовательного пространства.

Рис. 1. Соотношение компетенций, связанных с формированием гражданской позиции студента, к общему количеству компетенций, заложенных во ФГОС 090302

Исходя из особенностей технического образования, необходимо направить воспитательные воздействия на те составляющие гражданской позиции, которые в силу специфики технического вуза не формируются всей совокупностью учебного процесса и которые нуждаются в специальном акцентировании во внеучебном воспитательном процессе, а именно:

1) воспитание патриотизма, гуманизма, нравственности, чувства социальной справедливости и ответственности, готовности к социальному и профессиональному определению, работе в коллективе, инициативности, самостоятельности и др. через формирование социальной активности посредством вовлечения в социально-значимую деятельность. Эта деятельность должна быть направлена на реализацию личностных планов и стратегий в соответствии с гражданскими, общечеловеческими ценностями, быть осознанной, направленной на достижение созидательных целей в условиях глобализации, информатизации современного общества и массовой коммуникации;

2) формирование ценностно-мотивационных приоритетов, в т. ч. позитивно-созидательного отношения к профессии, российскому обществу, государству, его истории посредством повышения значимости сферы общественной жизни, потребностей, целеполагания, связанных с решением проблем жизни общества;

3) развитие коммуникативной, организационно-управленческой, политико-правовой компетенций как совокупности знаний законов существования в обществе, способностей эффективно решать проблемы взаимодействия с обществом, умений выполнять специфические профессиональные и социальные роли и т. д., позволяющие реализовать в социуме собственные жизненные планы в соответствии со своей гражданской позицией.

Процессы формирования личностных и профессиональных качеств взаимосвязаны. С одной стороны, процессы глобализации в нашем обществе делают такие свойства, как профессионализм, ответственность, коммуникативность, работоспособность, умение работать в команде, организовать процесс и т. д. независимыми от религиозных, национальных и др. особенностей менталитета конкретного субъекта, так как они являются необходимыми для любого современного человека, а потому универсальными в качестве целей учебно-воспитательного процесса. С другой стороны, высокий уровень профессионального обучения должен сочетаться с высоким уровнем патриотизма, нравственного и гражданского сознания. И если недостаток профессиональных знаний достаточно быстро восполним, то для формирования умений и навыков делового взаимодействия и сотрудничества, социального поведения нужен достаточно долгий срок, а исправить ценностно-смысловые установки, доминирующие мотивации, личностные качества практически невозможно.

Если человек не интериоризирован в среду, не имеет гражданской идентификации, не умеет работать в коллективе, общаться с людьми, то он и не может ценить и дорожить тем, что имеет, а потому с легкостью может поменять свое место жительства на любое другое. Значит, патриотизм начинается с любви к месту, где человек живет, учится, к людям, которые его окружают, которые любят и ценят его. Любовь к людям и их ответное хорошее отношение возможны при условии, что в человеке воспитаны такие качества, как совесть, доброжелательность, ответственность, отзывчивость и т. д., которые не появляются сами по себе, а формируются в процессе воспитания.

Особенно актуально воспитание этих качеств в студентах технических вузов, которые в силу специфики избранной профессии больше интересуются взаимодействием с техникой, а не с людьми, проявляют интерес к точным, а не гуманитарным наукам, могут обладать некоторой замкнутостью, асоциальностью и т. д.

Автором статьи было проведено исследование мотивационно-ценностной структуры личности студентов первого курса по методике В.Ф. Сопова, Л.В. Карпушиной «Морфологический тест жизненных

ценностей» («МТЖЦ») [5]. По данной методике были протестированы группы студентов разных, произвольно выбранных вузов Москвы, Казани, Новосибирска, Самары. Протестированные студенты отличались не только разным местом жительства, но и разными направлениями подготовки: среди них были инженеры, архитекторы, педагоги, экономисты. Подробное описание эксперимента можно увидеть в статье «Влияние информационно-коммуникационных технологий на формирование мотивационно-ценностной структуры личности» [6].

Статистический анализ результатов показал, что различия средних значений показателей по большинству из параметров, выведенных в методике МТЖЦ, не являются значимыми. Наиболее высокое значение имеет параметр жизненной ценности «Высокое материального положение», что демонстрирует «убежденность в том, что материальный достаток является главным условием жизненного благополучия» [5]. Среди жизненных сфер самое высокое значение, существенно отличное от остальных, имеет параметр сферы «Увлечения». Показатели параметров «Активные социальные контакты» и «Креативность» при этом имеют наименьшее значение, как и показатель сфер «Общественная жизнь» и «Физическая активность».

Отсутствие статистически значимых различий по большинству из параметров означает, что на структуру ценностей молодых людей, только что окончивших школу, практически не влияет их место жительства (Москва, Казань, Новосибирск, а учитывая 50 % иногородних студентов, обучающихся, например, в Московском техническом университете связи и информатики (МТУСИ), география опроса гораздо шире), культурные различия (Казань – столица Татарстана, центр мусульманства), направления подготовки, на которые они поступили. Такие ценностные приоритеты полностью согласуются с теми ориентирами, которые рекламируются нам через различные средства массовой информации, среди которых на первом месте стоит обогащение для постоянного развлечения, «которого мы достойны».

Дальнейшее проведение эксперимента на базе МТУСИ убедительно доказало, что воспитательная система вуза, нацеленная на формирование гражданской позиции студентов, способна изменить сложившиеся приоритеты и преодолеть некоторую недостаточность учебного процесса в плане формирования личности инженера.

У выпускников избранных для исследования вузов показатели параметров жизненной ценности «Высокое материальное положение» и сферы «Увлечения» на протяжении всего периода обучения остаются стабильно высокими, а показатели параметра сферы «Общественная жизнь», имея изначально низкие числовые значения, неуклонно

понижаются, как и параметра жизненной ценности «Активные социальные контакты» (рис. 2).

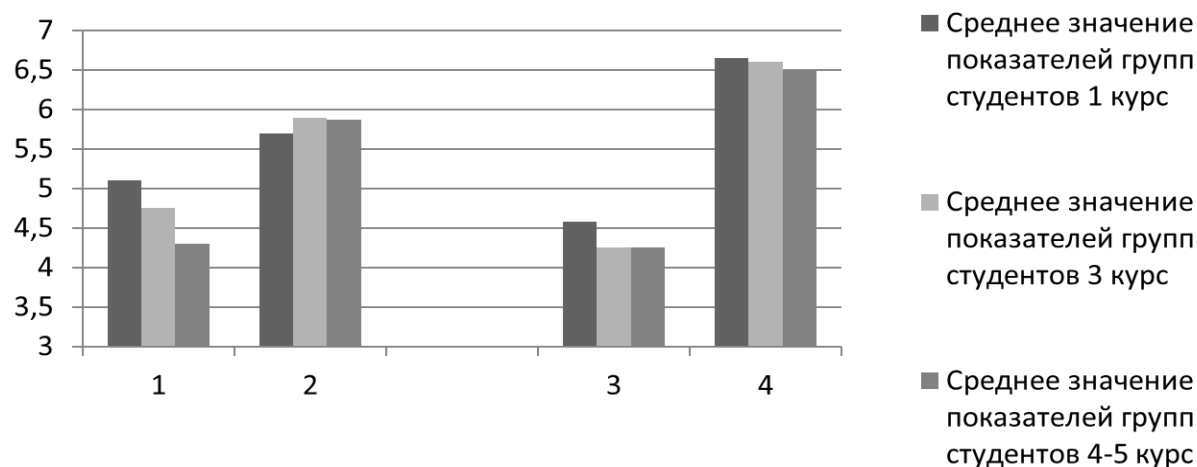

Рис. 2. Изменения ценностных ориентаций студентов по курсам:
1 – «Активные социальные контакты; 2 – «Высокое материальное положение»;
3 – «Общественная жизнь»; 4 – «Увлечения»

Проведенный опрос выпускников студентов МТУСИ, активно занимавшихся общественной, социально-значимой деятельностью в процессе обучения в вузе, показал, что приоритетное значение в ценностно-мотивационной структуре для них имеют ценности «Духовное удовлетворение», «Активные социальные контакты», сфера «Общественная жизнь», по которым при сравнении с контрольными группами были получены статистически значимые различия (рис. 3).

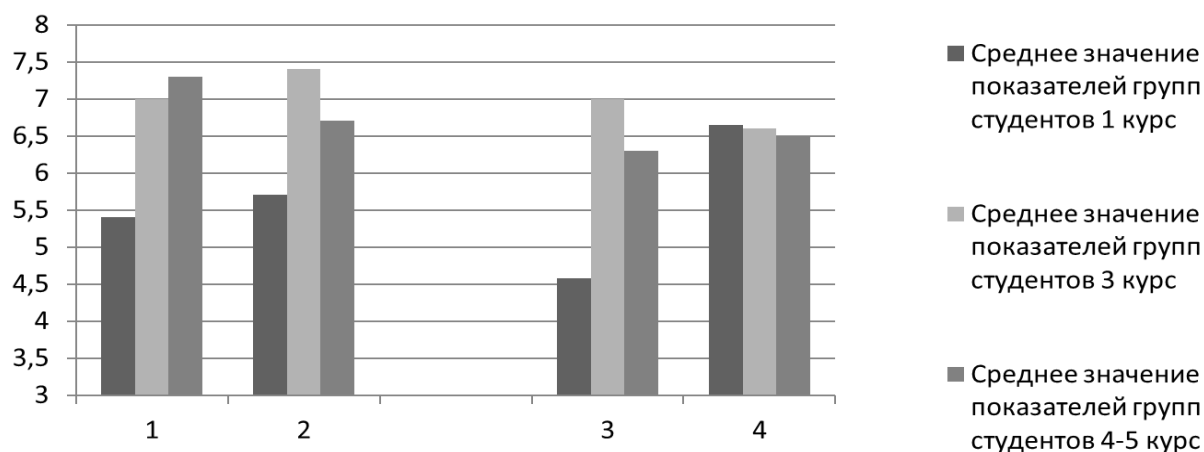

Рис. 3. Изменения ценностных ориентаций студентов МТУСИ по курсам:
1 – «Духовное удовлетворение»; 2 – «Активные социальные контакты»;
3 – «Общественная жизнь»; 4 – «Увлечения»

Воспитание определяет целевую программу деятельности, формирует вектор потребностей личности и сумму знаний и умений,

полученную в процессе образования. Все это направляется на реализацию тех задач в тех формах и теми способами, которые соответствуют аксиологической шкале, сформированной в процессе воспитания. Система воспитания гражданской позиции вносит в индивидуальную систему ценностных ориентаций совокупность ориентаций и установок на определенные общественные ценности, которые интегрируются личностью, рассматриваются как собственные, актуализируются в его индивидуальной системе ценностей, занимают на аксиологической шкале приоритетное место.

Общенациональные духовные ориентиры должны быть включены в общую структуру личности, являться частью профессиональной культуры. Все остальные цели и задачи воспитания («удовлетворение потребностей личности в физическом, интеллектуальном, культурном и нравственном развитии», самореализация, самоопределение) реализуются уже в рамках и на основе сформированной гражданской позиции индивида, его гражданской идентичности, осознания себя значимым элементом общественно-государственного строительства. Таким образом, процесс формирования гражданской позиции должен стать не отдельной обособленной категорией воспитательного процесса, не одним из его направлений, а имманентной основой воспитательной системы образовательного учреждения, институциональной функцией.

Библиографический список

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ (дата обращения: 16.06.2018).
2. Ильинский И.М. Прошлое в настоящем. Избранное. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2011. 840 с.
3. Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры: приказ Министерства образования и науки РФ от 19 декабря 2013 г. № 1367. Зарегистрирован в Минюсте РФ 24 февраля 2014 г. URL: <https://rg.ru/2014/03/12/obr-dok.html> (дата обращения: 16.06.2018).
4. Князев А.М. Акмеолого-педагогическая концепция воспитания гражданственности в системе российского образования: автореф. дис. ... доктора педагогич. наук. М., 2008. 75 с.

5. Сопов В.Ф., Карпушина Л.В. Морфологический тест жизненных ценностей // Прикладная психология. 2001. № 4. С. 9–30.

6. Денисова А.Б. Влияние информационно-коммуникационных технологий на формирование мотивационно-ценностной структуры личности // Мир образования – образование в мире: научно-методический журнал. 2016. № 2 (62). С. 136–142.

ГРНТИ 02.15.99

УДК 122

Д.А. Севостьянов
НГАУ, Новосибирск

ИГРОФИКАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ФИЛОСОФСКИЕ ИСТОКИ ЯВЛЕНИЯ И ИНВЕРСИВНЫЙ АНАЛИЗ

В статье рассматривается игрофикация (или геймификация) деятельности с точки зрения анализа инверсивных отношений в мотивационной иерархии. Инверсией здесь называется такая форма отношений в иерархической системе, при которой низший элемент, не покидая своей подчиненной иерархической позиции, обретает главенствующее положение. Игрофикация деятельности заключается в насыщении деятельности интринсивными (процессуально-содержательными) мотивами, в то время как в обычной трудовой деятельности преобладают экстринсивные мотивы.

Ключевые слова: игрофикация деятельности, мотивация, иерархия, инверсия.

Игрофикация (или, если использовать англоязычный термин, геймификация) деятельности представляет собой, как следует из названия, насыщение человеческой деятельности игровыми элементами. Термин «геймификация» (gamification) был предложен Н. Пеллингом в 2002 году, но лишь в последние годы привлек к себе пристальное внимание научного сообщества [1]. Целью игрофикации является радикальное изменение мотивации действующего субъекта. Необходимо понимать, в чем состоит сущность этих игровых элементов; для этого, в свою очередь, следует иметь представление о сущности игры как типа человеческой деятельности и о роли игровых элементов деятельности в структуре мотивации.

Деятельность человека обусловлена несколькими одновременно действующими мотивами, которые вместе образуют иерархическую систему. Соответственно, одни мотивы занимают высшую, другие – низшую позицию в данной иерархии. Иерархия мотивов обладает свойством, которым наделены все сложные иерархические системы, а именно – способностью к формированию инверсивных отношений.

Инверсия представляет собой форму отношений внутри системы, при которой низший элемент в иерархии, формально оставаясь подчиненным, фактически обретает главенствующее положение. Исследование инверсивных отношений уже зарекомендовало себя как важнейший исследовательский метод, позволяющий формировать релевантные модели иерархических систем и прогнозировать результаты системного развития [2].

Инверсии возникают вследствие того, что в иерархической системе, как правило, действует несколько отдельных организационных принципов, которые определяют, почему, собственно, данный элемент занимает в иерархии именно это, а не какое-либо иное положение. Множественностью организационных принципов отличается практически любая реально действующая иерархическая система, в то время как книжные, отвлеченные модели иерархий часто базируются на каком-либо одном организационном принципе.

Пока организационные принципы в иерархии действуют в одном направлении и не противоречат друг другу, в иерархической системе сохраняется первоначальный порядок, инверсий не предусматривающий (такой порядок получил название «*ордер*», или «*отношения ордера*»). Но если один из таких принципов начинает противоречить остальным, отношения ордера нарушаются, а некоторый подчиненный иерархический элемент, оставаясь в низшем положении на основании одного или нескольких принципов, приобретает основания возглавлять данную иерархию благодаря действию другого принципа. В иерархии мотивов такое системное преобразование не только достаточно наглядно (как пример иерархических взаимодействий), но и имеет большое практическое значение.

Как правило, развитие инверсий в иерархической системе приводит к тому, что в данной иерархической системе нарастают противоречия, что может в дальнейшем привести к разрушению данной системы. Однако возможен и иной вариант: при определенном стечении обстоятельств инверсии не только не вредят иерархической системе, но и способствуют ее поступательному развитию [2].

Так, согласно одному из таких организационных принципов (его можно назвать принципом эффективности), наибольшее значение в иерархии мотивов должен приобрести тот мотив, который является наиболее действенным и обеспечивает, соответственно, максимальную эффективность деятельности. Действие такого организационного принципа воспринимается как само собой разумеющееся. Мотивы, в целом, на то и нужны, чтобы побуждать к деятельности. Но среди них встречаются и те, в которых эффективность деятельности выступает

лишь в качестве побочной цели (скажем, мотив престижа направлен не на саму личную эффективность, а на ее благоприятное восприятие окружающими). Таким образом, практический эффект от действия разных мотивов неодинаков.

Однако это не единственный организационный принцип в системе мотивов. Другой организационный принцип – количественный, он показывает, насколько представлен тот или иной мотив в деятельности субъекта. Если речь идет о представленности данного мотива не в мотивационной структуре одного человека, а среди членов того или иного социального сообщества, то можно говорить о действии мажоритарного принципа (согласно этому принципу тот мотив важнее, у которого больше приверженцев). Пока наиболее представленным мотивом остается тот, который направлен именно на достижение цели в деятельности, а не на что-нибудь другое, в системе мотивов индивида или сообщества будут сохраняться отношения ордера. Но если на первое место в количественном выражении выйдет какой-либо другой мотив, эффективность деятельности снизится. Например, когда на первом месте в деятельности руководителя находится мотив власти, то такого субъекта будет волновать главным образом не успех в работе, а возможность помыкать своими подчиненными. Труд, в котором произошла инверсия мотивов, становится фактически *превращенной формой* труда.

Существует деление мотивов человеческой деятельности и в несколько иной плоскости; они подразделяются на *экстрисивные* и *интрисивные* [3]. Экстрисивный мотив действует, когда цель деятельности находится за пределами самой деятельности. Интрисивный мотив выходит на первое место в том случае, когда в деятельности сам процесс ее становится для субъекта более привлекательным нежели результат. Итак, если экстрисивный мотив является внешним по отношению к деятельности, то интрисивный (процессуально-содержательный) мотив целиком остается в пределах самой деятельности. Обычно в повседневной человеческой деятельности, и особенно в деятельности трудовой, на первом месте стоят экстрисивные мотивы. Человек может выполнять тяжелую, неприятную, грубую и даже вредную и опасную работу, и его побуждает это делать экстрисивный мотив (например, грядущее материальное вознаграждение, а в других случаях – сознание общественной значимости результата данной работы). Интрисивный же мотив представляет собой только результат необходимости, по ходу выполнения работы, производить контроль собственных действий. Естественно, если деятельность протекает так, как планировалось, то уже сам этот факт приносит субъекту

частичное удовлетворение, в том числе и тогда, когда желательный конечный результат еще вовсе не достигнут. Если же деятельность протекает не так, как хотелось бы, это вызывает, соответственно, негативную реакцию. Таким образом, самооценка деятельности выступает в качестве хотя и важного, но все-таки подчиненного ее аспекта, а получаемые ощущения остаются на правах своеобразного побочного продукта деятельности.

Стремление получить удовлетворение от процесса деятельности, хотя и имеет немалое значение, находится в иерархически подчиненном положении по сравнению со стремлением достичь внешнюю цель. Эта закономерность касается практически всех видов человеческой деятельности, за исключением только одной деятельности – игровой. Здесь данная иерархия нарушается, и в ней проявляется одна из форм инверсивных отношений. Игра, таким образом, в определенных условиях может рассматриваться как превращенная форма труда.

Знаменитый нидерландский культуролог Йохан Хейзинга (1872–1945) определял игру как «единственный вид деятельности, несущий удовлетворение в себе самой» [4]. Действительно, увлеченный игрой субъект погружен в своеобразную азартную реальность. Результат его деятельности для него хотя и важен, но все же носит служебный, подчиненный характер. Например, если игра идет на деньги, или, если выигрыш просто подразумевает получение ценного приза, то не игра расценивается как средство заполучить этот приз, а наоборот: приз служит для того, чтобы должным образом поддерживать надлежащую «температуру» в игре. Азартные игроки отправляются в казино не за выигрышем, а за переживанием измененного состояния сознания – игрового драйва.

В игровой деятельности происходит инверсия мотивов. Интринсивный мотив выходит в ней на первое место. Как уже говорилось, ощущение психологического подъема, которое приносит игра, представляет собой субъективно более важное явление, нежели внешний результат игры (например, тот же приз, завоеванный в игре, когда такой приз вообще предусмотрен). Если, например, футбольная команда играет престижный матч, то сама игра с именитым соперником значит для футболистов намного больше, чем вожделенный кубок и медали. Если же игра будет отменена, а одна из команд получит все причитающиеся победителю призы просто так, без игры – это едва ли вызовет у спортсменов чувство удовлетворения. Они пришли сюда именно играть, а не получать приз. Присутствие интринсивных (процессуально-содержательных) мотивов в деятельности имеет большое значение. Это касается не только трудовой деятельности, но и,

например, деятельности учебной. Можно, конечно, представить себе студента, который учится в вузе, будучи направляем единственным экстринсивным мотивом – стремлением получить диплом. Но этот студент будет годами посещать занятия, с трудом преодолевая скуку и отвращение, ибо в учебном процессе его не привлекает решительно ничего; важен один только конечный результат. Разумеется, такой результат будет носить исключительно формальный характер, поскольку усвоение знаний через силу не только субъективно непривлекательно, но и попросту неэффективно.

Если же в деятельности преобладают интринсивные мотивы, если игровая деятельность становится ведущей, процесс такой деятельности становится самоценным для субъекта. Игра всегда добровольна; никто не может принудить человека играть [5]. Стремление реализовать себя в азартной реальности позволяет в итоге получить тот самый результат, который служил бы внешней целью при экстринсивной мотивации. Игрофикация деятельности включает в себя ряд аспектов: процедурный, предусматривающий разработку игрового сценария и характер вознаграждения в игре; социальный, охватывающий вопросы игрового взаимодействия между участниками; эстетический, которым обусловлено становление эмоциональной привлекательности самого игрового действия [6].

С точки зрения анализа инверсивных отношений в мотивационной иерархии отнесение мотивов к экстринсивным и интринсивным представляет собой самостоятельный организационный принцип. Если процесс деятельности выходит на первое место, результат становится пренебрежимым, и это, разумеется, должно отразиться на результате самым плачевным образом. Так, например, бывает, когда работник одержим зависимостью к труду (трудоголизмом); его труд всегда процессуально насыщен до предела, но результат может быть при этом далеким от ожидаемого. Как известно, белка, без усталости бегающая в колесе, не производит никакой полезной работы. Однако искоренение интринсивной мотивации приводит к столь же неприятному результату: процесс работы, как и учебный процесс у выше упомянутого горе-студента, становится попросту ненавистным, хотя и обещающим в итоге некоторый позитивный, привлекательный результат. Таким образом, искусство управления учебной или производственной деятельностью направлено не на то, чтобы исключить саму возможность появления мотивационных инверсий, а напротив, заключается в том, чтобы опираться на мотивационные инверсии, использовать их, не давая им развиться до критического, недопустимого уровня.

В эффективно функционирующей системе отношения ордера имеют приоритет над инверсивными отношениями, но сами инверсивные отношения в тех или иных проявлениях непременно тоже там присутствуют. Система «человек», как и система «общество», пронизана инверсиями, что называется, сверху донизу, и требуется лишь следить за тем, чтобы инверсивные отношения не получали бы повсеместного приоритета.

Однако сказанное выше нуждается в некотором уточнении. Если деятельность производится не в одиночку, а в сообществе, в коллективе (как оно обычно и бывает), то вполне допустима ситуация, когда отдельные действующие лица (например, рядовые исполнители) демонстрируют в своем поведении полное преобладание интринсивных мотивов, целиком (хотя бы и на время) растворяясь в игровой деятельности. Общему делу это нисколько не вредит, при условии, что на уровне организаторов процесса деятельности в структуре мотивации сохраняются отношения ордера. То же самое мы можем видеть, например, в игровых формах обучения: будучи полностью погружены в игру, участники ее достигают определенного положительного результата, то есть приобретают нужные им знания, умения и навыки, даже и не думая во время игры о таких вещах. Достаточно, чтобы об этом думал их преподаватель. Таким образом, инверсивный анализ представляет собой познавательный инструмент, позволяющий оценивать такие направления развития мотивации, как игрофикация деятельности. С другой стороны, и сама игрофикация деятельности, как и структура мотивации в целом, представляет собой весьма интересный и перспективный объект философского исследования.

Библиографический список

1. Маркеева А.В. Геймификация как инструмент управления персоналом современной организации // Российское предпринимательство. Т. 16. 2015. № 12. С. 1923–1936.
2. Севостьянов Д.А. Инверсивный анализ в управлении. Новосибирск: Золотой колос, 2017. 287 с.
3. Хекхаузен Х. Экстринсивная и интринсивная мотивации // Мотивация и деятельность: в 2 т. Т. 2. М.: Педагогика, 1986. С. 234–248.
4. Хейзинга Й. *Homo ludens*. В тени завтрашнего дня. М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. С. 5–240.
5. Бурлаченко А.В. Почему геймификация работает и три основных правила мотивации // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. 2013. № 23. С. 36–40.

6. Старкова Н.О., Тиминова Е.В. Игрофикация как инновационный инструмент маркетинга персонала современной организации // *European Journal of Economics and Management Sciences*. 2015. № 2. С. 34–37.

ГРНТИ 02.61.25

УДК 130.2

О.Н. Новикова
УГЛТУ, Екатеринбург

ИГРА КАК ТРАНСГРЕССИЯ БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА В КУЛЬТУРЕ ПОСТМОДЕРНА

Предметом исследования статьи является игра как акт, форма и способ бытия, рассмотренные через призму трансгрессии. Автор акцентирует внимание на аксиологических сдвигах в культуре постмодерна и предьявляет игровые практики как способ преодоления хаоса бытия современника. В игровом моделировании, выстраивая поливариативную жизненную стратегию, человек мотивирован на поиск своего предела, личной трансгрессии, делающей невозможное возможным.

Ключевые слова: игра, игровые практики, трансгрессия, бытие, культура постмодерна, идентификация, самопрезентация.

Аксиологические координаты жизни, многие понятия, факты и суждения повседневного существования утратили свою устойчивость и нерушимость, подверглись антиэссенциализму, став зыбкими, нестабильными, позволяющими вкладывать субъективный смысл в изначально базисные паттерны. «Смысловая и категориально-понятийная пестрота подходов постмодернизма обусловлена его радикальным отказом от самой возможности конституирования в сфере современного философствования концептуально-методологической матрицы, которая могла бы претендовать на парадигмальный статус» [1, с. 426]. Все понимаемое и воспринимаемое за истину становится тем, что сам человек выбирает из огромного информационного поля, какую сторону и грань знания он вычленяет.

Отказ от единственно верных базисных оснований трансформируется во введение понятия «игра случая», где анархия и ирония позволяют отображать реальность через конструирование гипервиртуальности. Имея в основании аппарат специфических действий, виртуальная культура создает свой знак, язык, символ, кодирующий идеологически «нового» человека, носителя фрагментарного (компилятивного) сознания. «Для постмодернистского сознания характерно специфическое видение мира как хаоса, лишённого причинно-

следственных связей и ценностных ориентиров, мира децентрированного, предстающего сознанию лишь в виде иерархически неупорядоченных фрагментов» [2, с. 231].

В результате современник в любой упорядоченной системе ищет хаос, калейдоскоп и эклектику. На данных собирательных образах рождается трансгрессия – образ стирания границы между возможным и невозможным. «Чистая трансгрессия, область нерасчлененного и неорганизованного хаоса, сфера неограниченного перетекания одного в другое» [3, с. 112]. Реализуясь через разрыв причинно-следственных связей, феномен трансгрессии воспринимается как случай, исключаящую любую самость и субъектность.

Постмодернизм концептуально рассматривает трансгрессию, исключаящую человека как активного, самопознающего и самосозидающего субъекта. Направленная на человека, она осуществляется не им самим, а случаем, чередой непредвиденных обстоятельств, где трудно спрогнозировать итог, последствия жизненных изменений.

Трансгуманистическая установка иначе определяет креативность, творческое начало современника – как некую субъектность, функционируемую как скриптор. Само общество, его история и культура определяются как интертекст, где задача современника посредством игры, цитатами создать свое иное конструирование смысла в культурной среде, через интертекстуальную игру, внедряющую новации. Так, у человека рождается иллюзия, что он творец, создатель иного, но по факту сама культурная среда реконструирует нечто, а человек становится инструментом, орудием, механизмом.

У современника формируется поверхностный взгляд на мир, без эмоционального переживания, он живет мельканием внешних событий, приключений, эпатажирующих действий. Лишенный целостных оснований, человек как бы фрагментируется, распадается на части, не имея глубоких чувств, находится в состоянии постоянного возбуждения, поэтому компенсирует недостающие эмоции и чувства поиском новых развлечений, удовольствия, эскапизмом. Он живет воспроизводящими, а не производящими технологиями, которые чаще всего не производят, а только изображают искусственно созданную некую данность. Человек как бы играет в жизнь, рационально не осознавая искусственность и трансгрессивность бытия.

Современник нацелен на самовыражение и самоутверждение собственной значимости, через комбинаторику беспредельности человеческого бытия, где индивидуальность представляется как коллаж, мозаичность и фрагментарность. Он постоянно переходит от одного жизненного проекта к другому, адаптируясь к реалиям социума в виде

игровой эстетизации своих интеллектуальных и физиологических сил, стремясь придать свой смысл, значение хаотичному бытию, через интуицию повседневности. Акцент на себя, свою жизнь как некой модели постмодернистской игры направлен на поиск своего предела, своей трансгрессии, вне предела рационального объяснения.

Феномен трансгрессии (греч. trans – «сквозь», через; gress – «движение»), как «факт выхода за пределы» (Фуко, Батай, Деррида и др.), позволяет человеку трансформировать мир в качестве фантастического способа художественного мышления, через конструирование сверхъестественных миров [4–6]. Светская рациональная культура именно в мире фантазийной игры, не выдумывает сверхъестественное начало, а стремится изобразить реальный мир измененным, отличным от настоящего.

Фантастика, ирреальность нацеливают человека исследовать запретные, табуированные темы, разрешает не соблюдать правила и приемы, нормы и ценностные основания. Так, через освоение пусть и ирреальных моментов осмысливается сам реальный мир и осваивается знакомое и близкое человеку, через странность, «иное» которое меняет нашу реальность. Ведь трансгрессия позволяет человеку прикоснуться ближе к своим страхам и желаниям, формируя представления о мире, где сверхъестественное уживается с традицией, противопоставляясь ей или ее видоизменяя. Она констатирует человеку не быть тем, что он есть. И через игровые практики дает ему способность стать некой переменной действительностью, множественностью, гетерогенной перспективностью. Выбирая свою жизненную игровую стратегию, современник растворяется в игровом формате жизни, но воспринимает его через реальные пределы, в которых решается его судьба, выстраивается будущая перспектива.

Любая культура становится особого рода формой человеческой деятельности, направленной на поиск смысла. И современные игровые практики становятся той формой и способом, через призму которой человек обнаруживает и объясняет смысл мира, прежде всего для себя, а затем уже в контексте включения «другого». Игра, создавая некую устойчивую модель, позволяет использовать ее вновь и вновь в текущей ситуации, видоизменяя ее до бесконечности. Ведь онтология игры констатирует, что игра – вечное возвращение, где достижения, результат становятся неким этапом, временной остановкой, но не конечной целью.

Игровые практики, базируясь на внутренней трансгрессии дискурсивного пространства, позволяют смещать границы дискурса с одной перспективы на другую, благодаря чему первоначальный смысл

не утрачивается, а замещается, растворяясь в пересечении множества смыслов, позиций, способов существования, где невозможно до конца установить истинность, однозначную определенность. Игровая трансгрессия становится формой жизни, позволяющей человеку нарушить закон, основу, не упраздняя традиционную норму. Ведь часто человек идет на риск, блеф, преодоление некоего запрета, для того чтобы испытать волнение, тревогу, получить драйв, напряжение, внутренне преодолев самого себя.

В кризисные периоды жизни, на этапах дестабилизации общества человек тяготеет к риску, шансу поспорить с фортуной, судьбой, самой жизнью. Отсюда, столь широкая мода на игровые практики: виртуальные игры, игровые автоматы, казино, тотализаторы, покер, лотереи, где современник получает столь необходимые эмоции, ассоциируемые с успехом, побуждающие его и в дальнейшем заниматься данным делом. Данные формы времяпровождения способны еще и принести некий материальный выигрыш без лишних долговременных трудовых затрат. Иллюзия «легких денег» мотивирует современника на участие в данных трансгрессиях.

Полученный опыт игровой трансгрессии позволяет человеку в дальнейшем существовать под гнетом социального долженствования. Ведь трансгрессивное начало условно распадается на организованную и индивидуальную трансгрессии. Так, в бытийных практиках еще с древности трансгрессивное начало присутствует во всех ритуальных праздниках, жертвоприношениях и военных действиях, исторически поддерживаемых игровыми формами.

Индивидуальная трансгрессия зарождается там, где человек решает себе удовлетворить свои желания так, как ему хочется, без оглядки на этико-моральный базис. И чаще всего она осуществляется в молодом возрасте, когда современник усваивает и преобразует свое культурное пространство.

Современные процессы глобализации, унификация смыслов, ценностей и качеств жизни приводит к тому, что игровые практики, как и любые другие формы деятельности, утрачивают свою этническую идентичность. Традиционные народные игры потеряли свое главное предназначение – передачу межпоколенного опыта ценностей культурно-исторической практики, воспитание коллективного духа, чувства единения, нравственно-волевых качеств, необходимых для адаптации в конкретной культурно-исторической общности.

Традиционные игры фактически замещаются суррогатами игрищ, выстроенных на компилятивном начале, формирующие потребительскую культуру, где стирается грань допустимого и невозможного.

Традиционная игра трансформировалась в техническую, технологическую форму жизни, где главным компонентом становится не сам игровой процесс, а результат, выигрыш, меркантильная польза от данного действия.

Игровые практики современности проявляются в бытие не столько в качестве проникновения элементов игры во все сферы жизни, сколько в предьявлении разных видов деятельности (политики, науки, философии, экономики, искусства и др.) через формальную имитацию совокупности ролевых игр. Утрата различия между игровым (несерьезным, искусственным, шутовским) и серьезным констатирует все как игру, замещающую всю явленность жизни. Игра становится всем в культурной практике, отсюда и происходят изменения в отношении к ней как к игре.

Бытие начинает восприниматься современником как нечто ненастоящее, временное, легко изменяемое. Долговременная тактика планирования жизненной стратегии уступает место кратковременным ситуациям, чередующимся и компилируемым в жизненной реалии. Игра становится моделью, олицетворением реальности, стилем и способом выстраивания личностных жизненных стратегий, средством презентации себя и мира.

Современник по факту перестал ощущать свою значимость и ценность, верить в собственную созидательную силу, свой потенциал и возможность. И игровой формат, благодаря изначальной установке, что конечный результат игры не оказывает глобального влияния на реальное положение, позволяет сохранить иллюзию веры в себя как вершителя, созидателя, творца настоящего и будущего.

Игра, её вкрапления в реальность серьезных дел, разрешает человеку при желании в любой момент выйти из некой истории, ситуации, жизненного момента, изменив правила, отношения и саму суть происходящих событий. Так, серьезные факты деятельности, сохраняя только внешнюю структуру и форму, становятся игровой имитацией и рассматриваются современником как серьезное занятие, дело, позволяющее реализовывать себя на практике. Так как игра проникает во все сферы и формы действительности, то современник подчас не воспринимает свои действия как игровые, ненастоящие, несерьезные. Он расценивает данный акт с точки зрения предьявления собственного интереса и обеспечения безопасности.

Игровая культура – культура повторений, сериалов, клише и ремейков. Именно игра благодаря своим временным и пространственным возможностям позволяет за короткий период перепробовать, примерить на себя разные роли, освоить эмпирически окружающий

мир через уподобление предметам, вещам, объектам окружающей действительности. Имитации подвержена не только объективная, вещественная реальность, но и сам человек, который становится некой матрицей, носителем определенной программы жизни. Не сформировав у себя чувство целостности и преемственности, современник постоянно готов к изменениям, самообновлениям, постоянной трансгрессии через поиск творческого начала и границы свободы.

Растиражированные через средства массовой коммуникации (СМК) стратегии поведения через идеализированный клишированный результат воспринимаются и воплощаются в инновационном качестве. Ведь каждый современник реализует, разыгрывает данный аспект через собственную интерпретацию. Одна и та же жизненная игровая стратегия реализуется у каждого по-своему, приобретая личную субъективность и фактурность.

Самоопределение, самореализация человека выстраивается на технологии саморефлексии как способа создания субъективной картины мира, с собственной системой ценностей и смыслов. Самореализация человека осуществляется через акт общения и коммуникации. Традиционно игровые практики являлись базой для освоения определенной коммуникативной культуры, которая в свою очередь маркирует тип культуры, государственное и личностное начала.

Интерактивные средства и формы общения (телефон, Интернет, скайп и т. д.), нивелировав живой контакт, разработали иные технологии взаимодействия людей – телекоммуникацию, общение на расстоянии. Виртуальная реальность становится видом и формой контактов человека. Имея ряд преимуществ (безграничность, легкодоступность, многомерность), виртуальная среда инициировала свои правила общения, где человек при желании приобретает анонимный статус, может экспериментировать со своей идентичностью.

Современник созидает с другими людьми особую среду, сферу виртуальной реальности, где он самосовершенствуется, бесконечно трансформируется, играя в нового себя или создавая некий самобытный продукт. Виртуальные миры, игровые практики объединили людей, никогда не знавших и не видящих друг друга. Они сплотили современников в группы по интересам, целям и жизненным стратегиям, соединив в сети неким коммуникативным кодом – игровой рефлексией. Так, виртуальная картина мира, созданная каждым и никем, становится истинной, значимой и важной, несмотря на осознание, что это только имитация, игра в реальность.

Виртуальная реальность становится упрощенной формой реальной жизни, а технические и технологические возможности создают

современнику эффект присутствия. У пользователя сети формируется представление об обратимости любого жизненного процесса, возможности поливариантного развития жизненной ситуации, поиска лучшего хода, стратегии, действия, приносящего наибольшее благо. Воспитанный на данном виртуальном мировосприятии, он переносит данное приобретенное качество и в реальную жизнь, относясь к ней как к игре, где присутствует возможность с легкостью изменить жизненную траекторию.

Виртуальные практики переиначивают представление и готовность человека к ответственности. Изменяют его намерения оценивать и совершать поступки, влияющие не только на собственную, но и на чужую жизнь. Привыкший получать удовольствие здесь и сейчас, человек не думает о будущем, живя кратковременными целями, обесценивает значение понятия долга, традиции, меры, обязанности. Он стремится быть счастливым, но данное состояние рефлексивно мыслится им как постоянное удовольствие, наслаждение комфортом, обеспечивающим эгоистические потребности.

Игра в бытие получает полновесное влияние на сознание человека благодаря возможности непосредственного включения в данный процесс. Ведь традиционные формы и факторы познания мира (книга, фильм, искусство) раскрываются, расшифровываются через потребление, возможность воспринять то, что сделано и сказано другими, понять смысл жизни через призму взглядов, положений и предъявлений других людей. А включение игровых качеств в повседневную жизнь каждого делает сотворцом, создателем и созидателем окружающего. Это позволяет каждому быть *другим, иным, возможным*, что дает человеку чувство безграничной свободы выбора реальности.

Игра позволяет нейтрализовать все разрушительные интенции человека. Находясь постоянно в информационно-агрессивном пространстве, транслирующем, что мир жесток, несправедлив, уродлив человек адаптируется к данным обстоятельствам через распространение военных игр, игр-стрелялок, игр-убийств. Сюжеты игр повторяют практику повседневных милитаристских конфликтов. Убийство, насилие, агрессия перестали восприниматься как нечто неестественное, неправильное. Убийство, насилие в виртуальной игре становится технологией защиты, сверхпомощи, возможность победить плохого героя. Так изменилась сама суть отношения к феномену физической силы, она воспринимается единственным способом – средством решения любого конфликта.

Современник трансформировал свой страх перед смертью, она в игровом формате как фактор победы над врагом, а личная смерть

возможна как факт ошибки, неверно совершенного действия, хода, но всегда есть дополнительная жизнь, бонус продления существования. Антигуманизм милитаристских игр переносится в реальную жизнь, где риск становится повседневной пробой себя и своих возможностей. Практика игрового действия становится базовой моделью взаимодействия в реальном мире.

Современник постоянно ищет и создает в реальности ситуации трансгрессии, где разрушение и созидание, насилие и соблазн создают внутреннюю гармонию. Достаточно вспомнить о большой популярности в молодежной среде таких форм проведения досуга, как паркур, дрифт, руфинг, диггерство, сталкинг, сурвивализм, квест и др., где риск, азарт, опасность задают новую систему смыслов и жизненных координат.

На схожем факторе строится индустрия социальных игр, пропагандирующая не только преодоление испытаний, получение позитивных эмоций, но и приобретение негативного опыта, даже отвращения к кому-либо или чему-либо. «Фактор страха», «Последний герой», «Битва титанов», «Остаться в живых», «Гонка героев» и др., – вот только небольшой перечень социальных игрищ, где индивид, соревнуясь с другими, стирает границы возможного и невозможного, следуя неким регламентированным правилам, нарушает устои, нормы, действует вопреки всем стандартам и этическим нормам. Он часто соглашается на унижения, лишения и трудности ради получения большого денежного приза, приобретенного не в результате кропотливой трудовой деятельности, а как оплаты исполнения конкретной роли.

Риск, стресс, страх воспринимаются как атрибуты культуры постмодерна и становятся эмоциями, к которым стремятся, они становятся как формы наслаждения, удовлетворения в жизни и деятельности. Игровая индустрия, балансируя на грани дозволенного и запретного, формирует потребность выплеснуть «взбудораженное нутро в асоциальных действиях, сексуальных патологиях и других деструктивных актах и формах поведения» [7, с. 132].

Игра, игровая практика – это всегда зрелище, спектакль, ведь любой участник игрового действия ожидает от окружающих зрителей оваций или порицания. Отныне мир воспринимается как зрелище, где факт и событие оцениваются с точки зрения реальности и ирреальности. Он предстает через бесконечное число симуляций, так как инфантилизм, дезориентация, ризоматичность (поверхностность), карнавальность и эскапизм современника приводит к замещению творческого начала человека в имитации и мимикрии. Жизнь современника предстает в виде бесконечных трансформаций и интерпретаций, где

игровые практики, как технологии жизни, дают человеку возможность к постоянному обновлению, изменению, адаптации своей само-сти и, как правило, направлены на возможность упорядочить свою жизнь. Самоутверждение, демонстрация личностного «я», индивидуализация и самоизоляция толкают личность на поиски трансгрессивного бытия, восполняя свои нереализованные мечты и желания в реальности.

Вышеизложенный анализ позволяет констатировать, что жизне-деятельность человека, выстроенная на игровой трансгрессии, стано-вится глобальной стратегией, преодолевающей хаос бытия, воспри-нимаемый им не как кризис, а как временные трудности, заблуждения (в экономической, политической, социальной, личностной сферах). Относясь к жизни как к игре, человек переосмысливает аксиологиче-ский, нравственно-ценностный коллапс и претворяет личную самоор-ганизацию, самопрезентацию в игровом статусе как мотивацию к жизни, существующей в новом поливариативном порядке.

Библиографический список

1. Новейший философский словарь. Постмодернизм / гл. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. Мн.: Современный литератор, 2007.
2. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмо-дернизм. М.: Интрада, 1996.
3. Фаритов В.Т. Смысл и трансгрессия (смыслообразование как трансгрессивный феномен) // *Universum: Общественные науки: элек-трон. научн. журн.* 2015. № 4 (14). URL: [http://7universum.com/ru/so-cial/archive/item/2101](http://7universum.com/ru/social/archive/item/2101) (дата обращения: 06.10.2017).
4. Фуко М. О трансгрессии // *Танатография эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века.* СПб: Мифрил, 1994. С. 111–131.
5. Батай Ж. Запрет и трансгрессия. URL: <http://vispir.narod.ru/bataj2.htm> (дата обращения: 10.10.2017).
6. Деррида Ж. Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук // *Французская семиотика: от структурализма к постструктура-лизму* / пер. с франц., сост., вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 2000. С. 407–420.
7. Мальковская И.А. Глобализация как социальная трансформа-ция. Тематические матрицы. Кн. 1. М., 2002. 199 с.

ГРНТИ 13.21.07
УДК 796.01

С.Н. Медведев
СамГТУ, Самара
Д.С. Никитин
МГУ им. Н.П. Огарева, Саранск

ИГРА И СПОРТ В КОНТЕКСТЕ ДУХОВНЫХ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Спорт и игра рассмотрены в качестве индикаторов духовных проблем современной отечественной и мировой культуры. Показано, что в философских исследованиях преобладают тенденции к акцентированию позитивных социокультурных характеристик спорта. В то же время существуют работы (Т. Веблен, Х. Ленк, Й. Хейзинга), указывающие на негативные аспекты развития спорта в современном обществе. Авторы указывают на важность исследования спорта для диагностирования проблем современного общества. Однако они полагают, что в процессе исследования спорта необходимо делать акцент не на положительных или отрицательных его сторонах, а на сложном и противоречивом характере данного социокультурного феномена. Спорт, как и игра, является универсалией культуры. А культура в своих основах амбивалентна и диалогична.

Ключевые слова: игра, спорт, духовная культура, социальные проблемы, ценности спорта.

Многие современные исследователи как за рубежом, так и в России предпринимают попытки выявить место феномена спорта в общей системе культуры, определить формы и виды его социализации, очертить его роль в формировании всесторонне развитой личности.

Спорт имеет высокий социокультурный и гуманистический потенциал, обусловленный тем, что по собственному объективному содержанию спортивная деятельность, проявляющаяся в соревновательной форме, является универсалией культуры. «Как раз тем и объясняется глубокий общекультурный потенциал спорта, что всякая спортивная деятельность предрасполагает к активному, деятельно-практическому сравнению способностей и возможностей одного человека со способностями и возможностями другого» [1, с. 94].

Анализ литературы по проблеме показывает, что в большинстве исследований о спорте внимание акцентируется лишь на позитивных аспектах, которые присутствуют в спорте в контексте его влияния на личность индивида и отношения между людьми. В итоге, из всего множества фактов, обстоятельств и событий действительной истории спорта рассматриваются только те, которые говорят о его позитивном вкладе в реализацию гуманистических, культурных ценностей. Основываясь на этом, часто делают вывод о том, что спортивная деятельность,

в том числе, спортивные взаимодействия, всегда без соотношения с какими-то конкретными историческими условиями способствуют укреплению взаимопонимания между различными народами, воспитывают нацеленность на успех, развивают чувство ответственности и т. д. [2, 3].

В противовес такой высокой оценке культурного значения спорта имеются и другие точки зрения, предполагающие определенный скептицизм по поводу его высокой культурной ценности.

Согласно мнению А. Жемильски, фундамент такой оценки спорта строится на некоторых основных моментах. В частности, подвергается осуждению так называемый культ тела, который традиционно во многом противопоставляется признанию первенства духовных ценностей для человеческой культуры. Также спорту приписывается некий вырождающийся инстинкт борьбы. Кроме того, часто спорт интерпретируется только лишь как орудие демагогических манипуляций властью, спекулирующей на низменных инстинктах социума. В итоге, впечатляющее развитие спорта в XXI столетии рассматривается как знамение всеобщего упадка [4, с. 102].

Иногда такую негативную оценку связывают и с тем, что в основе спорта положено соревнование. Ситуации состязательности при этом определяются как причиняющие ущерб сотрудничеству, содействующие деградации личности и разрушению общественных отношений, осуществляющие порочное разделение индивидов на победителей и проигравших. По убеждениям сторонников этой позиции соревнования ведут к появлению и развитию различных отрицательных качеств личности, таких как эгоизм, агрессивность и прочее. Рассматриваемая позиция часто просматривается в рассуждениях неомарксистских критиков спорта, оценивающих любое соревнование как одну из причин отчуждения человека от социума и культуры [5, с. 91].

Но еще более часто фундаментом отрицательного восприятия спорта является негативная оценка не каждого соревнования, но конкретно тех его видов, в которых оно выражается на тех или иных этапах развития общества, а также комплекса находящихся с ним в совокупности дисфункциональных проявлений. Как правило, при этом подразумевают технократическую тенденцию, для которой характерно смещение цели деятельности с индивида, его личного развития на результат. Подмечают и такие антигуманные аспекты технократизма в спортивной деятельности, как узкая специализация, чрезмерное физическое развитие в ущерб духовному, готовность использовать абсолютно любые средства ради победы в соревновании.

Так, не оставил данные отрицательные аспекты без внимания американский культуролог, социолог Т. Веблен, рассматривающий спортивную деятельность в качестве некой псевдоактивности, пути для разрядки негативной энергии, способной представлять опасность для человека и общества. Как проявление культуры тоталитаризма, а также как деятельность, представляющую смысл лишь для праздного класса, «футбол имеет такое же отношение к подлинной физической культуре, как бой быков к сельскому хозяйству» [6, с. 40].

Еще О. Шпенглер рассматривал спорт в контексте цивилизационной, а не культурной парадигмы. После него появились исследования, в которых развивается культурологическая парадигма игры (Й. Хейзинга, Х. Ленк), в которой культурно-экзистенциальные аспекты игры противопоставляются формально-цивилизационным аспектам спорта. Интерес этих исследователей к культурологическим аспектам игры тем сильнее, чем дальше отходит сам спорт от идеалов культуры.

Й. Хейзинга делает акцент на том, что игра есть даже не столько механизм культурной деятельности, сколько атрибутивное природное свойство. В завершающих главах своей знаменитой работы Хейзинга *Homo ludens* не ограничивается анализом игрового содержания спорта и его эстетических моментов игры, он также выражает озабоченность статусом спорта в современном мире, пишет о постоянном нарушении моральных норм и принципов, о пренебрежении ценностями. Хейзинга приходит к заключению, что с развитием цивилизации игра как творческое действие подменяется сухим планированием спортивных мероприятий, в которых личность спортсмена задвигается на задний план его формальными функциями.

Хейзинга утверждает: «Теперь со все большим систематизированием и все более строгой дисциплиной игры что-то в ее чисто игровом содержании совершенно утрачивается. Это проявляется в разделении на любителей и профессионалов. Игровое сообщество различает тех, для кого игра уже не игра, и тех, кто, хотя и обнаруживает большие способности, занимает более низкий уровень по сравнению с настоящими игроками. Поведение профессионала – это уже неигровое поведение, непосредственности и беспечности в нем уже нет. В современном обществе спорт мало-помалу отдаляется от чисто игровой сферы и превращается в некий элемент *suigeneris*: уже не игра, но и еще не серьезность. Спорт в нынешней общественной жизни занимает место в стороне от собственно культурных процессов, которые идут вне его» [7, с. 187].

Немецкий исследователь Х. Ленк подчеркивает вслед за Хейзингой преобладание дегуманистического отношения к спортсмену: «Спортсмены высокого класса, как и мы, – люди, а не «механические средства для производства медалей», не мускульные машины для показа представлений с высокими достижениями, не «великолепные дрессированные животные» [8, с. 124].

Подобную оценку спорта можно увидеть и в трудах представителя Франкфуртской школы социальных исследований Т. Адорно. Он видел в спортивной деятельности мазохистский элемент, а кроме того – разветвленную совокупность разных регламентирующих правил и условий (в связи с которыми Й. Хейзинга и вывел спорт из области игры). На таком основании Адорно пришел к выводу, что спорт можно отнести к области несвободы, механистичности и обезличенности.

Неомарксизм предполагал, что нынешний спорт отражает в себе всю бесчеловечность общественной организации современности и противостоит свободе. Специализация делает индивида мелкой деталью в механизме спорта [9, с. 9]. Правила, существующие в спортивных играх, представляются как эксплуататорские, несправедливые и даже аморальные. Гонка за установлением рекордов, считают неомарксистские критики, способствует фрустрации спортсменов, за исключением победителей, которых можно пересчитать на пальцах. Даже высказывалось мнение, что спорт представляет собой некий наркотик, говорит о патологии личности, а спортсмен является послушным орудием в руках манипуляторов, находясь в состоянии отчуждения [10, с. 226].

В контексте подобных отрицательных оценок спорт вообще исключается из области культуры. Позиция Й. Хейзинга, как уже отмечалось, заключалась в убеждении, что спорт находится вне проторенных путей культурного прогресса, так как соревнования между государствами, шумно пропагандируемые в прессе, не в состоянии возвысить спорт до реальной силы, создающей и определяющей направления стиля и культуры.

Независимо от своего значения как для участников, так и для зрителей, игровой фактор в спорте в большинстве случаев уже вымер. Подобный взгляд на ситуацию идет вразрез с житейским мнением, для которого спорт определенно представляется как игровой элемент нашей культуры. Однако нельзя не признать, что многое (и, возможно, лучшее) из своего игрового содержания он действительно утратил. Едва ли здесь можно вести речь о благородном диалоге, в том смысле, в котором о нем размышлял Аристотель [11, с. 84].

Спорт, рассмотренный в этом контексте, если и включается в культурную область, то только в ее так называемый низший слой, относящийся к явлениям не подлинной, но лишь массовой культуры. Наконец, нередко внимание исследователей уделяется отрицательным возможностям, заключенным в спорте, акцентируются дисфункциональные проявления в данной сфере. Подтверждая такую точку зрения, рассматривают факты насилия, агрессивности, межнациональных конфликтов и прочее.

По мнению П. Саппенена, как в случае провозглашения спорта ведущей позитивной социокультурной силой, так и в ситуации отрицания его культурного значения имеет место искажение роли и значения спортивной деятельности. В первом случае мы получаем чрезмерную идеализацию, в другом – демонизацию спорта. Предпосылкой данных позиций, как правило, нередко имеющих место в условиях оценивания роли спорта в укреплении мира и международного взаимопонимания, часто находится смешение желаемого и реального положения дел.

Как представляется, подобные крайние точки зрения возникают в науке по причине того, что вопрос об общественно-культурном, гуманистическом предназначении спорта нередко решается на основании неадекватного методологического инструментария. В основе таких размышлений, как правило, можно обнаружить тенденцию к субстанциализации спорта, то есть попытку описать его как некую абстрактную, неподдающуюся изменениям сущность.

Таким же ошибочным моментом в методологии при исследовании спорта, как односторонний подход к определению его роли в культурной среде, необходимо считать и абсолютизацию обособленных аспектов этого противоречивого и многоуровневого социокультурного явления. В таком контексте и общественные функции, роль и значение спорта мыслятся как предопределенные его вечной, недетерминированной внешними условиями и факторами природой [12, с. 58]. Эта неизменная, не зависящая от реальных культурных условий сущность проявляет себя через такие качества, которые, например, в полной мере делают его важным средством укрепления мира, помогают развитию гуманистического культурного потенциала человечества или же, напротив, демонстрируют конфликтность, агрессию, разобщают людей.

Возникающие трудности и противоречия в процессе изучения спорта как общественного и культурного явления требуют диалогической методологии исследования. В процессе исследования спорта как социокультурного феномена необходимо делать акцент не на положительных или отрицательных его сторонах, а на его сложном и противоречивом характере. Спорт, как и игра, является универсалией культуры. А культура в своих основах амбивалентна и диалогична.

Библиографический список

1. Визитей Н.Н. Спорт и эстетическая деятельность. Кишинев: Штиинца, 1982. 183 с.
2. Сычев А.А. Модальности моральной ответственности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2015. № 2. С. 37–45.
3. Сычев А.А. Этика воспитания: между долгом и ответственностью // Ведомости прикладной этики. 2013. № 42. С. 96–108.
4. Жемильски А. Скептический взгляд на спорт // Спорт и образ жизни. М.: ФиС, 1979. С. 101–112.
5. Ленк Х. Этика спорта как культура честной игры. Честные соревнования и структурная дилемма // Неприкосновенный запас. 2004. № 3 (35). С. 88–94.
6. Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. 365 с.
7. Хейзинга Й. *Homo ludens*. Статьи по истории культуры. – М.: Прогресс-Традиция, 1997. 456 с.
8. Ленк Х. Отчуждение и манипуляция личностью спортсмена // Спорт и образ жизни. М.: ФиС. 1979. С. 112–125.
9. Эбер Ж. Спорт против физкультуры. Л.: Время, 1925. 100 с.
10. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М.: МГУ, 1981. – 424 с.
11. Столяров В.И. Спорт и культура: методологический и теоретический аспекты проблемы // Спорт, духовные ценности, культура: теоретические концепции и прикладные программы. Вып. 1: Исторические и теоретико-методологические обоснования. М.: РГАФК; Гуманит. центр «СпАрт», 1997. С. 84–200.
12. Стивенсон К.Л. Спорт как современный социальный феномен: функциональный подход // Спорт и образ жизни. М.: ФиС, 1979. С. 58–65.

МИФОЛОГИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

ГРНТИ 02.41.01
УДК 159.922

И.В. Назаров
УГЛТУ, Екатеринбург

МИФЫ ВОКРУГ НАС

В статье рассматриваются представления о доброте и агрессивности в российском обществе. Анализируется проблема нарастания негативных характеристик в общественном сознании.

Ключевые слова: мифы, доброта, жестокость, агрессивность, семейные отношения.

На заре цивилизации мифологическое мировоззрение было господствующим. Но по мере развития общества оно стало терять свое значение, уступая место религии, философии, науке.

Мифы не исчезли полностью из общественного сознания. Они значительно изменились, особенно под влиянием средств массовой информации. Современные мифы – это не сказания о богах и героях, не просто игра фантазии, а способ объяснения реальной действительности. Различные формы общественного сознания и общественных связей – религия, образование, реклама, массовая культура – создают разные мифы.

Наиболее общая причина создания мифов – это свободный полет фантазии, не связанный с действительностью, с реальным положением дел. Создатель мифов – интеллигенция – не желает обращать внимание на быт, на прозу жизни, ее «мерзости» и «низости», беды и неудачи.

В страшной свободе духа, в этой способности внезапно отрываться от почвы, от быта, истории, сжигать все свои корабли, ломать все свое прошлое во имя неизвестного будущего – в этой произвольной беспочвенности и заключается одно из глубочайших особенностей русского духа» – писал Д. Мережковский. Авторы сборников «Вехи» и «Из глубины» указывали на беспочвенность русской интеллигенции, которая живет в своем скиту, создавая искусственные утопические теории, из которых не будет добрых выходов.

Часто мифы дают надежду людям, а без нее трудно жить в беспокойном, полном трансформации мире. Мифы уводят человека от повседневности, бед и тревог, от прозы жизни, они дают повод для часто мнимой национальной гордости. Смотреть правде в глаза, субъективно оценивать положение в стране и самих себя довольно трудно. Национальным бахвальством гораздо легче компенсировать свои недостатки, лишения и бедность.

Современный человек с детства живет в различного рода мифах, которые создаются различными средствами и которые кажутся убедительными и объективными. Эти мифы воспринимаются на веру и принимаются за правду.

Мифы часто создавались под скрытым и явным давлением правящих слоев. Элита и бюрократия при любых обстоятельствах заинтересованы в раздувании своих заслуг, в приукрашивании действительности. Ведь для народа это в полной мере будет оправдывать их вышестоящее положение, включая все почести и привилегии, которыми она награждает себя от имени простого народа. В создании из государственной идеологии общенациональной главным помощником бюрократии выступает интеллигенция.

Мы уже писали о таких мифах, как трезвость и пьянство; высокой духовности народа; о его лени и трудолюбии; об обреченности страны быть великой державой, независимой от других стран; богатстве и бедности страны; мифах в военной истории [1].

Остановимся на широко распространенных явлениях о природной доброте, «широте души» русского человека, проявлении любви к друзьям, родственникам. Такие отношения действительно есть, но часты и проявления жестокости, насилия, агрессии, доносительства.

Оригинальные идеи о жестокости русского человека развивал С.А. Аскольдов [2]. Он считал, что русская душа, как и всякая другая, состоит из трех частей: святое начало, специфически человеческое и звериное. Для русской души характерно что-то среднее. Специфически человеческое начало является в ней гораздо слабее по сравнению с национальной психологией других народов.

Наиболее сильно в русском человеке развиты начала святое и звериное. Аскольдов отмечал, что русский народ оставался по существу чужд гуманизму, зародившемуся и пребывавшему лишь в среде русской интеллигенции; сам народ подвержен резким колебаниям между святостью и звероподобием. Об этом хорошо известно из классических произведений отечественной литературы. Это чеховские повести «Барыня», «В овраге», «Мужики» и «Деревня» И. Бунина. Писатели дают реальную картину «деревенского ада», выступают против славянофильских мифов о христианской сущности русского народа, его особой избранности.

За прошедшее время в национальном характере русского человека многое изменилось. Значительно уменьшилась роль святого начала в связи с массовым отходом от религии, активностью атеистической пропаганды. Октябрьская революция, гражданская война, ожесточенная классовая борьба, уничтожение враждебных классовых элементов способствовали общему ожесточению, развитию агрессивности.

А. Приставкин, бывший председатель комиссии по помилованию при Президенте России, полагал, что большевики выгащили это жестокое нутро и поставили его на поток, что иностранцев поражает больше всего в приезжих из России именно жестокость. В интервью газете «Аргументы и факты» он заявил, что наш мир, вопреки легенде, что русские – слишком добрая нация, фантастически жесток.

Действительно, еще В.И. Ленин писал, что без жестокости нельзя победить в революционной борьбе, он призывал к массовому террору, расстрелу священников, репрессиям. Затем генеральный секретарь ВКП(б) И.В. Сталин развязал массовый террор в стране в мирное время, что привело к гибели сотен тысяч людей.

Массовый террор не только способствовал произволу и насилию, но и вел к нравственному разложению во всех слоях общества.

По числу убийств на 100 тысяч жителей Россия занимает одно из первых мест в мире.

«В большинстве европейских стран совершается 1–3 убийства на 100 тысяч жителей, в США вдвое больше – 5, 6. Жители нашей страны истребляют друг друга намного активнее – 19,9 убийства» [3, с. 641]. Н.Н. Ключев отмечает, что по числу заключенных, содержащихся в тюрьмах, на 100 тыс. человек Россию опережают лишь Руанда и США.

Согласно официальным данным, в нашей стране совершается около 3-х миллионов преступлений. Но М. Абрамов считает эти цифры заниженными и полагает, что «в 2009 г. в России было совершено не три с небольшим миллиона преступлений, как следует из статистики, а почти 26 миллионов» [4, с. 58].

Специалисты по криминологии пришли к выводу о высокой латентной преступности. Они отмечают, что исследование реального уровня криминализации населения показывает, что сегодня в России криминализовано в общей сложности порядка 14 % населения, при этом 2 % граждан характеризуются высоким уровнем криминализации [5, с. 63].

Социологические исследования показали, что с 1981 г. «произошло нарастание всех без исключения негативных параметров и снижение подавляющего большинства позитивных. Среди негативных характеристик наиболее выражен рост таких, как: агрессивность, алчность, аномия, беспринципность, бесцеремонность, враждебность, грубость, вседозволенность, жестокость, злоба, конфликтность, ксенофобия, ложь, мафиозность, меркантильность, ненависть, подлость, сквернословие, тревожность, фамильярность, эгоизм... Наиболее выраженными отрицательными характеристиками современного российского общества являются алчность, эгоизм и меркантилизм». Одним из главных условий инновационного развития России можно назвать радикальное изменение психологического состояния нашего общества. [6, с. 931–931].

Эти негативные характеристики проявляются в семейных отношениях. По официальным данным, каждая 4 семья страдает от домашнего насилия, а по анонимным опросам – каждая 2. Эти опросы показывают, что в среднем в России 19 % женщин регулярно подвергаются домашнему насилию, около 40 % – периодически, около 60 % хотя бы раз терпели побои. При этом ухудшается и положение детей.

А.Ю. Юрьевич отмечает, что у нас ежегодно от жестокости родителей страдают 2 млн детей, 2 тыс. из них становятся жертвами убийств или получают тяжкие телесные повреждения, а 50 тыс. убегают из дома. Каждый год пропадают 25 тыс. несовершеннолетних, 5 тыс. женщин гибнут от побоев, нанесенных мужчинами [7, с. 4].

В итоге, можно сказать, что доброта, доброжелательность, дружелюбие, которыми славились русские люди в прошлом, постепенно трансформируются в неприязнь и агрессивность; общий моральный климат в обществе снижается, моральная деградация общества считается угрозой, сопоставимой со снижением уровня жизни, разрушением традиционных ценностей.

В заключение отметим, что выявление основных тенденций развития общества, анализ реальных проблем страны, отказ от стереотипов и мифов являются необходимыми формами развития общественного сознания, способствуя дальнейшему прогрессу общества.

Библиографический список

1. Назаров И.В. Мифы современной России // Цивилизационные перемены в России. 2011. Екатеринбург. С. 89–101.
2. Аскольдов С.А. Религиозный смысл русской революции // Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991. С. 210–249.
3. Клюев Н.Н. Россия на мировой карте социального благополучия // Вестник РАН. 2009. № 7. С. 637–642.
4. Абрамов М.О. Некоторые направления модернизации // Свободная мысль. 2011. № 2. С. 57–70.
5. Иншаков С.М., Корсантия А.А., Максименко И.В. Теоритические основы исследования и анализа латентной преступности. М., 2011. 839 с.
6. Юрьевич А.В., Ушаков Д.В. Экспертная оценка динамики психологического состояния российского общества 1981–2011 гг. // Вестник РАН. 2012. № 10. С. 930–937.
7. Юрьевич А.В. Ассоциальная социализация как основа нравственной деградации общества // Вестник РАН. 2011. № 1. С. 3–10.

ГРНТИ 02.41.51

УДК 159.922

С.В. Коваленко
МГОУ, Москва

МИФОЛОГИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ КАК СИСТЕМА ОБЪЕКТИВНЫХ И СУБЪЕКТИВНЫХ ФАКТОРОВ ИСТОРИЧЕСКОЙ САМООРГАНИЗАЦИИ РУССКОГО НАРОДА

Статья посвящена исследованию объективных и субъективных факторов формирования ментальных символов мифологического сознания. Рассматриваются вопросы роли мифологического мировосприятия в процессах самоорганизации конкурирующих этносов к специфике конкретных природно-климатических и

геополитических условий жизнедеятельности. В статье приводятся объективные причины формирования образа «своих» и «чужих» в этнической историко-культурной конкуренции за свое жизненное пространство.

Ключевые слова: мифологическое сознание самоорганизация, антропология, архетипы коллективно-бессознательного, тотемные символы, конкуренция, жизненное пространство.

Совершающийся перелом цивилизационного развития современной России сопровождается сменой парадигмы мышления. Отказ от традиционной системы ценностей и попытка радикального перехода к либеральным рыночным отношениям порождает настроения кризиса в общественном сознании. Возникает угроза утраты национальной идентичности, преемственности духовно-нравственных ориентиров личности прошлого и настоящего. Очевидно, что сохранение духовных традиций национальной идентичности определяется системой сказок, через действие которых проявляется и действует мифологическое сознание. В его рамках происходит процесс историко-культурной самоорганизации этнических сообществ и формирование образа «своих» в противостоянии с «чужими».

Традиционно исследование фольклора занимались филологи, точка зрения которых заключалась в утверждении, что мифы, сказки и легенды придумал либо жрец, либо сказочник-гуслияр [1]. Естественно, возникает вопрос, насколько сказители были свободны в своем самовыражении, было ли их творчество проявлением народной словесности? Необходимость ответить на этот вопрос требует выявления оценки сущности и содержания мифологического мировоззрения. Философско-методологической основой понимания сущности мифологического сознания являются идеи В.И. Вернадского, рассматривавшего историческое развитие человечества как способность человека преобразовать биогеохимическую энергию живого вещества в энергию человеческой культуры, которая создает в настоящее время ноосферу [2, с. 95].

Конкретизация идеи В.И. Вернадского может быть осуществлена с помощью концепции «третьего мира» К. Поппера. В рамках этой концепции первый мир представляет собой реальность, существующую объективно. Второй мир отражает состояние индивидуального сознания и его активность. Третий мир – это мир духовного: научных идей, поэтических мыслей, этических ценностей [3, с. 439–440].

Согласно концепции К. Поппера, мир духовного или мифологического сознания представляет собой устойчивую систему принципов, ценностей и установок на деятельность отражающих реальность бытия этноса. Необходимость мифологического сознания обусловлена

тем, что в его рамках личность ведет поиск цели и смысла жизни во взаимодействии со своими соотечественниками. Поэтому духовная жизнь индивида представляет собой сложную систему полевого взаимодействия природных факторов, подсознания и сознания, действия микро и макросоциальной среды обитания. Мифологическое сознание представляет собой универсальность действия законов сохранения энергии, взаимодействия духа и вещества в созидательной консолидации социума, направленной на созидание общественно-значимых ценностей.

Осуществление анализа мифологического сознания как системы взаимодействия духа и вещества дает возможность исследователям выявить объективные предпосылки историко-культурной самоорганизации этнических сообществ. Создаются предпосылки для перехода от установки на признание единственным источником истинного исторического знания данных археологических находок и письменных свидетельств к исследованию мифов и сказок конкурирующих этносов (как историко-культурных свидетельств самоорганизации этнических сообществ).

Дошедшие до нас через тысячелетия мифы и сказки сохранили опыт выживания и развития этноса в конкретных природно-климатических и геополитических условиях. Объективной основой сохранения такого опыта является необходимость рационального использования энергетики взаимодействия духа и вещества в конкретных природно-климатических и геополитических условиях, которая обеспечивает целостность, стабильность и развитие общности, в том числе, государства.

Мифы и сказки создают синергетический эффект феномена этнической самоорганизации в естественной конкуренции за энергетические ресурсы жизнедеятельности. В этом контексте необходимо подчеркнуть мнение М.Л. Гумилева, считавшего, что мифологическое сознание этноса представляет собой естественно сложившийся оригинальный стереотип поведения коллектива людей. Этнос «существует как энергетическая система (структура), противопоставляющая себя всем другим таким же коллективам, исходя из ощущения комплиментарности» [4]. Энергетическая природа мифологического сознания создает полевой эффект, стимулирующий субъектов этноса к активной деятельности. К. Левин, описывая феномен поля как пространственно-временной континуум, отметил, что его движущей силой является противоречие в виде феноменов валентности – своего рода энергетических зарядов, вызывающих у человека энергетическое напряжение, требующее разрядки. [5]. В контексте полевого подхода

феномен мифологического сознания можно рассматривать, как важнейший инструмент воспитания и обучения, формирования эмоций и чувств национальной идентичности.

Процесс историко-культурной самоорганизации этнических сообществ предполагает накопление тысячелетнего опыта жизнедеятельности в конкретных природно-климатических и геополитических условиях. Этот опыт действует как архетипы особого рода, надличностные (видовые, групповые) способы восприятия и реагирования на происходящие вокруг человека события повседневности. Они определяют согласованность поведения людей, относящихся к некоторому «коллективу» филогенетического толка (например, к одному этносу)» [6, с. 36].

Согласно К. Юнгу и его современным последователям, *коллективно-бессознательное* – это изначальные, врожденные психические структуры, первичные схемы образов. Их действие априорно формирует систему ощущений и активность воображения, которые проявляют себя в фантазиях, мифах, верованиях, сновидениях, художественных произведениях и т. д. Архетипы коллективного бессознательно могут быть описаны, как «трансформированные в образы психические процессы или как первичные модели человеческого поведения». [7, с. 429]. Их роль и значение заключаются в создании коллективного бессознательного, влияющего на социальное поведение больших масс людей через полевой феномен мифологического сознания.

Исходя из теории В.И. Вернадского, следует признать, что каждый этнос формируется под влиянием специфики энергетики конкретных природно-климатических условий жизнедеятельности, которые формируют генетический код и антропологические бессознательные программы преобразования биогеохимической энергии в энергию человеческой культуры. Роль мифологического сознания определяется возможностью преобразовать антропологический потенциал индивидуальных и групповых бессознательных программ жизнедеятельности в процессе созидания общественно-значимых ценностей [8]. Индивидуальная программа включает в себя инстинкты: сохранения жизни и её обеспечения; копирование моделей поведения старших; самореализации потенциала своих задатков и способностей через самоутверждение своего «я».

Педагогическая роль мифологического сознания реализуется через сказки, как своего рода руководство ребёнка к действию (на разных возрастных этапах жизнедеятельности). Групповая антропологическая программа действует как система генетических установок: продолжения рода, родительского альтруизма и способности к общению

посредством речевой деятельности. Коллективное прослушивание сказок и мифов через системы импринтинга формирует общность мифологического мировосприятия и чувства этнической, а затем и национальной идентичности. Её основой является система ментальных предпосылок возникновения и развития такого уровня общения, которые сплачивают «своих» и создают отталкивающий образ «чужих». Свои – это кровные родственники, «чужие» – это инородцы. Мифы и предания становятся социальным механизмом возникновения такой социальной организации кровных родственников, как род [9, с. 83].

Десятки слов с корнем «род» донесли до нас представления пращуров о значении рода как того, что объединяет «своих» со своей матерью-землей. От слова «род» образовались слова: родители, родственники, родичи, родинка, родной. Слово родина означает место рождения рода, закрепленный за родом участок, где производили и хранили жизненные припасы, он был назван словом «зарод», а всё окружающее, обеспечивающее существование рода, названо «природа».

Исследование мифологического сознания пращуров возможно через анализ народных сказок, представляющих собой многоплановое повествование о жизни, о добре и зле, о смыслах, истинных ценностях, жизненных предназначениях человека [10, с. 103].

Изначальным героем мифологического сознания русского народа был, есть и остается медведь. Сказка «Жадная старуха» свидетельствует, что наши пращуры почитали хозяина языческого леса, медведя, как бога. Его сила и мудрость, по мнению наших пращуров, отразилась в имени хозяина леса – медведя, как «мед ведающего». Культурная традиция производства изделий из меда, а значит, почитания медведя как своего символа была неотъемлемым признаком древних руссов. По свидетельству арабских путешественников, среди восточных славян есть люди, которые имеют у себя 100 больших кувшинов медового напитка [11]. Естественно, что это богатство необходимо было защищать от вторжений древних греков и германо-скандинавских племен. В мифологическом сознании пращуров бытовало множество преданий о связи женщины с медведем, от которой рождаются герои обширного цикла русских сказок типа Ивана Медвежье Ушко (Медведко).

Глобальное изменение климата стало толчком движения степных племен на территорию Европы, где доминировали племена, почитавшие медведя. Племена кочевников не просто почитали волка, но стремились подражать повадкам этого хищника, для которого охота на стадных копытных была единственным средством выживания.

Римская легенда рассказывает о capitoлийской волчице, вскормившей Ромула и Рема; древнеиранская – о волчице, вскормившей Кира и т. д. У степных тюркских народов волк воспринимался как родовой тотем, отсюда знамена и штандарты с волчьей головой. Герой-родоначальник, вождь племени или дружины мог называться волком или имеющим «голову (тело) волка». В мифах и сказках бывших кочевников тотемные символы древних греков, англосаксов и германских племен – лев и волк – объединялись в борьбе против племен, почитавших медведя. Саги тевтонов, саксов, готов, вандалов утверждали простую заповедь эпохи завоевательных походов. «Конунг должен воевать, а не пахать землю» [12, с. 37].

В отличие от мифологического сознания бывших кочевников мировосприятие племен с тотемом медведя акцентировало внимание на возможности людей использовать растительные ресурсы леса в своём питании. Эта особенность русского человека стала основой появления сказок и былин, почитавших труд земледельца и защитника леса от вторжений. В мифологическом сознании русского народа нет культа завоевательных походов в целях грабежа. Эта специфика мифологического сознания русского человека проявилась в его самоопределении в форме прилагательного – русский, в отличие от самоопределения французов, немцев, испанцев через существительное. Ментальность племен, почитавших медведя, была направлена на создание союзов, готовность включать в свой состав всех тех, кто признавал значение труда земледельца и защиты своей земли-матери.

О создании подобных союзов свидетельствует сказка «Иван царевич и серый волк». Сказка рассказывает о том, как волк съел коня Ивана царевича, но сила русского медведя заставила раскаяться волка и предложить себя вместо коня. Волк обратился к Ивану царевичу со словами: «Ой ты гой еси, добрый молодец!» Слово «гой» было древнейшим обозначением связей «своих», между которыми действовали неоспариваемые принципы сотрудничества и взаимной поддержки. Для наших пращуров данная фраза буквально означала: «Ты есть наш, наших кровей» [13, с. 228]. Понятие «гой» дошло до нас в слове «изгой» – отвергнутый член общины, ставший чужим.

Некоторые кочевые племена, присоединившиеся к славянскому союзу, сохраняли свою веру в волка, почитая его как божество и предка. Для них придумали иносказательное именование, они стали называться лютичами. Сказка свидетельствует о способности племен с тотемом медведя создавать союзы из представителей разных родов, ощущавших себя русскими.

Архетипы мифологического сознания русского народа, действуя на уровне коллективно-бессознательного масс, отрицают захватнические войны. Эта особенность мировосприятия русских садоводов и земледельцев проявила себя в былинах «Святогор и тяга земная», «Вольга и Микула». В них богатырь – великан Святогор – уступает место защитника народа героям земледельцам (это украинский Котыгорох, русские Микула Селянинович и Илья Муромец).

Противоречие интересов аристократии и крестьянства показано в былине «Вольга и Микула». Князь, воин, приглашает простолюдина принять участие в военном походе. Только выяснив цели дружины Вольги и признав, что «живут мужики там разбойники», пахарь Микула соглашается принять участие в военной акции [14, с. 98]. Историческая память и система ценностей русского народа очень четко свидетельствует об отказе от культа завоевательных войн.

С X в. германские феодалы последовательно проводили политику крестовых походов на Восток с целью расширения жизненного пространства путем уничтожения славянства. Мифологическим символом сопротивления захватчикам стали старые тотемы славян: медведь, сокол и кошка.

Это сопротивление вынудило немецких феодалов сохранять боевые символы славян в виде гербов городов и в своих титулах. Наряду с Берлином, широко известным своим гербом в виде медведя, к востоку от этого города до сих пор существует не менее 12 городков, имеющих своей эмблемой медведя, его голову или лапы. Характерно, что медведь в германской геральдике изображается с открытой пастью, где четко видны зубы и язык. Такая символика говорит о силе сопротивления тех племен и народов, тотемом которых был медведь.

В соседних чешских и моравских землях, прилегающих к германским территориям с юго-востока, также есть несколько городов, эмблемой которых остался медведь. Находящиеся восточнее реки Одер земли, вплоть до Новгородских земель, были населены в древности кувявами, мазовшанами, поляками, литовцами, пруссами, латышами. Эти народы, в отличие от русских, в качестве своих племенных тотемов почитали коней, вепров, бобров, но не медведей. В данном регионе ни один современный населенный пункт не имеет изображения медведя на своих эмблемах. Однако, начиная с земель славянокривичей, эмблема медведя появляется вновь и уже непрерывно идет цепочкой вплоть до Зауралья. Гербы Новгорода, Ярославля и других русских городов включают в себя образ медведя.

В контексте альтернативности мифологического сознания русского народа и германских племен сообщение летописи «Повесть

временных лет», написанной в XII веке, о призвании на княжение братьев-варягов Синеуса, Рюрика и Трувора следует трактовать однозначно. На восток уходили западные славяне, они шли к своим единоверцам, почитавшим медведя. Западные и отечественные либеральные историки стараются доказать, что призванные князья были норманнами, которые стали создателями государства восточных славян. Сторонники этой точки зрения не могут аргументировать свои позиции ссылкой на шведские, датские, германские легенды, предания и летописные свидетельства, пытаясь игнорировать альтернативность систем мифологического мировосприятия.

Исторический опыт самоорганизации русского народа свидетельствует о значении ценностей и традиций мифологического сознания, отраженного в сюжетах сказок и преданий. Любые попытки правящей элиты игнорировать традиции ценности мифологического сознания рано или поздно заканчиваются выдвижением новой силы. Её роль будет заключаться в способности использовать коллективно-бессознательные ценности мифологического сознания, стабилизировать социально-психологические отношения в новой России на основе принципов социальной справедливости и чувств национальной идентичности.

Библиографический список

1. Афанасьев А.Н. Мифология Древней Руси. М.: Эксмо, 2005. 608 с.
2. Вернадский В.И. Размышления натуралиста // Научная мысль как планетное явление. Кн. 2. М.: Наука, 1977. 191 с.
3. Поппер К. Логика и рост научного знания. Избранные работы / пер. с англ. – М.: Прогресс, 1983. – 605 с.
4. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: ДИ-ДИК, 1997. 640 с.
5. Левин К. Разрешение социальных конфликтов / пер. с англ. СПб: Речь, 2000. 408 с.
6. Ольшанский Д.В. Политико-психологический словарь. М: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2002. 576 с.
7. Якоби И. Психологическое учение К.Г. Юнга // Юнг К.Г. Дух и жизнь. М., Практика 1996. 470 с.
8. Коваленко С.В. Антропологические основы ноосферогенеза М.: Флинта, Наука, 2005. 288 с.
9. Белков П.Л. Социальная стратификация и средства управления в доклассовом и предклассовом обществе // Ранние формы социальной стратификации: генезис, историческая динамика, потестарно-политические функции: памяти Л.Е. Куббеля. М.: Наука, 1993. С. 136–158.

10. Одинцова М.А. Сказкотерапия как одно из направлений психологической помощи молодежи с ограниченными возможностями здоровья // Инновационные технологии обеспечения социально-психологической адаптации и готовности к труду детей и молодежи с ограниченными возможностями здоровья. Ч. II. М., МГОУ 2014. С. 103–109.

11. Гудзь-Марков А.В. Домонгольская Русь в летописных сводах V–XIII вв. М.: Вече, 2005. 480 с.

12. Мельникова Е.А. Славяне и скандинавы. М.: Прогресс, 1986. 416 с.

13. Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 311 с.

14. Былины / сост., автор предисл. и введ. текста В.И. Калугин. М.: Современник, 1986. 559 с.

ГРНТИ 13.11.22

УДК 008.316.6

Е.Л. Яковлева
КИУ им. В.Г. Тимирясова, Казань

СОВРЕМЕННЫЕ МИФОЛОГИЗАЦИИ ГЛАМУРНОЙ ИДЕОЛОГИИ

Объектом исследования становится миф в контексте современной идеологии гламура. Обладая гибкими свойствами, миф подстраивается под современные гламурные тенденции, наделяя их чертами чудесности. Посредством мифа в массовое сознание внедряются идеи гламура, связанные с вечной красотой, молодостью и богатством, но они оказываются деформированными. Вследствие невозможности изгнания мифа из социокультурного пространства над ним необходимо рефлексировать.

Ключевые слова: миф, гламур, идеология, мифологизация, манипуляция, идеальное, образ.

Как известно, «каждая культурно-историческая эпоха порождает определенный набор жизненных доминант», воспринимаемых «как норма, образ жизни и господствующее мировоззрение» [1, с. 5]. Сегодня довольно мощным орудием управления миром можно назвать гламур и его ценностные доминанты в виде красоты, молодости и богатства. Подчеркнем, ключевые идеи и образы гламура, внедряясь в массовое сознание, активно мифологизируются. Данная мифологизация неслучайна. Миф представляет собой «вечную символическую форму»: его проявления обнаруживаются в каждой культурно-исторической эпохе. Более того, миф оказывается довольно удобной

конструкцией для идеологических систем и их внедрения в массовое сознание. Именно миф позволяет объединить разнородное, минуя диалектические законы и доводы рассудка, потому что логика мифа подчинена иной модальности: она в большей степени чудесная и эмоциональная. Закон действия чудесного настолько завораживает личность, что она незаметно для себя отчуждается от реальности, погружаясь в сферу фантазийно-магического. В пространстве мифического вуалируются негативные стороны жизни, в том числе экзистенциальные страхи индивида, и внедряется *идея возможного*, что способствует возвышению личности.

Современная ситуация в социальном не является исключением: в ней можно обнаружить мифологизацию различных аспектов и сторон жизни как общественных, так и индивидуальных. При этом объектом мифизации становится гламур и его идеология.

Миф сакрализирует пространство гламура и его идеологии, дополнительно наделяя сверхъестественными чертами, магическими свойствами и обожествленными личностями, требующими поклонения. Мифологические нарративы гламура усиливают эффект манипуляции его идеологическими конструкциями. Вспомним слова Б. Малиновского, заключившего следующее: «Миф – это неотъемлемая часть структуры всякой религии, а если более конкретно, то он представляет собой матрицу и ритуала, и веры, и морального поведения, и социальной организации» [2, с. 281].

В нашем контексте роль религии выполняет гламурная идеология. Б. Малиновский выделил особую «незаменимую функцию» мифа: «Он выражает, укрепляет и кодифицирует веру; он оправдывает... моральные принципы; он подтверждает действенность обряда и содержит практические правила, направляющие человека» [2, с. 99]. В дальнейшем М. Элиаде, развив данную идею в «Аспектах мифа», выделил еще некоторые черты мифа как феномена, усиливающие влияние идеологического конструкта. Так, у него мифологическое повествование как нечто абсолютно-реальное и истинно-сакральное является историей подвигов сверхъестественных сил, транслирующих знание и помогающее всем, приобщившимся к нему, реактуализировать события священной истории [3, с. 28–29]. При этом, как мы считаем, идеологичность мифа обнаруживается не только в архаических обществах, но и в современных. Неслучайно, говоря о гламурной идеологии, мы видим в ней проявление *мифорелигиозных черт*, связанных с восприятием ее постулатов и тенденций.

Ставка на мифическую религиозность в контексте идеологии неслучайна. Как справедливо заметил Б. Рассел, «наиболее влиятельным

фактором, определяющим действия людей на протяжении длительных периодов мировой истории, была религия» [4, с. 71–72]. Подобная точка зрения не единична. У. Матц, профессор Кельнского университета, изучая идеологию, выделял в ней религиозно-мотивированный аспект, трансформирующийся в секулярную систему ориентаций («эрзац-религию») [5]. Ценности идеологии вырастают не в самом обществе, считал кельнский ученый, а являют собой некую трансцендентность, навязываемую в социальном [5].

Вспоминая трактовку идеологии Р. Бартом, обратим внимание на одно ее свойство. По мнению философа, идеология есть *метаязыковой миф*, в котором объектам приписываются не прямые значения, помогающие людям в социализации. Исходя из данного утверждения и рассуждая о мифологичности идеологии гламура, мы приходим к антиномичной ситуации. Людям присуща тяга ко всему магическому и чудесному, существующая изначально. Индивид мифологизирует в той или иной степени окружающую, в том числе социальную, действительность, конструируя тот мир, который оптимальным образом соответствует его субъективным представлениям. В результате этого человек, творчески играя, выстраивает «миф своей жизни», превращая, по словам А.Ф. Лосева, свое бытие в миф. Процесс мифологизации, связанный с идеологией гламура, с одной стороны, рождает удобное для личности пространство со своим микроклиматом и темпоритмами, с другой стороны, отдаляет индивида от действительности, способствуя появлению отчуждения. Рождаемые посредством мифизаций гламурные пространства создают иллюзию ощущения безопасности и комфорта, но в реальности они оказываются симулятивными и преходящими, быстро меняющимися в текучей современности. Примиряясь посредством мифологизации с социальным миром, у человека рождается иллюзия, что он преодолел собственную кризисность/бездуховность/одиночество/скуку, стал самодостаточным и перестал ощущать бессмысленность своего существования. Но данное ощущение мгновенно исчезает в связи с появлением новой гламурной тенденции, которая еще не стала собственностью личности, являя свой образ в виде *мечты потребителя*.

Идеологические системы, в том числе гламура, в большей или меньшей степени оказываются далекими от феноменологической реальности: в них выстраиваются фантазийные миры, выдаваемые за существующие и принимаемые в качестве идеального жизнеустройства, что приводит к утверждению о связи идеального и идеологии. Так, Ф. Энгельс акцентировал внимание на том, что в идеологии представления о действительности берутся не столько из нее, сколько

из представлений о ней, имеющих образцово-безупречный характер. Данное положение указывает на идеальность идеологических конструкций. Подчеркнем, идеальное имеет место не за пределами, а внутри материального мира, что создает предпосылки желая ее реализации. Идеальная структура, возникнув и распространяясь в социокультурном пространстве, начинает увлекать своей эталонностью все большее число людей: они начинают не только интерпретировать мир с точки зрения идеала, но и привносить элементы идеального в жизнь. Идеология, подчиняя своим доктринам массовое сознание, разворачивает свою активную деятельность в социальном, определяя его функционирование и развитие.

Интенсивное распространение идеологии гламура посредством культуры, науки, политики и искусства создает предпосылки появления соответствующей ей социальной психологии. Безусловно, идеология представляет собой *явление духовного порядка*, которое можно оценивать с точки зрения истинности/ложности, научности/ненаучности, прогрессивности/регрессивности и пр. Проникая во все элементы социопространства, идеология со своими мифизированными чертами становится тотальной.

Огромную роль в распространении идеологии гламура играют СМИ, мгновенно пускающие в тираж любую информацию. Посредством мифа массовой аудитории преподносятся удивительно-завораживающие истории гламурных персон, которые были «срежиссированы и задокументированы пресс-службами», выдаваясь в новостных выпусках/передачах/репортажах/шоу «маленькими порциями» [6, с. 149]. Подобные материалы становятся «частью новой реальности второго порядка, которая накладывалась на обычную жизнь и воспринималась исключительно через прессу» [6, с. 151], а если брать шире – через СМИ и Интернет.

Техника и технические возможности сегодня умирят любые противоположные энергии, усиливая эффект воздействия мифическим чудесным. Идеология гламура дарит надежду, обещая каждому избавиться от бедности, уродства и старости. В этом обнаруживается ее *отупляющее очарование*, на которое ведутся уставшие от перманентных кризисов люди. Если рассмотреть суть ключевых постулатов гламура, то идея вечной молодости относится к разряду абсолютно утопичных и даже абсурдных, а идеи вечной красоты и богатства можно отнести к относительно утопичным. Но, как правило, об этом задумываются единицы. Сами гламурные образы и персоны обожествляются. Не в последнюю очередь данное осуществляется посредством мифологизированных текстов, которые основаны на чудесных превращениях и неожиданных возвышениях личности.

Идеология гламура являет «поэтичность политики и политичность поэтики», «где поэтическое и политическое включены в пространство мифической мысли» [7, с. 109]. Возможно, именно это обстоятельство наиболее ярко демонстрирует волю к власти, вуалируемую гламурным, мифическим. При этом даже «мифическая воля к власти являлась тоталитарной» [7, с. 109]. Дело в том, что в гламурной идеологии, опирающейся на мифы о красоте, молодости и богатстве, заложена кантовская модель «регулирующей идеи», задающей предпосылки для мыслей и действий в социальном. Как замечает Ж.-Л. Нанси, «мифическая воля тоталитарна в своем содержании, ибо ее содержанием всегда является общность во всех ее видах: общность природы и человека, человека и Бога, тождество человека с самим собой, общность людей друг с другом» [7, с. 110]. Данное положение позволяет сделать вывод о необходимости существования мифа в любом сообществе и в пространстве личного бытия, а значит – и в любой идеологической доктрине.

Мифологизация красоты, молодости, богатства как основа счастья и благополучия рождает иллюзорный мир, с одной стороны, оторванный от феноменологической действительности, а с другой стороны, претендующий и даже пытающийся заменить ее. Подобный раскол, заложенный в гламуре, негативно сказывается на личной экзистенции: индивид перестает различать реальное и иллюзорное/естественное и искусственное, погружаясь в особую виртуальную среду – *гламурное пространство*.

Наш акцент на виртуальности принципиален. Дело в том, что виртуальная реальность, имитирующая действительность, создается техническими средствами, воздействуя в реальном времени на ощущения личности (зрение, осязание, слух, обоняние). В социуме виртуальные тактики гламура сегодня широко распространены. Технически сотворенными оказываются не только образы и их пространства, но и дальнейшие личные практики, связанные с переделыванием всего окружающего и собственного «я», в том числе, лица и тела. Перечисленное сначала осуществляется виртуально – благодаря различным компьютерным 3D-программам, например, по моделированию человека/домов/интерьеров/одежды/вещей.

Виртуальные практики обладают мощной силой, на которую указывал С. Жижек. Она связана с ускользанием/бегством от бытия посредством представления «социальной действительности как укрытия от некой травматической реальной сущности» [8, с. 52].

Виртуальность гламурного пространства способствует появлению особого состояния личности – *лиминальности*. Ее *переходность*

всегда непредсказуема и зависит от следующей гламурно-модной тенденции. Дело в том, что гламур можно отнести к числу эфемерных феноменов. Его развитие характеризует спонтанность и стохастичность, что говорит в пользу ризоматичности. Бесконечные метаморфозы личности, подчиняющейся идеологии гламура, неоднозначны.

С одной стороны, индивид становится подвижным/ текучим/ мобильным, следуя тенденциям и запросам времени, то есть *современным*. С другой стороны, постоянные изменения, перечеркивающие стабильность и не признающие оседлости/ корней/ прошлого, размывают личные основания/идентичность, человек теряет самого себя, свое «самое само» (А.Ф. Лосев), становясь *современным*.

В заключении обратим внимание на следующие важные моменты. Отношение в обществе к идеологии неоднозначно: ей приписывают как позитивные, так и негативные качества. С одной стороны, она выступает в качестве основы социального бытия, обеспечивая его единство и целостность. С другой стороны, мифизация и деформация действительности, вуалирование противоречий и недостатков, в том числе, связанных с правящими элитами и их целями, негативны, что впоследствии сказывается на бытии общества и метафизике отдельной личности. Можно говорить о многогранной силе идеологии, которая подчиняя себе бытие (онтологический аспект), начинает устранять реальность, насаждая иллюзии (гносеологический аспект), выдавая их за социальные ценности (аксиологический аспект). Идеология и ее мифологизированные черты формируют индивидуальное сознание, в которое проникают деформации идеального и иллюзии о реальном. Многие гламурные идеи, связанные с красотой, молодостью и богатством, оказываются большей частью мифизированными, фантазийными, отчуждая личность от реальности.

В качестве рекомендаций назовем следующие. Безусловно, избавиться от мифического невозможно: оно укоренено в человеческой природе. Но при этом можно взять на вооружение рациональность, юмор, умение смотреть и оценивать себя со стороны, что позволит удержаться в реальности и адекватно воспринимать происходящее.

Библиографический список

1. Ивашевская Г.Н. Энигма и адиафора. Цветок нарцисса также нежен // Ж. Липовецки. Эра пустоты: эссе о современном индивидуализме / пер. с франц. В.В. Кузнецова. СПб: Владимир Даль, 2001. 332 с.
2. Малиновский Б. Магия, наука и религия. М.: Рефл-бук, 1998. 304 с.

3. Элиаде М. Аспекты мифа. М.: Инвест-ППП, 1996. 240 с.
4. Рассел Б. Практика и теория большевизма. М.: Наука, 1991. 131 с.
5. Матц У. Идеология как детерминанта политики в эпоху модерна // Полис. 1992. № 1, 2. URL: http://www.polisportal.ru/files/File/puvlication/Starie_publicacii_Polisa/M/1992-1-12-Matz-Ideologii_kak_determinanta_politiki.pdf (дата обращения: 17.06.2018).
6. Гандл С. Гламур. М.: НЛО, 2011. 384 с.
7. Нанси Ж.-Л. Непроизводимое сообщество. М.: Водолей, 2011. 208 с.
8. Жижек С. Возвышенный Объект Идеологии. М.: Художественный журнал, 1999. 234 с.

ТЕНДЕНЦИИ В МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

ГРНТИ 02.31.21
УДК 001.3+378.1

Н.П. Суханова
НИНХ, Новосибирск

СТАНОВЛЕНИЕ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ В ДОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

В статье рассматривается наука как социальный институт. Взаимоотношения между обществом и социальным институтом науки чрезвычайно важны, наука нуждается в положительной оценке общества и его поддержке. Анализируются материалы по истории русской науки XVIII–XIX вв. Акцентируется внимание на неразрывной связи отечественной науки с системой образования. Обнаруживается изменение культурного климата и системы ценностей в общественном сознании эпохи в отношении к науке и образованию.

Ключевые слова: наука, социальный институт, образование, ценности, общество, культура.

Современная наука возникла на определенном этапе исторического развития, зародившись в то время, когда не было еще науки как массового социального института. «В России современная наука, являющаяся особой рациональной интеллектуальной системой, европейской по происхождению, появилась отнюдь не в благоприятном интеллектуальном окружении. Однако рационализирующее воздействие науки на это окружение привело к его качественному изменению» [1, с. 136].

Знаменательным событием в истории науки и образования в России является появление в 1725 году Академии наук. В Петербург прибыло 16 членов Академии, среди них были такие известные ученые, как математики Христиан Гольдбах, Даниил и Николай Бернулли. Петр I долгое время колебался – быть ли Академии только собранием ученых, то есть исследовательским учреждением, или высшим учебным заведением.

В Западной Европе термин «Академия» употреблялся в обоих смыслах [2, с. 16].

В 1724 году Л.Л. Блюментрост представил Петру I проект Положения о будущей Академии наук, впитавшей идеи и предложения императора и других лиц из окружения царя. Проект об Академии наук, которая должна была совмещать функции научного учреждения, университета и гимназии, не копировал структуру западных научных учреждений, а был вполне оригинальным. Как отмечает Ю.Х. Копелевич, здесь впервые была сформулирована основная особенность Академии в сравнении с другими академиями Европы: соединение в ней академии и университета, т. е. выполнение одним составом ученых, на одной материальной базе двух функций – исследования и обучения [3].

Цель Академии, как представлял ее Петр, была просветительской: ученые напишут учебники, обучат русских студентов, которые затем сами будут учить следующих учеников. Петр просто «привез» науку в Россию, как он привозил и другие новшества, не задумываясь о последствиях [4].

Наука – это особый социальный институт, становление которого требует, во-первых, возникновения научного сообщества ученых, во-вторых, появления институтов, благодаря которым наука функционирует как социальный организм (университетов, лабораторий, библиотек, музеев и т. п.), в-третьих, она требует существования определенного «аксиологического пространства», в рамках которого занятие наукой оценивалось бы обществом положительно [5]. Ничего этого в России XVIII века не было. Просвещение, введенное по декрету императора, долго не входило в быт модернизируемой русской культуры. Для этого не было подходящего социального материала.

Казалось бы, государственный план предусматривал стройную систему подготовки и воспроизводства научных кадров. При Академии был учрежден университет, при университете – гимназия. Однако если в 1726 г., когда была открыта гимназия, в ней насчитывалось 112 учащихся (правда, преимущественно детей иностранцев, живущих в России), то через три года число их упало до 74, а в 1737 г. – до 19.

Академический университет был в еще более тяжком положении: в течение первых 6 лет училось 8 студентов, прибывших из Германии, в 1731 г. – ни одного. Не в лучшем положении был и Московский университет, созданный по проекту Шувалова и Ломоносова и открывшийся в 1755 г. В 1758 г. студентов (преимущественно детей дворян) было около 100. Но вскоре и здесь мода на образованность и надежды на получение хорошей должности по окончании курса пошли на убыль. Иногда приходилось по одному студенту на факультет, а всего факультетов было три [6, с. 276].

Потребности в высшем образовании еще не было в самом обществе: правительство нуждалось в нем, как прежде, лишь для целей государственной службы, а люди из «общества» привыкли смотреть на службу как на привилегию известного общественного слоя и отнюдь не хотели – в самый расцвет дворянских вольностей – связывать службу с дипломом.

С «привезенной» наукой тоже возникло немало проблем. С одной стороны, активно действующая Академия наук произвела удивительный «скачок» в развитии естествознания на русской почве: от элементарных математических знаний, распространяемых учебниками Магницкого и Фарварсона, сразу к исследованиям в области математического анализа, теории гравитации и т. п. Высокий авторитет Санкт-Петербургской Академии XVIII века в западном ученом мире не подлежит сомнению. Ничего удивительного, ибо персональные «вклады» Л. Эйлера, Хр. Гольдбаха, Д. Бернулли и других первоклассных исследователей входили теперь в фонд русской науки. Однако для занятий наукой ученым не были созданы подходящие условия. Часто научная информация объявлялась секретной. Так почти постоянно происходило с материалами географических экспедиций. Рабочие часы академиков должны быть строго учтены, а нарушители регламента – наказаны.

Образование и наука понимались исключительно утилитарно. В петровские времена и позже, до середины XIX века, это был утилитаризм обыденного сознания, после – осознанный рационализированный утилитаризм.

Науку старались подчинить практическим целям. П.П. Пекарский отмечает, что на ученых было возложено множество не научных задач. Академики приглашались на освидетельствование мертвых, они должны были сочинять похвальные стихи на торжественные даты, составлять астрологические календари и т. д. «Наука подчинялась подобным требованиям, потому что была лишена поддержки общества; интересы чисто ученые были чужды толпе, не понимавшей прямого назначения науки и часто гордой только своим невежеством» [7, с. 136].

Однако наука должна быть ориентирована прежде всего на познание объектов и процессов произвольной природы, представляющих интерес для отдельных групп или человечества в целом. Конечная цель – постижение объективной истины. Прагматический же успех возникает как следствие применения и использования научных истин. Общество видело главный «недостаток» Академии в том, что ее ученые занимаются преимущественно наукой для науки. «Только тогда Академия принесет пользу Отечеству, когда, прекратив издавать трактаты о различных научных мелочах, она станет знакомить Россию с новейшим состоянием наук, имея в виду потребности общества» [5, с. 63]. Но наука и просвещение – «вещи» разные. Ученым приходилось оправдывать свою деятельность, например, пользой.

Кроме того, следует отметить, что наука может существовать только в определенных социально-экономических условиях. К таким обычно относят основанную на свободном обмене капиталистическую экономику; децентрализацию власти, позволяющую науке завоевать автономное социальное пространство. Так, в 1903 г. Д.И. Менделеев писал: «В стране с неразвитою или первобытною правительственною машиною и промышленностью нет спроса для истинного образования, особенно высшего, и там, где господствует власть и формализм, самостоятельные специалисты с высшим образованием не находят деятельности в общественных и государственных сферах, а потому впадают в метафизические абстракты и уродливые утопии или просто в отчаяние и излишества, а в лучшем случае – в ненужную диалектику и декадентское празднословие. Истинно образованный человек, как я его понимаю в совершенном смысле, найдет себе место только тогда, когда в нем с его самостоятельными суждениями будут нуждаться или правительство, или промышленность, или, говоря вообще, образованное общество; иначе он лишний, и про него писано «Горе от ума» [8, с. 225–226].

«Так ли безоблачно и поступательно восхождение русской науки от Ломоносова до наших дней»? [9, с. 34]. В России до второй половины XIX века не было подобных факторов и условий, составляющих необходимую среду для формирования и воспроизведения института науки. Отдельные, часто блестящие элементы науки могли существовать как элемент «импорта», начатого петровской модернизацией, но и они постоянно растворялись и отторгались социальной, экономической и культурной средой [5, с. 52–55]. Внедрение науки в российскую культуру происходило медленно и болезненно, наталкиваясь на недоверие, непонимание, и даже враждебность со стороны духовных традиций, моральных устоев, всего уклада русской жизни. Ценностный

статус науки, ориентированной на рациональное исследование, проникающее в любые сферы природы и общественной жизни, противоречил и традиционным ценностям русской культуры допетровской эпохи, и сугубо прагматическим ориентациям самих реформаторов. В этом российская ситуация отличалась от западноевропейской, где наука со времени Фомы Аквинского, но главным образом благодаря идеям Реформации, имела религиозную и культурную «санкцию».

Противоречие между наличной культурой и внедряемой цивилизацией преломлялось в самой русской науке, тормозило ее развитие. Российская наука набрала темпы количественного и качественного роста только полтора столетия спустя – с началом новых общественных процессов, связанных с реформой 1861 года. Но в течение этого долгого периода влияние науки, несмотря на трудности роста и противоречия, все же сказывались на формировании новой культуры, новых духовных ориентиров в России. «Российская наука, – пишет В.Н. Порус, – постоянно испытывала на себе влияние «раскола» между укоренявшейся в России цивилизацией западного образца и культурными основаниями, на которых строила свою жизнь основная масса населения» [10, с. 494].

Одним из факторов становления науки как социального института является организация систематического образования подрастающего поколения. История науки тесно переплетается с историей школьного и университетского образования, имеющего своей непосредственной задачей обучение, «научение», передачу накопленных знаний, формирование слоя людей, способных к интеллектуальному труду и т. д. Для того чтобы наука функционировала нормально, необходим класс людей, имеющих достаточно высокое образование и желающих заниматься наукой, и обратная зависимость: если нет людей, для которых образование является самоценностью, то нет и науки. Отношение к науке и образованию менялось в течение XVIII–XIX вв. в русском обществе.

Просвещение долго не входило в быт русской культуры. Потребности в высшем образовании еще не было в самом обществе (количество обучающихся в университете было очень мало и постоянно уменьшалось). «Среда», общество не поддерживает, не принимает науку, научную деятельность, ученых, что существенно сказывается на положении науки. Даже в начале XIX века ситуация с образованием практически ничем не отличалась от положения вещей в прошлом столетии. С планом государственного переустройства выступил М.М. Сперанский. В записке «Об усовершенствовании общего народного воспитания», составленной им в 1808 г., высказывалась необходимость увеличения числа училищ, библиотек, учебных заведений, а также

стремление пробудить сознание некоторой моральной потребности образования. По его убеждению, корень зла заключался в том, что юноши не тяготели к образованию, поскольку все успехи гражданской службы измерялись чинами, с которыми были связаны все выгоды. Чины же давали большей частью по летам службы, поэтому дворянство как можно раньше записывало своих детей на службу, а это мешало основательному и требующему времени обучению [11, с. 58]. И Сперанский выдвинул главным требованием служебного продвижения высшее образование.

Указ Сперанского повышал авторитет университетского образования, поскольку образованность стала конкурировать с родовыми титулами. Новый порядок чинопроизводства ставил служебную карьеру дворянства в зависимость от условий, общих для лиц всех сословий, допускаемых в университеты. Идя навстречу дворянскому сословию, правительство учредило при отечественных университетах «благородные пансионы», которые вскоре превратились в самостоятельные учебные заведения. В итоге благородные пансионы растут в ущерб университетам и гимназиям, а частные пансионы – в ущерб всем остальным [12, с. 288]. Пансионы отвечали требованиям зажиточных классов, обучая новым языкам и хорошим манерам. Эти качества ценились больше, чем образованность и эрудиция. Университет не имел успеха, о чем говорят и цифры. Старый Московский университет, имевший в 20-х гг. XIX в. 700–900 студентов, был в этом случае исключением; новые университеты насчитывали в первое десятилетие своего существования всего по несколько десятков слушателей: и ко второму десятилетию число последних едва перевалило за сотню. Это было естественно, особенно ввиду новой политики правительства, закрывшего доступ в гимназии «детям несвободных состояний».

Дворянство, стремившееся в военную службу, предпочитало специальные учебные заведения, которые правительство охотно открывало. Для чиновников заведены были особые упрощенные курсы. А лица, желавшие обеспечить детям не одну только карьеру, но и правильное воспитание, предпочитали частные пансионы.

Но и при всем желании для успешных занятий в университете у слушателей не хватало надлежащей подготовки. Гимназия в лучшем случае выпускала их с механически вызубренной номенклатурой знаний, которая скоро испарялась из памяти. Таким образом, в университете вместо прохождения университетского курса студентам приходилось прежде всего повторять гимназические предметы, или так называемый приготовительный курс [12, с. 289]. Этим курсом часто, как, например, в Казанском университете первых годов, и кончались все занятия в университете. До «специальных» факультетских курсов доходили только наиболее усердные студенты.

Но тут являлось новое препятствие. Специальные курсы читались приглашенными из-за границы профессорами преимущественно на латинском языке. А в латинском языке студенты были еще слабее чем в новых, которых они, впрочем, тоже почти не знали. Что же было делать? Понятно, что при этих условиях профессору приходилось сначала диктовать латинский текст лекции, а затем дважды объяснять его: по-немецки той части аудитории, которая не училась французскому языку и по-французски другой части, которая не училась немецкому. И при всем том содержание лекции должно было оставаться для слушателей в тумане. Позже на одном из съездов русских естествоиспытателей и врачей известный геолог Г.Е. Щуровский скажет о значении родного языка для науки: «Самое могучее средство для популяризации – родной язык... Язык каждого народа необходимо имеет свой особенный характер, не повторяющийся ни в каком другом языке и исключительно понятный тому народу, которому он принадлежит и для которого он служит внешним проявлением его духа или характера. Самый близкий и верный перевод оригинального произведения никогда не может быть дать полного понятия о подлиннике... Нельзя не пожалеть, что мы свое родное слово, обладающее почти всеми свойствами древних и новых языков, так неблагодарно меняем иногда на другие языки... Пища на иностранных языках, мы никогда не выработаем для себя надлежащего научного языка» [13, с. 37–38].

Первым своим расцветом университеты были обязаны молодым профессорам, посланным за границу для подготовки к ученому званию. От этих командировок появились существенные перемены, давшие таких замечательных ученых, как Пирогов, Грановский и т. д. Однако успеха могло бы и не быть, если бы профессора, как и раньше, читали перед пустой аудиторией. Самое важное было то, что тут впервые выросло целое поколение молодежи, которое обратилось за удовлетворением своих идеальных устремлений к университетской науке. Только к середине XIX века происходят позитивные перемены в отношении общества к образованию и науке. В России начинается реализовываться идея Бэкона, который говорил о том, что наука может принести пользу обществу, но это потребует ответных мер и со стороны общества. Общество должно прежде всего обеспечить научные сообщества материально. Однако покровительствовать науке – значит укреплять и обеспечивать деятельность научных учреждений еще и в моральном плане, ибо они являются хранителями знания и способствуют его приумножению, а значит, особое внимание необходимо уделять социальному статусу ученых и преподавателей, предоставлению ученым определенных прав и привилегий.

Библиографический список

1. Суханова Н.П., Сапрыгин Б.В. Российская наука и образование в XIX в.: конфликт традиционных ценностей и пореформенных устремлений // Философия образования. 2015. № 6 (63). С. 134–145.
2. Во главе первенствующего ученого сословия России: Очерки жизни и деятельности президентов Императорской Санкт-Петербургской Академии наук, 1725–1917 гг. СПб: Наука, 2000. 206 с.
3. Копелевич Ю.Х. Удалось ли Петру I «построить водяную мельницу, не подведя к ней канала»? // Науковедение. 1999. № 4. С. 144–155.
4. Кузнецова Н.И. Социокультурные проблемы формирования науки в России (XVIII – середина XIX вв.). М., 1997. 264 с.
5. Кузнецова Н.И. Социальный эксперимент Петра I и формирование науки в России // Вопросы философии. 1989. № 3. С. 49–60.
6. Введенский А.И., Лосев А.Ф., Радлов Э.Л., Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии // Очерки истории русской философии. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1991. 592 с.
7. Жданова Л.В. П.П. Пекарский – историк науки и просвещения // Архив истории науки и техники. М., 1997. Вып. 2. С. 128–139.
8. Менделеев Д.И. Заветные мысли. М.: Мысль, 1995. 416 с.
9. Филатов В.П. Образы науки в русской культуре // Вопросы философии. 1990. № 5. С. 34–47.
10. Порус В.Н. Наука как культура и наука как цивилизация // Философия науки. Методология и история конкретных наук. М.: «Канон+», 2007. С. 480–501.
11. Павлова Г.Е. Организация науки в России в первой половине XIX в. М.: Наука, 1990. 238 с.
12. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3 т. Т. 2, ч. 2. М.: Прогресс-Культура, 1994. 496 с.
13. Шноль С.Э. Герои, злодеи, конформисты российской науки. 2-е изд. М.: КРОН-ПРЕСС, 2001. 875 с.

УДК 630:93/94:930.25
ГРНТИ 12.41.21

М.Ю. Киселев
ИС АРАН, Москва

ИСТОРИЯ ОРГАНИЗАЦИИ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЛЕСА В АКАДЕМИИ НАУК СССР

В статье представлена информация о хранящихся в архиве Российской академии наук документах по истории организации научных исследований леса в Академии наук СССР (АН СССР). Приведены сведения о совещаниях Комиссии

по вопросу об организации в АН СССР изучения леса от 27 июня и 4 октября 1939 г., задачах и проблемах, включенных в план работы комиссии. Представленная информация позволит расширить источниковедческую базу по истории исследования леса в России и может быть использована в исследовательских и образовательных целях.

Ключевые слова: история, лес, научные исследования, Академия наук СССР, Архив Российской академии наук.

Архив Российской академии наук (РАН) по праву считается одним из крупнейших и старейших ведомственных архивохранилищ России по истории отечественной науки и культуры XIX–XXI веков. В собраниях Архива РАН сохранились фонды личного происхождения выдающихся ученых, фонды академических учреждений и организаций.

В фонде Секретариата Президиума АН СССР отложились комплексы документов по организации в Академии наук (АН) СССР научных исследований по изучению леса*. 27 июня 1939 г. Биологическое отделение АН СССР приняло постановление по вопросу об организации в академии изучения лесов. В рамках реализации этого постановления 14 августа 1939 г. состоялось совещание Комиссии биологического отделения по вопросу об организации в Академии наук изучения леса. Совещание постановило, что в течение года рационально было бы вести изучение леса через постоянную комиссию при Президиуме АН СССР, так как первоочередными задачами являлось выяснение ряда методических вопросов и по выработке направлений работ отраслевых научно-исследовательских лесных институтов, объединение и обобщение их работ. Отмечалось, что организация института леса в системе АН СССР «была бы на первое время слишком громоздкой». В комплексе документов имеется список научно-исследовательских институтов, связанных с разработкой вопросов по проблематике лесного хозяйства и лесной промышленности, которых в 1939 г. насчитывалось 18.

Совещание просило Президиум АН СССР утвердить состав Постоянной комиссии по изучению леса в составе академика В.Л. Комарова, члена-корреспондента В.Н. Сукачева, профессоров М.Е. Ткаченко, Н.П. Кобранова, С.А. Богословского и С.Я. Соколова. В 1939–1940 гг. комиссия должна была разработать следующие вопросы:

1) дать критический научный анализ работ лесных отраслевых институтов СССР и провести всесоюзное совещание по вопросу об организации лесного опытного дела в стране;

* Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 2. Оп. 1 (1939). Д. 218. Л. 1–10.

2) дать научный анализ материалов, характеризующих лесной фонд СССР и схему основных направлений лесного хозяйства и лесной эксплуатации в нем;

3) разработать методику изучения гидрологической роли лесов, избрать объекты для стационарного изучения и провести всесоюзное совещание по этой проблеме;

4) начать планомерное изучение типов леса на территории СССР, предварительно разработав соответствующую методику работ и научно обосновать объем лесотипологических единиц;

5) поручить комиссии в составе Сукачева В.Н., Ткаченко М.Е. и Кобранова Н.П. до 1 сентября 1939 г. представить на рассмотрение Президиума АН СССР через Ботанический институт проект положения о Постоянной комиссии по изучению леса, план и программу работ, смету расходов комиссии на 1939–1940 гг.;

6) просить Президиум АН СССР войти с ходатайством в Правительство СССР о доизбрании в состав членов Академии наук двух академиков и 2-3 членов-корреспондентов, специалистов по лесоводству.

Среди документов отложился протокол совещания по вопросу об организации в АН СССР изучения леса от 4 октября 1939 г. Совещание поставило включить в план работы комиссии следующие задачи и проблемы:

1. Согласование проблематики и тематики отраслевых лесных научно-исследовательских учреждений и в связи с этим организация ежегодно всесоюзных совещаний по лесным научно-исследовательским работам разных ведомств.

Отмечалось, что отсутствовал единый орган, который планировал бы во всесоюзном масштабе научно-исследовательские работы по изучению леса. Подчинение лесных научно-исследовательских учреждений различным ведомствам (Наркомлесу, Главлесохране, Наркомзему и др.) приводило, во-первых, к ненужному параллелизму в решении вопросов, которые могли бы решаться только одним каким-либо учреждением; во-вторых, отсутствовала согласованность в методике и плане тех исследований, которые должны выполняться совместно несколькими научно-исследовательскими учреждениями; в-третьих, ряд важных тем не разрабатывался ни одним из учреждений. Делается вывод, что объединяющая роль Академии наук в этом отношении была бы крайне полезна.

2. Разработка методики, планирование и руководство работами по изучению типов леса страны в связи с формами лесного хозяйства. Сообщалось, что сведения о типах лесов очень незначительны, причем

работы по типологии леса велись различными научно-исследовательскими учреждениями «непланово, иногда случайно, без единой методики и нередко без компетентного научного руководства». По мнению участников совещания, необходимо, во-первых, разработать и принять единую общую методику; во-вторых, ввести строгое планирование исследований в соответствии с запросами лесного хозяйства; в-третьих, обеспечить надлежащее общее научное руководство исследованиями.

3. Разработка методики, планирование и руководство работами по изучению водоохранного и защитного значения леса в связи с формами лесного хозяйства. Рассматривалась история вопроса о гидрологическом значении леса, однако у ученых (академиков К.М. Бэра, Г.Н. Высоцкого) не было единого мнения.

В СССР осуществлялся небывалый в истории проект соединения пяти морей путем реконструкции реки Волги и сооружения ряда каналов. В соответствии с этим была выделена огромная площадь водоохраных и водорегулирующих лесов в 54 млн га, в результате возник вопрос о реконструкции лесов. Но отсутствовали показатели гидрологического влияния лесов при разных конкретных условиях российской равнины. Мнения о влиянии равнинных лесов на сток были далеко не единодушны. Академик Г.Н. Высоцкий считал, что для усиления полноводия рек все леса на песчаных почвах их бассейнов должны быть вырублены. Другие специалисты считали, что здесь должно быть организовано особое хозяйство с двухъярусными лесами, с изреженным верхним ярусом, чтобы расход воды на транспирацию лесом снизить, а приход воды через зимние осадки резко повысить. Оба эти предложения требовали строгой, научно поставленной серьезной проверки.

Спорным оставался вопрос о значении лесных болот в отношении полноводия рек. Академик В.Р. Вильямс признавал, что болота оказывают положительное влияние на питание рек, однако академик Е.В. Оппоков отрицал за болотами эту роль. Значение всех этих вопросов выходило за рамки компетенции наркоматов как союзных, так и республиканских. Попытки проведения исследований по указанным вопросам в отдельных отраслевых институтах были признаны неудачными, да и сами представители этих институтов не раз высказывались за то, чтобы сложная лесогидрологическая проблема была передана для изучения в АН СССР.

4. Разработка вопросов, связанных с географическим размещением лесных ресурсов и перспективами их народнохозяйственного использования. Отмечалось, что статистический учет лесных ресурсов СССР проводился Наркомлесом, Главлесохраной и другими многочисленными ведомствами. В результате имевшиеся материалы по

учету лесного фонда оказались «крайне пестрыми и трудно сводимыми», что создавало большие затруднения в планировании лесного хозяйства страны. Лесопромышленные организации при решении практических задач планирования лесного хозяйства оказывались вынужденными производить исследования собственными силами и средствами. Такие исследования осуществлялись в очень широких масштабах (Фанертрестом, Гипродревом, Гипробумом); снаряжался ряд экспедиций для выявления запасов древесины для авиационной промышленности и т. д. В ведомствах и организациях накоплены огромные материалы, которые требуют научной обработки и систематизации.

Указывалось, что планирование географического размещения лесной промышленности страдало односторонностью. Фанерная промышленность подходила к задаче использования лесных ресурсов того или другого района с точки зрения эксплуатации запасов березы; целлюлозно-бумажная промышленность интересовалась только запасами еловых балансов и т. д. Был сделан вывод, что только комплексное использование лесных ресурсов могло обеспечить надлежащий народнохозяйственный эффект.

Задача исследований в данной области заключалась в такой характеристике лесов по районам СССР в отношении состава пород, запасов древесины, сортиментной структуры этих запасов и т. д., которая могла бы служить надежным базисом для всех последующих планов, обеспечивающих гармоничное развитие разных отраслей лесной промышленности в каждом районе, удовлетворение многосторонних потребностей народного хозяйства в древесине, наиболее полное и рациональное использование лесных ресурсов. При этом в орбиту исследований должны были быть вовлечены и экономические условия лесозаготовки (пути транспортировки леса, возможности обеспечения предприятий рабочей силой и т. д.). На основе таких исследований должна была быть установлена очередность вовлечения лесов СССР в эксплуатацию.

Не смогли участники совещания не указать на руководящую роль коммунистической партии в развитии лесной промышленности. По их мнению, «значимость выдвигаемой здесь проблемы ярко выявлена XVIII Съездом ВКП(б), который вскрыл грубую ошибку в планировании размещения лесозаготовки во второй пятилетке. Вместо того чтобы форсировать заготовки в лесах Европейского Севера и Урала, наиболее доступных для лесозаготовки и в то же время расположенных в непосредственной близости к пунктам потребления древесины, наши лесозаготовительные организации начали перемещать центр тяжести своих операций в Восточную Сибирь, что создало

большие осложнения с железнодорожным транспортом древесины при переброске ее на огромные расстояния в целях доставки в европейскую часть Союза.

Отсутствие глубоко продуманного плана последовательного вовлечения в эксплуатацию различных лесных районов СССР привело к тяжелым последствиям для народного хозяйства». Был сделан вывод, что избежать повторения подобных ошибок в будущем возможно только при условии широкой научной постановки изучения лесных ресурсов страны и перспектив их использования под руководством АН СССР.

5. Разработка методики, планирование и руководство работами по созданию новых лесных культур в связи с социалистической реконструкцией растительности и формами лесного хозяйства. Указывалось, что плановое народное хозяйство предполагает решить проблему: реконструкция состава современной растительности страны в направлении создания таких культурных фитоценозов, которые отвечали бы запросам промышленности и сельского хозяйства, а также она являлась бы элементом защиты культурных угодий, путей транспорта и населенных пунктов от стихийных сил природы и элементом благоустройства в городах и на предприятиях. Констатировалось, что ни в одной из стран Старого и Нового Света не достигнуты такие размеры лесных культур и не поставлены такие требования к темпам их осуществления, как в СССР.

Размеры лесных культур, которые должны быть созданы по всем ведомствам СССР, определялись миллионами гектаров и миллиардами капиталовложений. Под эти мероприятия, учитывая их долгосрочную эффективность, должна быть подведена серьезная теоретическая основа. Было признано необходимым решить теоретические вопросы: о составе и структурных особенностях вновь создаваемых культурных фитоценозов целевого назначения; о механизации трудовых процессов при создании лесных культур в полном соответствии с требованиями биологических особенностей растений и экологической обстановки среды с учетом народнохозяйственных целей и задач. Отсюда делается вывод, что постановка этой проблемы в целом и правильное планирование ее разрешения отдельными ведомствами в интересах всего народного хозяйства возможно лишь в АН СССР.

Участники совещания считали, что в связи с предполагаемым нахождением Постоянной комиссии по изучению леса при президиуме Биологического отделения АН СССР, в ее задачи не включалась разработка вопросов механической обработки и химической переработки древесины.

Вопросы лесной химии уже разрабатывались Институтом прикладной химии. Вопросы же механической обработки и рационального комплексного использования древесины, рационализации и разработки новых технологических процессов и повышения производительности труда в лесной промышленности должны были найти место в числе вопросов, разрабатываемых АН СССР, но их необходимо было включить в тематику научно-исследовательских учреждений технического отделения АН СССР.

Совещание предложило включить в состав комиссии члена-корреспондента В.Н. Сукачева, профессоров М.Е. Ткаченко, Н.П. Кобранова, С.А. Богословского, С.Я. Соколова и ученого секретаря. В помощь перечисленным лицам предлагалось пригласить по одному квалифицированному научному сотруднику, а также временных научных сотрудников. В 1940 г. для организации всесоюзного совещания лесных научно-исследовательских учреждений, разработки вышеуказанных проблем с выездом членов комиссии и ее сотрудников на места смета расходов составляла 170 тыс. рублей.

В заключении необходимо отметить, что Институт леса АН СССР был создан в 1944 г. в Москве, где проводил научные исследования до 1958 г. – до времени его перевода в Красноярск.

Представленная информация позволит расширить источниковедческую базу по истории исследования леса в России и может быть использована в исследовательских и образовательных целях.

ГРНТИ 14.35.07

УДК 159.9+378

И.А. Петрикеева, А.О. Шевелина
УГЛТУ, Екатеринбург

ПРОБЛЕМЫ МОТИВАЦИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ К ЗАНЯТИЯМ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

В статье рассмотрены проблемы мотивации магистрантов Института леса и природопользования УГЛТУ к занятиям научно-исследовательской деятельностью.

Ключевые слова: мотивация, научно-исследовательская деятельность (НИД), научно-исследовательская работа студентов (НИРС).

В современном информационном обществе одной из важных задач, стоящих перед высшей школой, является задача воспроизводства профессорско-преподавательского состава вузов, возобновления научного потенциала общества, подготовка людей, способных развивать

информационно-коммуникативную социальную среду, сохраняя свое физическое и душевное/духовное благополучие, используя её возможности во благо себе и другим людям.

Это подразумевает формирование у выпускников высшей школы компетенций, связанных с научно-исследовательской деятельностью:

- развитие абстрактного мышления;
- эффективного поиска информации;
- навыки работы с источниками;
- обработки и сохранения информации;
- трансформации знаний в понимания.

Научно-исследовательская деятельность (НИД) обучающихся позволяет формировать не только компетенции к осуществлению научной деятельности, но и *общекультурные компетенции*, связанные с личностной эффективностью: готовностью действовать в нестандартных ситуациях; нести социальную и этическую ответственность за принятые решения; способностью к саморазвитию, самореализации, использованию творческого потенциала [1].

Вместе с тем формирование у обучающихся мотивации к занятиям научно-исследовательской деятельностью продолжает оставаться непростой задачей для преподавателей высшей школы.

Обеспечение успешности НИД предполагает действие целой системы *объективных и субъективных мотивирующих факторов*.

К *объективным мотивирующим факторам* можно отнести создание в вузах современной материально-технической базы для занятий научной деятельностью; наличие среды, стимулирующей интерес к научной деятельности; включение в ядро учебных планов программ подготовки обучающихся к НИД как в форме отдельных обучающих курсов и видов учебной деятельности, так и в форме блока тем и заданий, направленных на формирование научно-исследовательской компетенции в каждой изучаемой учебной дисциплине.

К *субъективным мотивирующим факторам* относятся: наличие в вузе научных школ; преподавателей-исследователей, способных обучить научно-исследовательской деятельности, обеспечив преемственность НИД в рамках научной школы; общая установка преподавателей всех дисциплин на формирование научно-исследовательской компетенции; освоение преподавателями методов мотивирования обучающихся к занятиям НИД; способность увлечь обучающихся НИР, проявить их склонности и способности в совместной (обучающихся и педагогов) научной деятельности.

В создании увлеченности научно-исследовательской деятельностью огромную роль играет сознательное использование преподавателями методов, техник и технологий мотивации обучающихся к занятиям НИД.

Мотивация обучающихся представляет собой деятельность по их побуждению к научной деятельности. В качестве мотивов выступают эмоции и стремления, интересы и потребности. Мотивы представляют собой сложные динамические системы, в которых осуществляются выбор и принятие решений, анализ и оценка выбора. Правильная *мотивация* является наиболее эффективным способом приобщения обучающихся к занятиям НИД [2].

Этот вывод был сделан в ходе проходившего в УГЛТУ весной 2017 года исследования мотивации магистрантов 1-го и 2-го курсов Института леса и природопользования (ИЛП) УГЛТУ к занятиям научно-исследовательской деятельностью. В исследовании принял участие 21 магистрант.

Целью исследования было выявить проблемы мотивации обучающихся УГЛТУ к занятиям научно-исследовательской деятельностью. Исследование проводилось в форме опроса. Рассматривались вопросы форм реализации научно-исследовательской деятельности магистрантов, определения мотивации обучающихся к занятиям НИД, выявление проблем и эффективности НИР обучающихся. Часть вопросов пересекалась с исследованием проблем организации НИР студентов-экономистов в Томском государственном университете [3].

Получились следующие результаты. Ведущей формой реализации научно-исследовательской деятельности магистрантов ИЛП УГЛТУ явилась написание и публикация научных статей (73 % респондентов) (рис. 1).

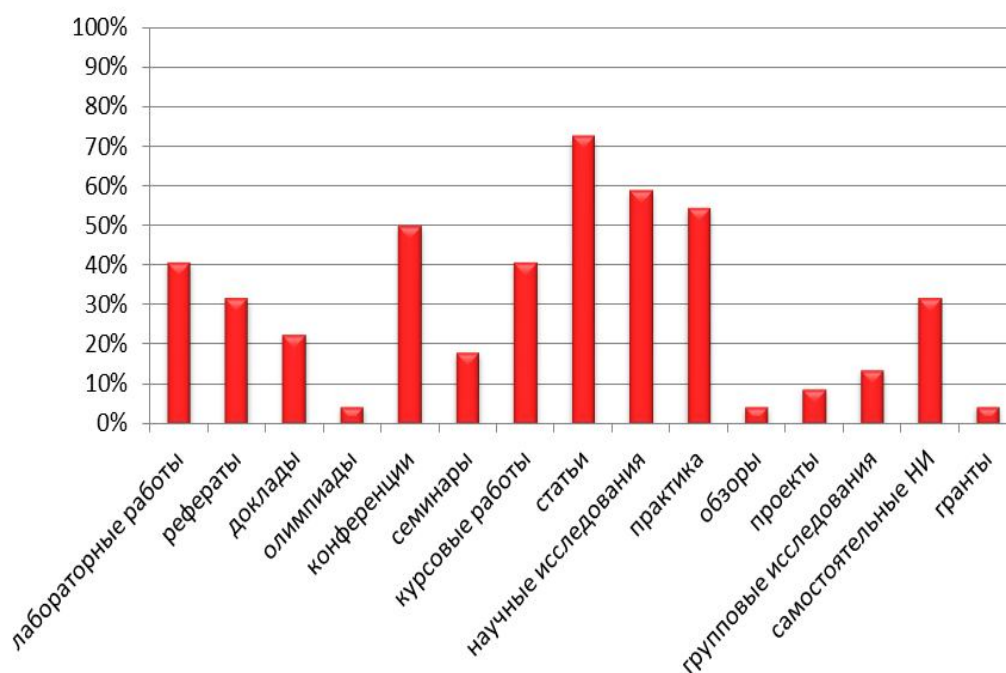

Рис. 1. Формы научно-исследовательской работы магистрантов УГЛТУ

59 % магистрантов реализуют свою НИР через участие в научных исследованиях; 55 % – через выполнение заданий научно-исследовательского характера во время учебной или производственной практики; 50 % – в участии в научных конференциях.

Обращает на себя внимание *факт недооценки обучающимися УГЛТУ традиционных форм НИР* в рамках учебного процесса – УИРС: лабораторных и курсовых работ (41 %) (в сравнении с 90 % в исследовании ТГУ [3, с. 66]); написания рефератов (32 %) (80 % в исследовании ТГУ), подготовки докладов (23 %) (70 % в исследовании ТГУ). Очевидно, что полученные результаты связаны с недооценкой научного потенциала данных форм учебной работы, недостаточной работой преподавателей по раскрытию их научно-исследовательского значения.

Низкий уровень вовлеченности обучающихся в такие формы НИР, как групповые исследования (14 %), проекты (9 %), олимпиады (5 %), обзоры (5 %) и гранты (5 %) демонстрирует точки возможного роста НИР обучающихся.

Большинство магистрантов на вопрос, «Хотели бы вы более активно участвовать в научно-исследовательской деятельности?» (рис. 2), ответили положительно (43 %).

Рис. 2. Ответы респондентов на вопрос «Хотели бы вы более активно участвовать в научно-исследовательской деятельности?»

В ответах на вопрос анкеты (рис. 3) «Каковы, на ваш взгляд, причины низкой вовлеченности обучающихся в НИР?», преобладающим явился ответ «Нет интереса» (76 % респондентов), что, вкупе с ответами «неосведомленность» (48 %), «плохое руководство» (33 %), «нет поощрения» (30 %), «не пригодится» (19 %), подтверждает высказанную мысль о *недостаточной* мотивации обучающихся к занятиям НИР со стороны преподавателей.

Процент ответов в шкале «нехватка времени» (43 %!), говорит о том, что обучающиеся не сознают значение магистратуры (особенно академической магистратуры) как уровня высшего образования, ведущего подготовку научно-исследовательских и (или) педагогических кадров [1]. Почти половина магистрантов не находят времени на освоение базовой профессиональной компетенции! Безусловно, это говорит об отсутствии даже информационной работы среди обучающихся со стороны преподавателей и руководства вуза по мотивации к занятиям НИР.

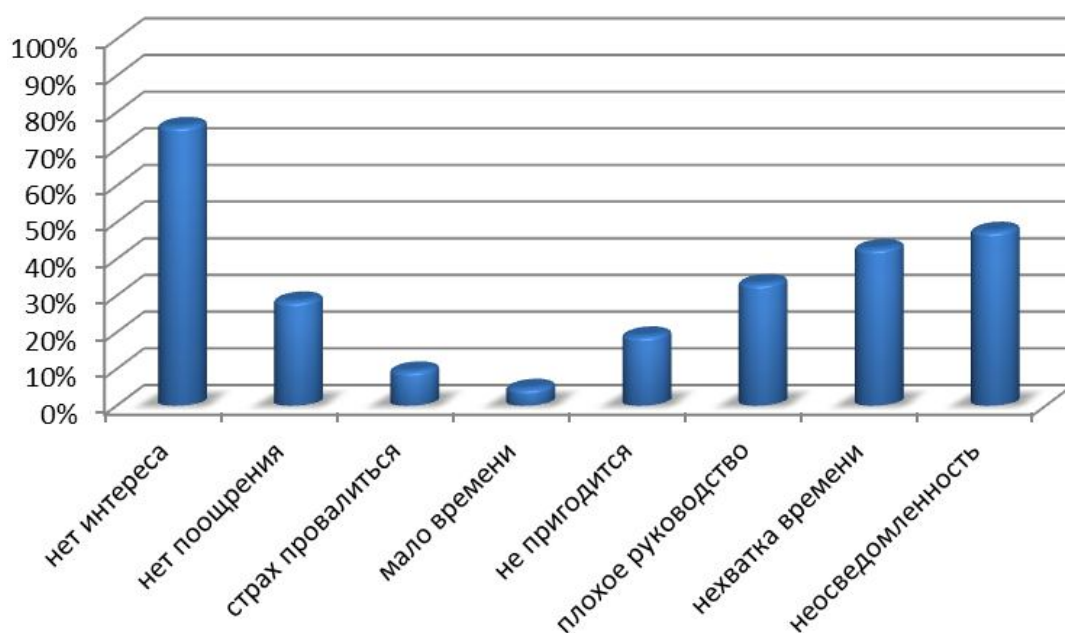

Рис. 3. Причины низкой вовлеченности обучающихся в НИР

Полученные данные могут подтвердить гипотезу исследования, что «совершенствование мотивации обучающихся является лучшим способом привлечь их к занятиям научно-исследовательской деятельностью и повысить её эффективность».

Отвечая на вопрос, «Каковы основные мотивы для занятия НИР?» (рис. 4.), магистранты назвали основными мотивами к занятиям научно-исследовательской деятельностью «материальное поощрение» (29 %), «освобождение от экзамена» (19 %) и «процесс познания» (19 %).

Ответы, безусловно, говорящие о слабой сформированности у респондентов внутренних мотивов к занятиям научно-исследовательской деятельностью.

Ведущие мотивы «материального поощрения» и «освобождения от экзамена» носят прагматико-экономический характер. Но значение мотива «процесс познания» (19 %) в единстве со значением «использование в профессии» (14 %) создают основу для формирования

внутренней мотивации к научно-исследовательской деятельности, каковая и будет основой для занятий НИД в профессиональном будущем выпускников-магистрантов.

Рис. 4. Мотивы научно-исследовательской деятельности обучающихся

Возможный рост значений таких мотивов, как «развитие личности» (9 %), «коммуникация» (5 %) и «связь с работодателями» (5 %) может привести к осознанию важности научной деятельности в профессиональном и личностном росте, значимости научных связей и общения в профессиональной деятельности. Преподавателям и руководству вуза следует работать над осознанием значения этих факторов в профессиональной деятельности выпускников.

Возможности совершенствования НИР в университете позволяют раскрыть ответы респондентов на вопрос: «Перечислите основные проблемы организации НИРС в УГЛТУ» (рис. 5).

Магистранты Института леса и природопользования УГЛТУ отметили, что основными проблемами организации НИРС в УГЛТУ являются «отсутствие мотивации» (71 %) и «отсутствие финансирования» (43 %). Высокий процент ответов «недостаток времени» (52 %) и «отвлекает от учебы» (43 %) еще раз подтверждает высказанную ранее мысль о том, что у магистрантов ИЛП УГЛТУ не сформировано понимание целей и задач магистратуры как уровня высшего образования, и что задачей преподавателей и руководства вуза ещё до поступления обучающихся в магистратуру должно стать разъяснение им значения программы магистратуры как «ориентированной на научно-

исследовательский и (или) педагогический вид (виды) профессиональной деятельности как основной» [1].

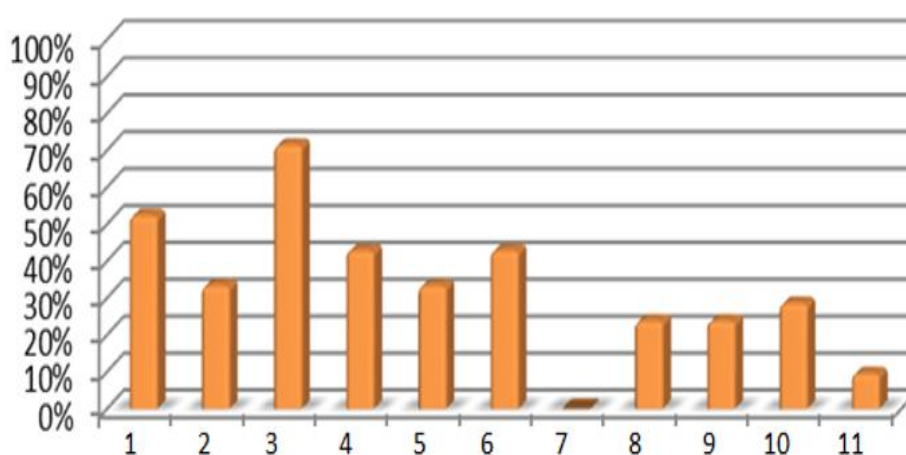

Рис. 5. Проблемы организации НИРС в УГЛТУ:

- 1 – недостаток времени; 2 – нет отдачи, пользы; 3 – отсутствие мотивации; 4 – отвлекает от учебы; 5 – недостаток информации; 6 – отсутствие финансирования; 7 – отсутствие коммуникаций между участниками; 8 – недоброжелательность преподавателей; 9 – неинтересная подача; 10 – нежелание преподавателей привлекать к НИРС; 11 – непонятны разъяснения

Проведенное исследование позволяет сделать следующие *выводы о проблемах мотивации обучающихся УГЛТУ к занятиям НИР*:

1. Главной причиной низкой вовлеченности обучающихся в занятия НИР является отсутствие интереса.

2. Наиболее используемыми формами НИР магистрантов УГЛТУ являются написание и публикация научных статей, участие в научных исследованиях, выполнение заданий научно-исследовательского характера во время учебной и производственной практик.

3. Основными проблемами организации НИРС в УГЛТУ являются отсутствие мотивации, недостаток времени, отсутствие финансирования и отвлечение от учебы.

4. Основным мотивом к занятиям НИР магистранты ИЛП УГЛТУ называют материальное поощрение.

5. На вопрос «Хотели бы вы более активно участвовать в научно-исследовательской деятельности?», 43 % магистрантов ответили положительно.

Проведенное исследование позволило выработать следующие *рекомендации по повышению мотивации обучающихся УГЛТУ к занятиям НИР*:

1. Вовлечение обучающихся в НИР с начала учебы в УГЛТУ.

2. Создание атмосферы сотрудничества во время занятий НИР.
3. Повышение эмоциональной удовлетворенности от занятий НИР.
4. Внедрение новых и популярных форм НИР.
5. Ориентация на долгосрочную научно-исследовательскую деятельность.

Библиографический список

1. Федеральный государственный образовательный стандарт направления 35.04.01 «Лесное дело», направленность «Лесное хозяйство» (академическая магистратура). URL: http://edu.usfeu.ru/Uploads/Fgos/fgos_350401.pdf (дата обращения 17.06.2018).
2. Стародубцева В.К. Мотивация студентов к обучению // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=15617> (дата обращения 17.06.2018).
3. Ильина Т.Г. Проблемы организации научно-исследовательской работы студентов-экономистов // Проблемы учета и финансов. 2014. № 4 (16). С. 65–71. URL: [http://journals.tsu.ru/uploads/import/1193/files/4_\(16\)_065.pdf](http://journals.tsu.ru/uploads/import/1193/files/4_(16)_065.pdf) (дата обращения 17.06.2018).

ГРНТИ 14.07.01
УДК 37.034

А.П. Попович
УГЛТУ, Екатеринбург

ДУХОВНОСТЬ И ПРАВСТВЕННОСТЬ КАК ОСНОВЫ ВОСПИТАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

В статье рассмотрены вопросы нравственного воспитания и формирования личности студенческой молодежи. Влияние средств массовой информации, роль воспитательного процесса в развитии современных представлений о нравственной культуре. Показано влияние разносторонних духовных потребностей, высокого уровня развития нравственных и эстетических чувств на устранение межнациональных противоречий.

Ключевые слова: воспитание, нравственная культура, духовность, формирование личности, эстетические потребности, молодежь.

Нестабильность и ситуативная неопределенность положения, присущая студенчеству во все времена, сегодня усиливается из-за необходимости преодолевать различные бытовые и социальные трудности: материальные проблемы, неспособность самостоятельно преодолевать сложности, общий пессимизм, скептицизм, расслоение студенчества на различные социальные группы, зависящие от финансового уровня их родителей [1]. Вследствие этого формируется инертное

отношение к учебному процессу, освоению знаний, умений, связанных с будущей профессией, к расширению своего кругозора, повышению культурного уровня.

Особую опасность для формирования личности у современной молодежи представляет ощущение неуверенности в своих силах, в дне завтрашнем, неустойчивость своего социального статуса. Насколько он будет востребован обществом после завершения обучения в вузе, сможет ли молодой человек благополучно трудоустроиться? При этом уровень притязаний современной молодежи высок, можно прямо выразиться, чрезмерно завышен. Эти и многие другие проблемы усиливают у современной молодежи своеобразный групповой навык отрицания общечеловеческих моральных ценностей, духовно-нравственных традиций, норм этикетной (поведенческой) культуры. Что, как правило, ведет к развитию иждивенческой психологии, которая противоречит понятию нравственной культуры, да и культуре вообще.

Планируя воспитательную работу в вузе, руководство, педагогический коллектив должны учитывать широкий спектр факторов, которые существенно влияют на формирование приоритетных ценностей студенчества на данном этапе жизни. К одной из категорий, негативно влияющих на сознание молодежи, можно отнести национальный радикализм, так как именно молодежная среда является благодатной почвой для развития этого аспекта современной культуры. Можно с уверенностью сказать, что проблема межнациональных отношений имеет и психолого-педагогическое происхождение, так как многочисленные конфликты такого рода возникают в итоге допущенных воспитательных ошибок как в семье, так и в образовательном учреждении [2].

Воспитательная работа в образовательных учреждениях должна включать профилактику межэтнических конфликтов. Одно из направлений такой работы – перевод одиозного восприятия национальных особенностей партнера по общению на более высокий уровень. Только наличие разносторонних духовных потребностей, высокий уровень развития нравственных и эстетических чувств могут стать противоядием от разнообразных форм проявления враждебного отношения к людям другой национальности.

Современный вуз сможет успешно решить задачи воспитания нравственной культуры при условии акцентированного внимания молодежи на этические и патриотические ценности. Студенчество в идеале должно воспринимать этику, нравственность как науку о морали, а мораль как основную форму общественного сознания. Сегодня

система формирования нравственной культуры у молодежи должна вбирать в себя все разнообразие культурного наследия всех частей мира, как необъятное поле мировой культуры и всемирного опыта духовно-нравственного воспитания. При этом надо понимать, что интеграционные процессы, коммуникации между народами в масштабе нашей цивилизации необратимы. Это в полной степени относится к странам Восточной Европы, территориальное расположение которых находится между Востоком и Западом.

Разнообразные культурные традиции, обычаи, обряды, нравственные ценности любого народа – это бесценный фонд, его духовное достояние. Историческое прошлое цементирует связь поколений, является могучим средством гражданского воспитания, тем более в жизни каждого народа есть яркие герои, события, которыми можно и нужно гордиться. Эти задачи, стоящие перед современным обществом сегодня, должны способствовать тому, чтобы сделать каждого из своих членов, полезным гражданином своей страны. Исключительная значимая особенность культуры, представителей искусства, ее служителей – донести до широких масс особенность того или иного народа, вызывая повышенный интерес и чувство глубочайшего уважения со стороны сообщества. И без нравственности, человеческой морали, духовности в воспитании человека в общем и молодежи, в частности, это вряд ли возможно [3].

В условиях, когда решаются многогранные задачи реформирования всей системы высшего образования, возрастают требования к воспитательному процессу и общекультурной подготовке студенчества. В этих условиях роль учебного заведения в формировании у молодого поколения нравственности, духовности, патриотизма, гуманизма, значительно повышается. Необходим комплексный подход к воспитанию в вузе, который предполагает единство многообразных средств, форм, методик со стороны всего педагогического коллектива. Вся эта работа должна быть направлена на то, чтобы добиться целенаправленного, систематического и всестороннего воздействия на сознание, чувства, волю и поступки каждого студента. Педагогический коллектив должен воспитывать своих «питомцев», в первую очередь, на личном примере, так как успех в этой работе во многом зависит от способностей преподавателей создавать такие педагогические условия, атмосферу на занятиях, при которых у молодых людей будут формироваться правильные психологические, этические, социальные установки.

Хотелось бы обратить внимание читателей на возрастающий интерес сегодня к идеям и теориям Г. Кершенштейнера, Д. Дьюи, А.С. Макаренко. Исследования показывают, что для формирования у молодежи нравственной культуры необходимо интенсифицировать трудовое

воспитание, ибо положительное отношение к труду составляет основу нравственной культуры личности и общества.

Поражает мнение как родителей, так и педагогов о невозможности трудового участия учеников, студентов в уборке территории своего студенческого городка или иных видов трудовой коллективной деятельности. Совместный труд такого характера объединяет, сплачивает молодежь, а педагога наделяет дополнительной информацией о своих подопечных, которую можно использовать в дальнейшем процессе воспитания и обучения.

Высший уровень нравственной культуры – это показатель социальной зрелости, который выражается во внутренней готовности при любых ситуациях совершать достойные поступки. Имеется в виду процесс формирования у современных студентов профессионального кодекса чести, отсутствие которого, как правило, приводит, в конечном счете, к деградации личности.

Неслучайно выдающиеся мыслители считали, что разрушение трудовой морали неизбежно приводит к падению нравов в обществе в целом [2]. Необходимо признать, что в 90-е годы XX в. благодаря «реформаторам» из воспитательной среды исчезло трудовое воспитание, что отразилось всплеском инфантилизма среди молодого поколения.

В данной статье мы только обозначили проблему нравственного воспитания студенческой молодежи. Учебное заведение готово брать на себе «бремя» локомотива нравственности на современном этапе, но основы духовности, гуманизма, конечно, закладываются в семье. Мы надеемся, что сложнейший период в истории славянских государств миновал и нынешняя молодежь, выпускники вузов, создавая свои семейные очаги, будут опираться на духовность, нравственность и мораль, как на главные человеческие ценности цивилизации.

Библиографический список

1. Маслоу А. Мотивация и личность. 3-е изд. Питер, 2010. 352 с.
2. Ушинский К.Д. Человек как предмет воспитания. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2004. 576 с.
3. Азаров А.П. Семейная педагогика. М.: Эксмо, 2015. 496 с.

ГРНТИ 14.35.05
УДК 378.183

Д.В. Дроздов, И.А. Петрикеева
УГЛТУ, Екатеринбург

КОНФЛИКТЫ В ТВОРЧЕСКОМ КОЛЛЕКТИВЕ ОБУЧАЮЩИХСЯ: ПУТИ ПРОФИЛАКТИКИ И РАЗРЕШЕНИЯ

В статье приводятся результаты исследования причин конфликтов в творческом коллективе обучающихся «Хор русской песни УГЛТУ». Исследование было проведено в УГЛТУ в 2017 году. Оно показало, что существование творческого коллектива связано с определенными внешними и внутренними трудностями. Выработаны рекомендации по улучшению психологического климата в коллективе и его межгрупповых взаимодействий.

Ключевые слова: конфликты, педагогические конфликты, творческий коллектив обучающихся, воспитательная работа в вузе.

Воспитательная работа в образовательных организациях высшего образования выполняет ряд взаимодополняющих функций:

- стимулирование и поддержка освоения обучающимися основных образовательных программ;
- дополнение учебной деятельности;
- развитие навыков общения;
- саморазвитие личности;
- реализация творческого потенциала;
- приобретение дополнительных компетенций;
- эстетическое развитие и т. д.

Посвящая свободное время (досуг) творчеству в коллективе, обучающиеся реализуют внутреннюю глубинную тягу к прекрасному, стремление находить гармонию в социальных и эстетических отношениях и формах. В то же время творческий коллектив – маленький срез общества, в нём находят себя противоречия, присущие большому целому. В этом смысле занятия в творческом коллективе – школа обучения сотрудничеству, поддержке, умению разрешать конфликты. Для обучающихся занятия в коллективе становятся школой продуктивного общения и получения эксклюзивного опыта – приобщения к искусству, истории, современности, концертным выступлениям и т. д. Для вуза – это имидж, одно из его «лиц». В связи с этим обращение к опыту одного из творческих коллективов вуза можно рассматривать как способ самопознания, попытку понять большое через его малые формы.

В наше время именно *коллективные усилия определяют успехи науки, образования, техники*, поэтому умения работать в коллективе,

создавать благоприятный психологический климат, разрешать конфликты, управлять развитием коллектива являются общепрофессиональными компетенциями выпускников высшей школы.

Творческий коллектив несет в себе заряд эффективного взаимодействия, каждый его член может и должен влиять на создание благоприятного социально-психологического климата в нём. В этом случае коллектив становится средством развития личности, формирования навыков продуктивного общения и решения проблем.

К сожалению, в настоящее время возможности художественных коллективов вузов в развитии обучающихся уменьшаются, интерес обучающихся к творческой самодеятельности постепенно снижается. Эти процессы вызваны самыми разными внешними и внутренними причинами, в том числе, и межличностными противоречиями внутри творческих коллективов. В связи с этим умения анализировать конфликты, поиск причин их возникновения, путей и способов профилактики и разрешения становятся весьма актуальными.

Проблема, с которой столкнулся коллектив Хора русской песни УГЛТУ, – это уход его участников. В исследовании была выдвинута гипотеза о том, что использование педагогических методов управления конфликтом позволит снизить конфликтность в коллективе, что, в свою очередь, уменьшит уход его участников. Развитие умений и навыков предупреждения и разрешения конфликтов приведёт к улучшению социально-психологического климата в коллективе, возрастанию эффективности управления им и, как следствие, росту успешности и степени удовлетворенности его участников.

Чтобы определить, что следует сделать для улучшения состояния коллектива, были проведены исследования психологического микроклимата группы и эмоционально-мотивационных ориентаций в межгрупповом взаимодействии его участников. Со всеми участниками коллектива (9 человек) были проведены тесты [1–3], а с членами коллектива, ушедшими из него (4 человека), было дополнительно проведено интервью, вопросы которого были специально разработаны для данного исследования [4].

Тест «Оценка микроклимата студенческой группы (В.М. Завьялова)» [1, с. 134–135] оценивает степень благоприятности психологического микроклимата группы. Средний балл группы составил 13,5 баллов, что показывает средне-низкую степень благоприятности психологического микроклимата в коллективе.

Оценка уровня психологического микроклимата (ПМ) группы ее участниками представлена на рисунке 1.

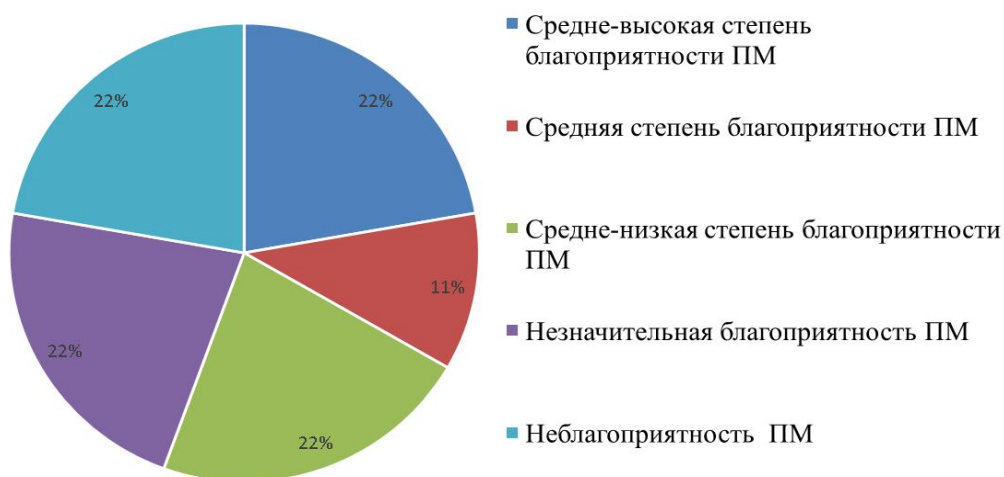

Рис. 1. Оценка уровня психологического микроклимата (ПМ) группы

Из диаграммы следует, что примерно пятая часть группы (22 %) оценивает микроклимат в группе как неблагоприятный, остальные 4/5 группы считают, что климат благоприятен. 22 % оценивают степень благоприятности микроклимата в группе как средне-высокую, 11 % – как среднюю, 22 % – как средне-низкую, и ещё 22 % отмечают незначительную благоприятность ПМ.

Методика выявляет 20 факторов, влияющих на психологический микроклимат группы (рис. 2) [1, с.135]:

1. В группе обычно бодрое и жизнерадостное настроение.
2. Группа активна, работоспособна.
3. Обстановка в группе спокойная, деловая.
4. В группе участники чувствуют себя уютно.
5. Студенты знают и чувствуют, что группа в случае необходимости защитит и поддержит их.
6. Участники относятся друг к другу с симпатией.
7. Коллектив справедливо относится ко всем своим членам, воздает каждому по заслугам.
8. Отношения отдельных микрогрупп внутри коллектива характеризуются взаимопониманием, тактичностью, сотрудничеством в общих для коллектива делах.
9. Конфликты в группе возникают редко, по серьезным причинам, разрешаются справедливо и доброжелательно.
10. В критические периоды группа сплочивается, руководствуется принципом «один – за всех и все – за одного».
11. Новички чувствуют к себе доброжелательное и заботливое отношение группы.
12. Группе нравится быть вместе в институте и вне его.
13. Студенты любят свою группу, радуются ее успехам, огорчаются неудачам.

14. Группа серьезно относится к учебе, стремится усваивать данные знания.

15. В группе царит требовательность и нетерпимость к лентяям и прогульщикам.

16. Студенты принимают активное участие в общественной жизни группы.

17. В группе серьезно относятся к распределению общественных поручений, учитывая пожелания и склонности каждого.

18. Студенты с желанием включаются в трудовые дела группы.

19. Актив группы пользуется авторитетом и доверием.

20. Отношения группы с куратором характеризуются доброжелательностью, пониманием, сотрудничеством.

Для анализа роли различных факторов в психологическом микроклимате группы, был составлен профиль психологического микроклимата коллектива (рис. 2).

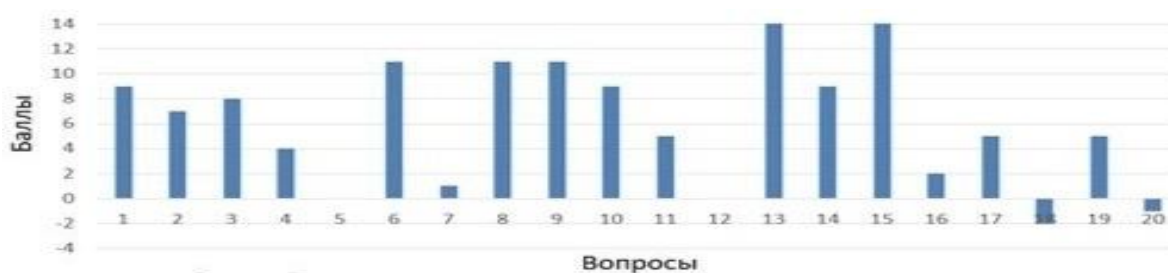

Рис. 2. Профиль психологического микроклимата группы (номера столбцов соответствуют пунктам, приведенным в тексте статьи выше)

Гистограмма на рисунке 2 выявляет положительные и негативные аспекты внутригруппового взаимодействия в коллективе:

1) положительный вклад в микроклимат группы вносят факторы 6, 8, 9, 13, 15: участники группы относятся друг к другу с симпатией; конфликты в группе происходят редко; обучающиеся любят свою группу;

2) негативными являются характеристики, выделенные в вопросах 18 и 20: участники коллектива не проявляют желания включаться в трудовые дела группы; есть проблемы в отношениях группы с руководителем, о чем говорят ответы участников на 20-й вопрос.

Профиль психологического микроклимата коллектива позволяет выявить ресурсы улучшения микроклимата группы; оценить «вклад» различных психологических факторов в комфортность взаимодействия в коллективе, его успешность.

Методика «Самооценка эмоционально-мотивационных ориента-

ций в межгрупповом взаимодействии (модифицированный вариант Н.П. Фетискина)» [1, с. 124–126] направлена на оценку межгрупповых взаимодействий коллектива.

Средний балл группы составил 9,7 баллов, что говорит о незначительном уровне благоприятности межгрупповых взаимодействий коллектива. Большая часть коллектива (67 %) (рис. 3) оценивает степень благоприятности межгруппового взаимодействия как незначительную, 22 % – как среднюю, 11 % считают, что коллектив неблагоприятно взаимодействует с другими коллективами.

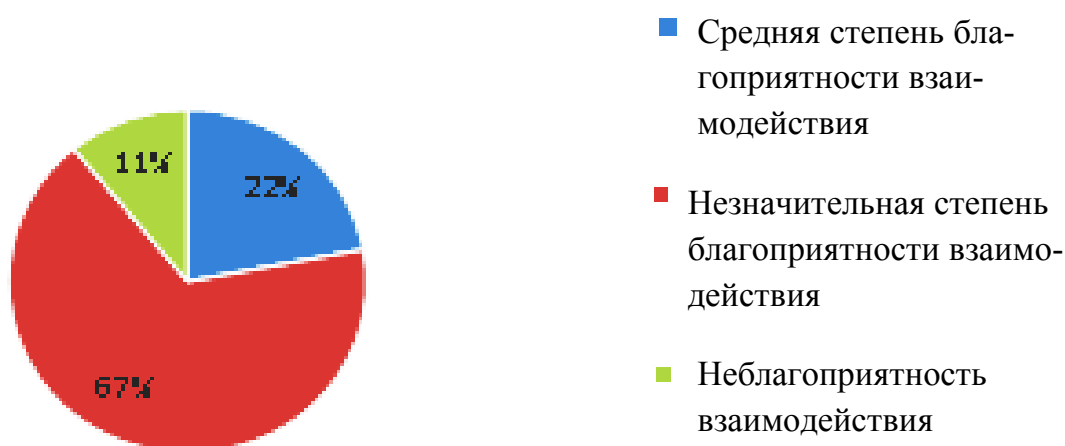

Рис. 3. Оценка степени благоприятности межгрупповых взаимодействий коллектива

Методика предполагает оценку членами группы межгрупповых взаимодействий по 14 параметрам [1, с. 125]:

1. Коллектив демонстрирует доброжелательность по отношению к другому коллективу (коллективам).
2. Даже в пылу межгрупповой дискуссии группа, отстаивая свою позицию, не превращает «борьбу идей в борьбу людей».
3. В общении с другими коллективами коллектив старается создать атмосферу товарищества, ведет себя как партнер.
4. Коллектив действует в ущерб некоторым интересам, чтобы предотвратить (урегулировать) конфликты с другими коллективами.
5. Коллектив помогает другим коллективам, если они просят об этом.
6. Коллектив охотно делится с другими коллективами своими идеями, опытом и т. д.
7. Коллектив сочувствует неудачам другого коллектива.
8. Группа осуждает и пресекает действия своих членов, которые ущемляют достоинство представителей других групп или нечестно поступают по отношению к ним.
9. Коллектив выказывает удовольствие от соревнования с други-

ми коллективами, даже если успех не сопутствовал ему.

10. Критические замечания извне в адрес коллектива воспринимаются им доброжелательно, группа стремится осмыслить и исправить свои недостатки.

11. Коллектив отказывается от достижения намеченной цели, если это может привести к обострению отношений с другой группой.

12. Коллектив высказывает благодарность другим коллективам публично.

13. В напряженных ситуациях межгруппового взаимодействия члены коллектива ведут себя корректно, сдержанно по отношению к другому коллективу.

14. При неудаче в межгрупповом соревновании коллектив ищет ее причины в собственных ошибках.

Результаты групповой самооценки представлены на рисунке 4.

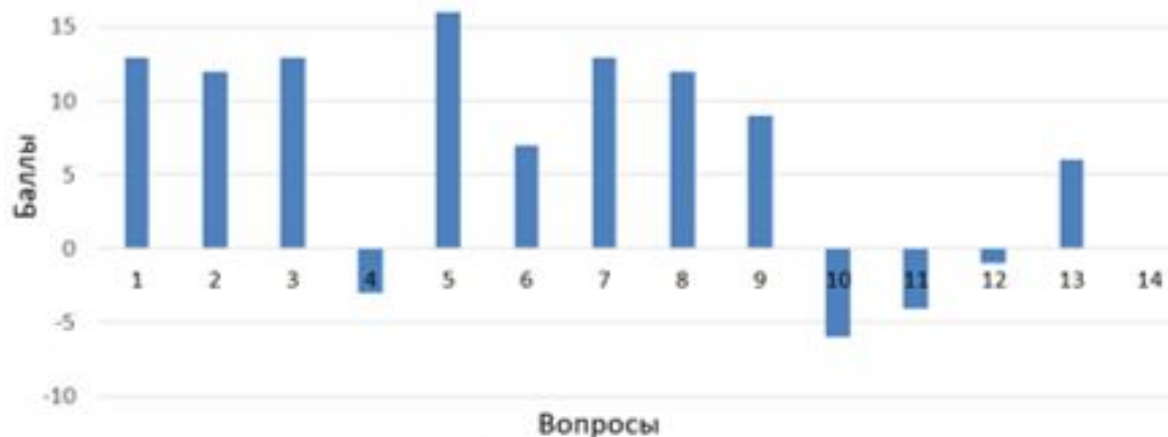

Рис. 4. Профиль межгруппового взаимодействия для оценки сильных и слабых сторон коллектива во внешних взаимодействиях (номера вопросов соответствуют пунктам, приведенным в тексте статьи выше)

Отметим уровень положительных ответов на вопросы 1, 3, 5, 7, и 8: коллектив демонстрирует доброжелательность к другим коллективам; пытается создать дружественную атмосферу; помогает и сочувствует другим коллективам (рис. 4). При этом критические замечания извне воспринимаются группой враждебно (ответы на 10-й вопрос теста); свои интересы группа ставит выше интересов других групп при возникновении конфликтов (4-й вопрос).

Методика позволяет оценить социально-психологические особенности межгруппового взаимодействия коллектива:

1) уровень межгрупповой эмпатии оценивается членами группы как *средний*;

2) уровни ориентации на межгрупповое сотрудничество и пози-

тивность межгрупповых установок – как *низкие*.

Проведенное исследование позволило сделать выводы в отношении коллектива и возможностей его развития:

1) коллектив существует во *внешней* среде, отношение которой к коллективу не безразлично для его развития и успехов;

2) существование коллектива связано с серьезными *внутренними* трудностями, которые касаются внутриличностных, межличностных и межгрупповых отношений его участников.

К *внешним* трудностям, с которыми сталкиваются участники коллектива, относятся насмешки над коллективом со стороны зрителей и сокурсников.

Основной внутриличностной проблемой является низкая дисциплина: участники группы пропускают занятия, вовремя не учат партии, неспособны своевременно подготовить костюмы. Для многих участников важно отношение к коллективу обучающихся УГЛТУ, которое неоднозначно и ведет к возникновению у некоторых его членов таких чувств, как стыд, неудобство, дискомфорт и т. п.

К *межличностным* проблемам коллектива относятся:

1) напряженные отношения между новичками и старожилами;

2) у участников коллектива нет уверенности в поддержке группы в трудную минуту;

3) коллектив делится на предпочитаемых и пренебрегаемых;

4) нет объективности в оценке отдельных членов группы;

5) участники коллектива не стремятся быть вместе вне творческой самодеятельности, каждый живет своими интересами;

6) участники с нежеланием включаются в трудовые дела группы;

7) отношения группы с руководителем характеризуются антипатией, конфликтностью.

Межгрупповые проблемы:

1) группа не поступает своими интересами даже в условиях назревающего или уже существующего конфликта;

2) критические замечания извне воспринимаются группой враждебно и вызывают стремление к отпору, групповое упрямство;

3) группа не отказывается от достижения намеченной цели, даже если это может привести к обострению отношений с другой группой (группами);

4) группа склонна высказывать публичные претензии другим группам;

5) при неудаче в межгрупповом соревновании группа ищет ее причины в действиях соперников.

Проанализировав проблемы коллектива, авторы разработали *ре-*

комендации, выполнение которых может привести к улучшению психологического микроклимата коллектива и его межгрупповых взаимодействий:

1) для снятия напряжения между новичками и старожилами можно ввести «обряд посвящения»: новички с желанием втянутся в трудовые будни коллектива;

2) необходимо повысить дисциплину, т. к. она может косвенно влиять на успешность коллектива;

3) изменить отношение руководителя к коллективу: руководитель не должен забывать, что помимо деятельности по подготовке к концертам, в коллективе необходимо поддерживать благоприятный микроклимат, находить подход к каждому участнику, уметь прогнозировать и регулировать возникающие конфликты;

4) участникам коллектива необходимо проводить вместе больше времени вне репетиций и выступлений – это может положительно повлиять на сплоченность коллектива;

5) участникам группы следует научиться, в случаях конфликтных ситуаций учитывать интересы других коллективов наравне со своими; воспринимать критические замечания извне доброжелательно, стремиться осмыслить и исправить свои недостатки; быть тактичнее в общении с другими коллективами.

В целом, проведенное исследование позволяет прийти к заключению, что умение разрешать конфликты является важным социальным навыком, который должен формироваться в процессе получения высшего образования и быть неотъемлемой частью воспитательной работы в высшей школе.

Библиографический список

1. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Изд-во Института психотерапии, 2002. 362 с.

2. Оценка микроклимата студенческой группы. URL: https://docs.google.com/forms/d/1xiEJdX6erKZmylPkD3ONmfT_HouojR32S7US4YcvhwI/edit?usp=forms_home (дата обращения: 17.06.2018).

3. Самооценка эмоционально-мотивационных ориентаций в межгрупповом взаимодействии. – URL: https://docs.google.com/forms/d/1rJ60IjovuK4naMo0FZQm3-qRqYUOqXRh6X4pnbKnII4/edit?usp=forms_home (дата обращения: 17.06.2018).

4. Интервью для ушедших из коллектива. URL: <https://docs.google.com/forms/d/1Xooc4eRwf5ZSB9jnHL27YhRiPRBAuQoAc8RUObQMK0E/edit> **Ошибка! Недопустимый объект гиперссылки.** (дата обращения: 17.06.2018).

ГРНТИ 16.31.41+51
УДК 811.111

И.А. Здорнов, Г.А. Шор
УГЛТУ, Екатеринбург

ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ ТЕКСТОВ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

В данной статье приведен краткий обзор ряда существенных проблем, с которыми сталкиваются студенты-нелингвисты. Приводится пример алгоритма действий при обучении профессионально ориентированному переводу в неязыковом вузе.

Ключевые слова: перевод, студенты-нелингвисты, профессионально ориентированный перевод, перевод с английского на русский, неязыковой вуз.

Проблемы обучения переводу являются объектом пристального внимания современных ученых, что обусловлено сложившейся в последнее десятилетие ситуацией в образовательной сфере, которая по своему уникальна [1]. С одной стороны, возникла жесточайшая потребность в инновационных кадрах технического, негуманитарного профиля, с другой – возросли требования к уровню владения иностранным языком.

В статье «Обучение специальному переводу в неязыковом вузе...» И.А. Гусейнова приводит примеры и выстраивает модель (рис. 1), отражающую последовательность лингводидактического взаимодействия между теориями и практиками межкультурной коммуникации (МК) и теорией и практикой перевода. Указанное противоречие носит характер антиномии.

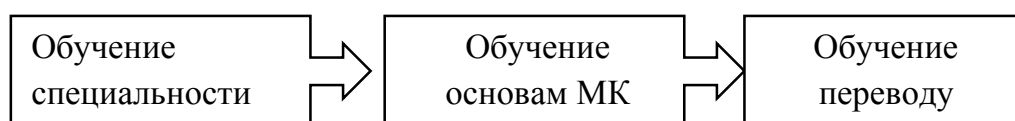

Рис. 1. Последовательность лингводидактического взаимодействия

Таким образом, на первом месте стоит обучение специальности при одновременном или последующем обучении основам межкультурной коммуникации с выходом в переводческую деятельность. Напомним, что переводческая деятельность предполагает профессиональную компетентность как в отраслевом знании, так и в лингвистическом [1].

Автор [1], обобщая наблюдения, отмечает, что зачастую при обучении переводу в нелингвистических вузах декларируется интегративная

модель обучения, однако в действительности обучение осуществляется по другой схеме. Студентам предлагаются чтение специальных или предметно-специальных текстов и их перевод с иностранного языка на русский. Предполагается, что *студент должен выполнить перевод аутентичного специального текста, измеряемого в знаках, для того чтобы быть аттестованным по данному предмету*. В указанном случае перевод реализуется в письменной форме и служит не столько формированию переводческой компетенции, сколько механической работе над текстом, которая не включает комплекса заданий и упражнений, направленных на формирование профессиональной, межкультурной, коммуникативной, переводческой и иных компетенций.

В данной статье мы попытаемся проанализировать и рассмотреть те возможные трудности, которые могут возникнуть у студентов при переводе текстов по профессионально ориентированной тематике, а также предложим возможные пути их решения.

Многие практикующие преподаватели профессионально ориентированного (письменного) перевода отмечают, что в процессе перевода студенты-нелингвисты сталкиваются с рядом существенных проблем, например А.Е. Белоусова указывает на наличие следующих трудностей [2, 3] у обучающихся:

- 1) отсутствует навык работы со словарями;
- 2) они не видят грамматическую схему сложных предложений, что провоцирует смысловые ошибки;
- 3) имеется страх перед трансформациями;
- 4) обучающиеся нелингвистических специальностей плохо различают регистры стилистической окраски лексики;
- 5) отсутствуют фоновые знания о стране изучаемого языка [3].

Как отмечает Ю.А. Ефимова [4], весьма остро стоит проблема понимания иностранной речи как устной, так и письменной. Студенты неязыковых вузов особые затруднения испытывают в переводе профессионально ориентированных текстов, в которых терминологическая лексика переплетается с характерными грамматическими конструкциями английского языка.

Перевод сложен как вид деятельности сам по себе. Более того, на практике обучающийся должен преодолевать препятствия, которые ещё больше усложняют процесс перевода. Автор отмечает следующие наиболее типичные проблемы в переводе:

- незнание лексики терминологического характера;
- неумение распознать грамматические конструкции;
- отсутствие навыков работы со словарем;
- несформированность учебных умений, необходимых в процессе перевода (например, отсутствие системы заучивания лексики, введение ее в активный словарный запас и т. д.).

К одной из основных проблем можно отнести также подбор значения слова, адекватного контексту переводимого текста [4].

Существует определенный смысл в том, чтобы студенты неязыкового вуза учились работать со словарем. Ю.А. Ефимова подразумевает следующие действия: находить эквиваленты искомым словам и выражений, предваряя данные действия определением грамматической структуры искомых элементов. Указанный выше навык формируется в процессе многочисленных тренировочных упражнений, направленных на выделение основы в английском слове, вычленении пре-/суффиксов и окончаний. Быстрота и точность определения значения переводимого слова (выражения) прямо пропорциональна уровню автоматизации рассматриваемого навыка [4].

Следующий этап, по мнению Ю.А. Ефимовой, в процессе перевода профессионально ориентированного текста – это оценивание адекватности перевода.

Целью перевода является установление отношений эквивалентности между исходным и переводным текстом; говоря иначе, оба текста несут в себе одно и то же сообщение. Удачным считается тот перевод, который соответствует двум критериям:

1. *Точности, или достоверности.* Характеризуется тем, насколько точно перевод передает смысл исходного текста; добавляется или игнорируется что-либо в оригинале переводимого текста, происходит ли усиление или ослабление каких-либо элементов.

2. *Прозрачности.* Здесь речь идет о мере, в которой перевод воспринимается носителем языка не как перевод, а как оригинальный текст на переводящем языке, соответствующий грамматическим, синтаксическим и идиоматическим нормам языка.

Перевод, который соответствует первому критерию, можно назвать «верным переводом»; перевод, отвечающий второму критерию, характеризуется как идиоматический перевод [4].

Отдельным пунктом Ю.А. Ефимова рассматривает проблему мотивирования переводческой деятельности обучающихся в нелингвистическом вузе. Автор отмечает, что, как правило, преподаватели, обучающие профессионально ориентированному переводу, сталкиваются с непреодолимым желанием со стороны студентов «пропустить» оригинал текста через систему компьютерного переводчика. При этом существует ошибочное мнение, что подобными действиями достигается цель переводческой деятельности. Как довести до сознания обучающихся, что процесс профессионально ориентированного перевода преследует иные цели? Следовательно, преподавателю надо так

организовать процесс обучения профессионально ориентированному переводу, чтобы у обучающихся в нелингвистическом вузе не возникло сомнений в необходимости совершаемых ими действий, чтобы студенты четко видели область применения получаемой из текста информации [4].

Ю.А. Ефимовой предложен определенный алгоритм действий при обучении профессионально ориентированному переводу в неязыковом вузе (рис. 2).

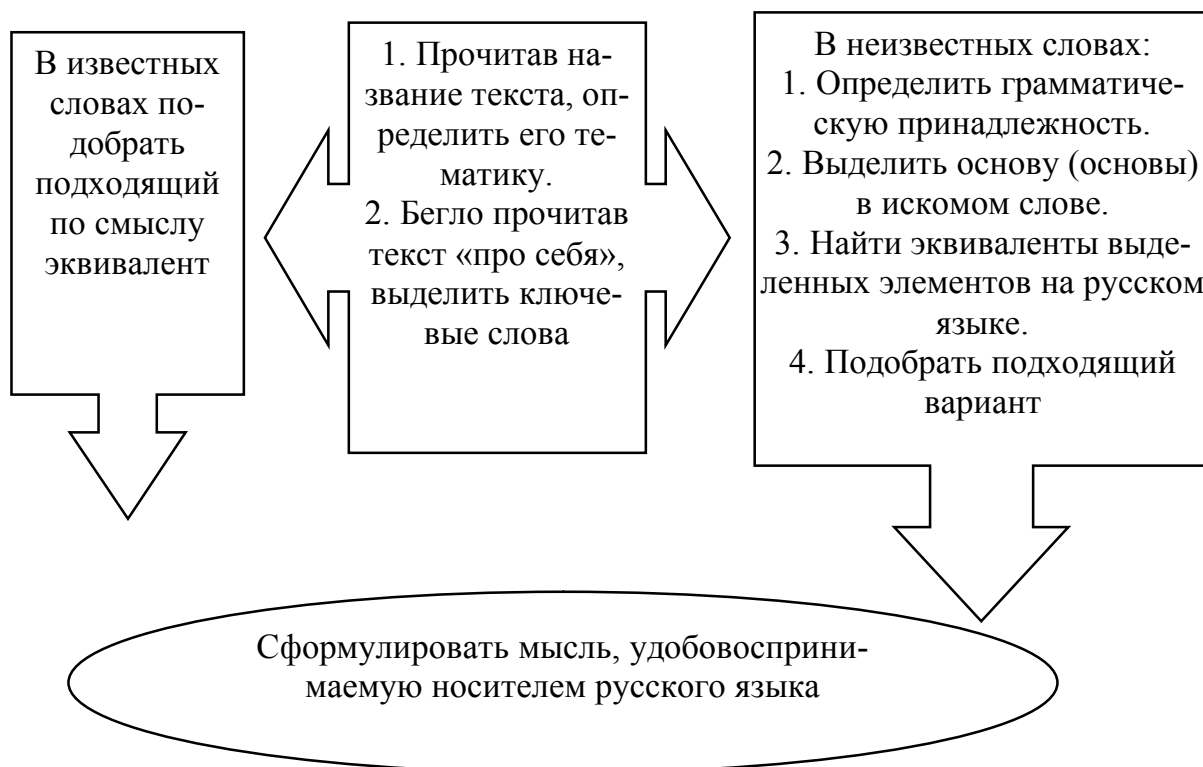

Рис. 2. Алгоритм действий при обучении профессионально ориентированному переводу в неязыковом вузе

Когда преподаватель дает задание, напрямую связанное с переводческой деятельностью (например: «Читайте текст и сделайте письменный перевод»). Как правило, у студентов подобные слова вызывают негативизм. Согласно опросу, большинство обучающихся жалуется на «однотипность и надоедливость» такого рода деятельности [4].

Подводя итог выше сказанному, Ю.А. Ефимова придерживается той точки зрения, что для улучшения качества перевода профессионально ориентированного текста в неязыковом вузе необходима система специально разработанных упражнений, направленных на формирование и развитие общеучебных навыков обучающихся. Таким образом, обучение специальному переводу в неязыковом вузе, как

отмечает И.А. Гусейнова, представляет собой сложный многокомпонентный процесс, который может привести к успешному результату только при соблюдении определенной последовательности действий, их продуманности и постоянной оценке на соответствие их поставленной/заявленной цели.

Чтобы заинтересовать студентов, вызвать у них желание самостоятельно получить информацию из предоставленного им текста, преподавателю необходимо самому научиться ставить проблемного рода вопросы, побуждающие к развертыванию учебной переводческой деятельности [4].

Библиографический список

1. Гусейнова И.А. Обучение специальному переводу в неязыковом вузе: проблемы и пути решения // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Образование и педагогические науки. 2013. № 12 (672). С. 145–152.

2. Куковская А.В. Стратегия перевода и креативность: из опыта обучения профессионально ориентированному переводу с английского на русский язык студентов нелингвистических специальностей // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Образование и педагогические науки. 2014. № 14 (700). С. 97–106.

3. Белоусова А.Е. Особенности преподавания профессионально ориентированного перевода студентам нелингвистических специальностей // Современный образовательный контекст: традиции и инновации в обучении иностранным языкам: сб. науч. тр. Ч. 2. Лингводидактические основы обучения иноязычному профессиональному общению. М.: Рема, 2012. 148 с.

4. Ефимова Ю.А. Решение проблемы перевода профессионально ориентированных текстов в неязыковом вузе // Вопросы прикладной лингвистики. 2010. № 3. С. 153–158.

РОССИЙСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ: ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

ГРНТИ 03.23.31
УДК 930.1

С.В. Сайтанов
Москва

ЦИВИЛИЗАЦИОННО-ФОРМАЦИОННЫЙ ПОДХОД И ЛИНЕЙНОСТЬ ИСТОРИИ У Н.Я. ДАНИЛЕВСКОГО И П.А. КРОПОТКИНА

Николай Яковлевич Данилевский и Петр Алексеевич Кропоткин, будучи столь разными по своим общественно-политическим взглядам, исповедовали очень схожие методологические концепции, которые можно условно обозначить как цивилизационно-формационный подход в области философии истории. Оба они искали универсальные законы развития человеческого общества по образцу законов природы. В то же время они стремились выстроить некоторую иерархию в системе прогрессивного развития обществ, государств и цивилизаций. Их сопоставление позволяет нам выйти на новый уровень рассмотрения данной проблемы.

Ключевые слова: Н.Я. Данилевский, П.А. Кропоткин, цивилизационно-формационный подход, философия истории, методология, линейность истории, теория культурно-исторических типов, анархо-реформизм.

На первый взгляд, что может быть общего у славянофила Данилевского и анархиста Кропоткина? Один говорил о самобытности каждой цивилизации и ее неповторимости, другой утверждал, что любое государство, а значит и цивилизация, построенная на государственной власти, – это зло. Но при более детальном рассмотрении оказывается, что точки соприкосновения все-таки есть и весьма значительные. В определенной степени молодой Николай Яковлевич являлся приверженцем научной традиции органицизма. Для представителей этого направления казалось естественным полагать, что мир субстанционально обладает органической структурой, что реальность имеет организацию, совпадающую с организацией живого организма. И человек является лишь частью природы, а вся природа является неким общим единством, единым организмом.

Данилевский верил, что научное познание могло бы кардинально изменить взаимоотношения человека с природой. Что человек и общество могли бы быть рационализированы, что человек уже находится, казалось бы, на грани полного познания природы, и что он уже может «водворить повсеместно гармонию и достигнуть тем своего

земного назначения, состоящего в обработке, украшении, гармонизации данного ему Всевышним существом в жилище и в управление» [1, с. 17]. В этот период своей деятельности Николай Яковлевич если и не стоял полностью на позициях европоцентризма, то по крайней мере отстаивал приоритет общечеловеческих ценностей. Таким образом, история представлялась Данилевскому историей человеческих открытий законов природы, его приспособления к ним и посредством этого осуществлением естественных стремлений человека. Он считал, что история – это прогресс науки и ее применения к человеческому общежитию [2, с. 294].

В новейшее время подобное мнение затем «переродилось даже в странную теорию исторической необходимости», в соответствии с которой «все что ни есть, необходимо должно быть». Уже тогда ошибочность утверждения теории исторической необходимости была обусловлена, по Данилевскому, смешением понятия причины с понятием необходимости. Причина данной ошибки заключается в неверном методе мышления: обобщая частности, переносят заключение от части к целому. Так, в одной из поздних своих публикаций он утверждал, что «идеальной формы правления не существует... вопрос о лучшей форме правления для известного государства решается не политической метафизикой, а историей» [3].

Позже Николай Яковлевич изменил свои первоначальные философско-исторические взгляды, сделав решительный шаг в сторону от гегелевской модели истории. Наука, утверждал он, не способна постигнуть тайны бытия, так как ее цель – «знание только полной иерархической соподчиненности системы фактов и явлений природы, в ее цельности или в какой-нибудь категории их» [4, с. 507].

Теперь главной целью своих культурологических и историософских исследований Данилевский стал считать развенчание европоцентристских теорий. Приводя примеры триумфа науки и цивилизации, он заключал: «Нельзя себе даже представить, какие должны воспоследовать перемены в общественных отношениях через открытия, которыми чреват ум человека» [5, с. 17]. Выстраивая собственную оригинальную систему философии истории, Николай Яковлевич, прослеживал перспективу возникновения, расцвета и гибели цивилизаций, выстраивал их иерархически на 1, 2, 3 и 4 основных началах, которые, по его мнению, определяют степень совершенства каждой из них. Самой совершенной, правда, только из нарождающихся цивилизаций, оказывалась Российская империя.

Таким образом, самобытность каждой цивилизации странным образом соседствует с поступательностью ее развития. При этом объявлена

Данилевским и конечная цель такого развития, которая предполагается в качестве совершенной по своим внутренним началам. Если же под этими началами мы будем понимать некие формы, определяющие суть каждой из цивилизаций, то мы получим уже не чисто цивилизационный, но синтезированный подход, а именно – цивилизационно-формационный подход [6].

При анализе новой социально-политической реальности Данилевский в своей философско-исторической концепции по-прежнему отталкивался от учения Фурье о «страстях», но при этом обнаружил, как основополагающее существование политических интересов («коренных устремлений» по Данилевскому). Главной целью Николай Яковлевич поставил себе пробуждение и уяснение интересов, возбуждение в этих интересах сознания своей силы, а именно русских политических интересов. На первый план он выдвинул субъективный фактор: выдающиеся личности должны выявлять истинные интересы своей нации и увлекать за собой массы. Значит, цивилизационный подход Данилевского не вполне цивилизационный. То же самое мы можем наблюдать и в ранней философии истории Петра Алексеевича Кропоткина. Его философско-историческая концепция тоже менялась вместе с изменением его общественно-политических взглядов от либерально-конституционных к анархо-радикальным, а затем к анархо-реформистским. В своих ранних анархических общественно-политических взглядах он придерживался радикальных идей переустройства общества. Петр Алексеевич проповедовал доктрину самоценности духовно-творческой жизни личности, оправдывал и защищал бунтарские страсти в человеческой природе. Отрицая государственное принуждение, он выступал за организацию общества на принципах добровольного соглашения. Его социальным идеалом был безгосударственный (анархический) коммунизм.

Из утопических социалистов Кропоткин особо выделял Ш. Фурье, которого называл гениальным человеком и глубоким мыслителем и рассматривал его как одного из своих предшественников. Петр Алексеевич находил достойным внимания высказывания Фурье об общинах как основных единицах нового социума, которые путем добровольных соглашений могут составлять федерации, о том, что труд в этих общинах должен быть привлекателен по своему характеру и более производителен чем ныне, что поддерживать порядок здесь будет общественное мнение [7].

Кропоткин сформулировал философско-историческую концепцию «общественного прогресса», согласно которой развитие общества происходит путем скачков и эволюций; социальная революция

является в ней закономерным этапом, скачком, ведущим в конечном итоге к полной ликвидации всех государственных институтов [8].

Кропоткин вначале объявил Средневековье высшей точкой развития человечества. Именно в европейской средневековой цивилизации он усматривал наивысший расцвет «протоанархических» общественных цеховых объединений. Для него эти свободные объединения свободных цехов и городских коммун являлись результатом постепенного развития человеческого роста, перерождаясь от цивилизации к цивилизации [9].

Петр Алексеевич вначале утверждал, что после усиления в Европе государственного начала, ставшего подавлять вольные общины, цеха и коммуны, история человечества как бы пошла вспять к своей гибели. Но позже [9, с. 643–644] он обнаружил, что ряд государств в форме демократических федеративных республик, напротив, ведут историю человечества в направлении строительства самой совершенной формы общежития – к построению анархического общества, которое и будет вершиной и концом исторического развития человечества [10, с. 66–69]. Таким образом, и здесь, как нам кажется, уместно применить термин цивилизационно-формационного подхода в философии истории.

Некоторое сходство в философско-исторических концепциях двух рассматриваемых здесь мыслителей мы можем обнаружить и в вопросе линейности истории человеческого развития от менее совершенных государственных форм политического устройства и культурного развития к более совершенным. Другое дело, что у Данилевского мы видим более четкую направленность: помимо возрастающей иерархии оснований в развитии цивилизаций, он утверждает, что каждая цивилизация смертна, а на смену ей приходит новая цивилизация, хотя и не всегда последовательно [11, с. 133].

Следовательно, и цивилизационно-формационный подход, и линейность исторического процесса были характерны и для Данилевского, и для Кропоткина, хотя и в разной степени и в разной последовательности. Если для ранней консервативно-романтической философии истории Кропоткина была присуща идея возврата к утраченным ценностям и путям развития, то для патристически-прагматической философии истории Данилевского – идея сохранения и усиления возможностей, ценностей и развития России на пути становления в ней высшей формации в развитии человечества.

Другое дело – это те пути и методы достижения в развитии цивилизаций, поставленные каждым из этих двух неординарных мыслителей. Прежде всего это относится к тем движущим силам в истории,

которые способны помочь или, напротив, помешать движению в заданном направлении.

Если для Данилевского движущей силой истории, безусловно, является государство с его практически неограниченными в России возможностями и к которому автор теории культурно-исторических типов постоянно апеллирует, то для Кропоткина, напротив, первоначально государство являлось главным тормозом построения анархического общества на принципах взаимопомощи, справедливости и свободы [5, с. 653]. Общество, по Кропоткину, – это организм, представляющий собой федерацию свободных производственных общин (коммун), где личность, руководствуясь правилами солидарности, получает все возможности для развития [12]. Моделью нового общества Кропоткин считал федерацию самоуправляющихся общин [13, с. 56].

Николай Яковлевич отождествлял государство с цивилизацией, не видя особого отличия между властью и обществом. Петр Алексеевич же именно общественное начало считал наиболее жизнеспособным, хотя и подчиненным внешней силе государственного диктата. Впоследствии Кропоткин даже полагал, что необходимым условием, позволяющим добиваться становления анархического общества, являются общедемократические свободы, основанные на традициях. Большую роль в этом процессе сыграло и то обстоятельство, что Кропоткин долгое время находился в эмиграции и проживал в основном в Англии – он проникся многими идеями западной цивилизации. Так, в политической сфере он стал во многом сочувствовать идеям демократии, а по возвращению в Россию даже призвал на Государственном совещании, устроенном премьер-министром нового революционного Временного правительства России А.Ф. Керенским, к установлению в России демократической федеративной республики [14, с. 229–232].

К концу своей жизни Кропоткин изменил свои взгляды на способы достижения анархии, а, следовательно, и изменил свое отношение к роли в этом процессе и государства. После революции, полагал Кропоткин, преобразованное государство станет федерацией. Переходной стадией к этому состоянию общества может быть федеративное государство или союз государств – конфедерация. Эта идея стала настолько важна для Петра Алексеевича, что он, будучи по-прежнему противником какого-либо участия в политической жизни государства, тем не менее возглавил в Москве Лигу федералистов, призванную выработать те самые принципы федерализма [15, с. 18–22].

В обоснование собственной философско-исторической концепции, а также в развитии анархических традиций Кропоткин ссылался на авторитет М.А. Бакунина и объявлял целью создания такого государства – объединение всей Европы в один государственный союз.

«Лучшие люди второй половины XIX века (в т. ч. М.А. Бакунин) проповедовали республиканскую федерацию, т. е. Балканские Соединенные Штаты, как зачаток Соединенных Штатов Европы», – утверждает Кропоткин [16, с. 173]. Более того, Кропоткин, выстраивая, как и Данилевский, определенную иерархию прогрессивных государств-цивилизаций, считал образцами такого государственного федерализма такие страны, как Швейцария, Соединенные Штаты и Англия [17, с. 4–6; 18, с. 67], полагая их прогрессивными государствами, могущими стать переходным этапом на пути к строительству будущего безгосударственного анархического общества [18]. Следовательно, и в этом вопросе у Данилевского и Кропоткина можно обнаружить некоторые точки соприкосновения. А значит, между ними есть не только бросающиеся в глаза различия, но и некоторая общность, по крайней мере в методах их рассуждений. Прежде всего это очень схожие методологические концепции, которые можно условно обозначить как цивилизационно-формационный подход в области философии истории. Вторым значительным принципом в их философии истории является линейность в историческом процессе развития человечества. При этом оба они искали универсальные законы развития человеческого общества по образцу законов природы. И в то же время стремились выстроить некоторую иерархию в системе прогрессивного развития обществ, государств и цивилизаций, в соответствии с понятием прогрессивного развития человеческой истории.

Библиографический список

1. Данилевский Н.Я. Космос. Опыт физического мироописания Ал. фон Гумбольдта // Отечественные записки: Т. 59. 1848. С. 17.
2. Дело Петрашевцев: Т. II. М., 1941. С. 294.
3. Данилевский Н.Я. Несколько слов по поводу конституционных вождений нашей «либеральной прессы» // Московские ведомости. № 4. Данилевский Н.Я. Дарвинизм. Критическое исследование: Т. I. Ч. 2. СПб, 1885. С. 507.
4. Данилевский Н.Я. Космос. Опыт физического мироописания Ал. фон Гумбольдта // Отечественные записки, 1848, Т. 59.
5. Бубенко О.Н. Федерализм как основа будущего общественного устройства в теории П.А. Кропоткина // Конституционализм и федерализм в России (XIX–XX вв.): сборник статей. Барнаул, 2004.
6. Сайтанов С.В. Теория культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского в критическом рассмотрении. М., 2014.
7. Сухов А.Д. П.А. Кропоткин как философ. М., 2007. С. 95.
8. Желтов В.В. История политических идей. Кемерово, 2002. С. 462.

9. Кропоткин П.А. Государство и его роль в истории // Петр Кропоткин. Анархия, ее философия, ее идеал. М., 2004.
10. ГАРФ. Ф. 1129. Оп. 1. Ед. хр. 735. Л. 66–69.
11. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб, 1895.
12. Анархия. Кропоткин, ученый, мыслитель, анархист. URL: <http://www.hoy.narod.ru/kropotkin.html> (дата обращения: 17.06.2018).
13. Лебедева А.П. Идеи П.А. Кропоткина и современное анархическое движение // Труды Междунар. науч. конф., посв. 150-летию со дня рожд. П.А. Кропоткина. М., Дмитров, СПб, 9–15 декабря 1992 г. Вып. 3. М., 1995. С. 56.
14. Кропоткин П.А. Речь на Государственном совещании 15 августа // Государственное совещание 12–15 августа 1917 г. М.; Л., 1930.
15. Петушкова И.В. Не рвите вековой связи // Труды комиссии по научному наследию П.А. Кропоткина. Вып. 2. М., 1992.
16. Кропоткин П.А. Обращение к украинскому народу: публикация И.В. Петушковой // Труды комиссии по научному наследию П.А. Кропоткина. Вып. 1. М.: Институт экономики РАН, 1992. С. 173.
17. ГАРФ. Ф. 1129. Оп. 1. Ед. хр. 766. Л. 4–6.
18. Сайтанов С.В. Анархо-реформизм П.А. Кропоткина: новая трактовка его поздних общественно-политических взглядов. М., 2014.

ГРНТИ 03.09.55
УДК 094(47).083

Д.Ю. Пухов
УГЛТУ, Екатеринбург

ИСТОРИЯ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ПРЕССЫ ПЕРИОДА ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (ВЯТСКАЯ «КРЕСТЬЯНСКАЯ ГАЗЕТА»)

В статье рассматривается идейное содержание вятской «Крестьянской газеты». На основе анализа ценностных установок авторов публикаций, их представлений о монархическом режиме начала XX в., союзниках и оппонентах, перспективах политических и социальных реформ делается вывод о неонароднической направленности издания. Показаны попытки «Крестьянской газеты» оказывать воздействие на политическое поведение читательской аудитории, а также взаимоотношения редакции с региональными органами государственной власти.

Ключевые слова: революция 1905–1907 гг., вятская пресса начала XX века, история уральской печати, провинциальная интеллигенция, народничество.

Развитие системы газетной печати являлось одной из важных составляющих модернизационных процессов в дореволюционной

России. Пресса постепенно становилась все более значимым фактором политической социализации, в то время как институты традиционного общества в определенной степени утрачивали возможности культуроформирующего влияния. Особенно быстрое расширение системы региональной периодики характерны для первой русской революции.

После издания Манифеста 17 октября наблюдается существенное увеличение количества издаваемых газет. Одновременно становится возможным активное обсуждение социально-политической проблематики на страницах легальных изданий. Исследование идейной направленности региональных газет является значимым аспектом изучения революционных процессов 1905–1907 гг. В российской провинции, а также имеет важное источниковедческое значение.

Проблемы, связанные с функционированием системы вятской губернской прессы начала XX в., рассматривались в работах А.А. Вахрушева [1, 2], И.В. Нарского [3], В.Д. Сергеева [4], Д.Ю. Пухова [5, 6] и других исследователей. Тем не менее исследование идейного содержания региональной прессы, ее роли в культурной и общественно-политической жизни сохраняет актуальность.

28 февраля 1906 в Вятке началось издание «Крестьянской газеты». Ее официальными издателями в разное время были лидер вятских эсеров А.А. Гурьев (с 28 февраля по 17 марта) и Н.Н. Бельский (с 17 марта до закрытия газеты), а ответственными редакторами – эсер Д.П. Бирюков (до 6 мая) и И.А. Владиславлев (с 6 мая). Должность секретаря редакции занимал И.К. Зеленов (Государственный архив Кировской области, далее ГАКО. Ф. 582. Оп. 167. Д. 38. Л. 3, 4, 6, 10, 11; «Крестьянская газета», далее – К.Г., 28 февраля, 18 марта, 6 мая 1906 г.).

Газета выходила два раза в неделю и распространялась в Вятке, Слободском, Глазове, Котельниче, Орлове, Уржуме, Елабуге и Сарапуле.

Специфика издания, призванного выражать интересы крестьян (газета начала выпускаться во время первой думской избирательной кампании и была закрыта издателями вскоре после роспуска I Думы), предопределила приоритетность для редакции таких тем, как аграрный вопрос и политические реформы.

Уже в первом номере газеты Д.П. Бирюков и А.А. Гурьев декларировали, что земля «не должна служить, как теперь, для притеснения бедных богатыми». Авторы статьи выступали за концентрацию в руках государства удельных, монастырских и частновладельческих угодий с последующей передачей их тем, кто обрабатывает землю

«своими руками». При этом публицисты писали о «выкупе», а не конфискации частной собственности (К.Г., 28 февраля 1906 г.).

К. Дробинин следующим образом обосновывал на страницах «Крестьянской газеты» допустимость отчуждения частных земельных владений: «Собственность неприкосновенна, заявляют всегда официально и громогласно, но правильна ли такая собственность, законна ли она, если из-за этой «неприкосновенной» собственности бьются и голодают миллионы крестьян. Всегда ли были справедливы законы? Допустим, что, если не все законы совершенны, и тем более – законники, то неужели нельзя исправить ошибки или даже попустительство начальства – передать землю тем, кто ее обрабатывает своими руками» (К.Г., 10 мая 1906 г.).

Первоочередная важность решения аграрного вопроса неоднократно подчеркивалась в публикациях «Крестьянской газеты», причем иногда это делалось в достаточно радикальной форме. «Землю – крестьянам, иначе прольется кровь, и нашу родину постигнут такие смятения, которые мы еще никогда не видели», – утверждалось в одной из статей (К.Г., 15 апреля 1906 г.).

Вятское издание критиковало сторонников ликвидации общины, целью которых, по мнению публицистов, являлось формирование слоя богатых крестьян, которые могли бы стать опорой власти, и усиление противоречий в крестьянской среде.

Переселение за Урал, с точки зрения редакции, не могло решить проблему малоземелья из-за недостаточного количества сибирских земель, пригодных для сельского хозяйства. Газета призывала читателей не надеяться на Крестьянский банк т. к., во-первых, «по своим оборотам» он «не в состоянии оказать значительной помощи крестьянству в земле», и, во-вторых, через банк крестьяне «получат земли втридорога». По мнению автора редакционной статьи, деятельность банка лишь «усилит ту рознь среди крестьянства, которая создается теперь неравным распределением земли между ними, и поможет деревенским кулакам захватить те помещичьи земли, которые при иных условиях достались бы трудящемуся крестьянству» (К.Г., 15 апреля 1906 г.).

Указ от 12 августа 1906 г. об удельных землях вызвал критическую реакцию «Крестьянской газеты». Поскольку «по существу удельные земли есть земли государственные», – считал автор редакционной статьи, то они должны передаваться крестьянам безвозмездно. – «Не самые обделенные получают землю, а те, кому счастье выпало иметь деньги, да жить около удельных земель» (К.Г., 31 августа 1906 г.), – утверждалось в публикации.

По мнению авторов газеты, содействовать улучшению положения крестьян могли такие меры, как снижение взимаемых с них налогов, введение прогрессивного подоходного налога, отмена выкупных платежей, бесплатное образование.

«Крестьянская газета» критиковала правительство за то, что оно не предпринимает усилий для улучшения положения рабочих. В конфликтах рабочих и владельцев предприятий, считал публицист, власть «встает всецело» на сторону последних, что позволяет заводчикам игнорировать требования пролетариата. Газета ознакомила читателей с программой Трудовой группы по рабочему вопросу.

В публикациях «Крестьянской газеты», посвященных политическим преобразованиям, пропагандировались демократические идеи. Так, в первом выпуске издания от 28 февраля 1906 г. В статье Д.П. Бирюкова и А.А. Гурьева утверждалось, что «народ должен управлять государством через своих доверенных».

В том же номере Д.П. Бирюков критиковал предусмотренную законом систему выборов и порядок их проведения в условиях усиленной охраны. «Всякому ясно, – делал вывод редактор «Крестьянской газеты», – что это будут не настоящие народные представители, свободно избранные всем народом, они будут выбраны неправильно и потому верить такой Думе нельзя будет» (К.Г., 28 февраля 1906 г.).

В статье Д.П. Бирюкова и в других публикациях вятского издания проводилась идея о том, что задачи Думы должны сводиться к организации созыва Учредительного собрания на основе «четырёххвостки» при условии реализации свобод, обещанных Манифестом 17 октября.

Публицисты «Крестьянской газеты» подчеркивали, что проведение радикальных социальных реформ, прежде всего – решение аграрного вопроса, невозможно без политических преобразований. А.А. Гурьев писал, что крестьянская реформа Александра II получилась несправедливой потому, что ее «устраивало правительство, а не народ». С современными реформами подобное не повторится, утверждал автор статьи, только в том случае, если их будут проводить не министры, а Учредительное собрание. В ряде публикаций правительство рассматривалось как выразитель дворянских интересов, высказывалось мнение о его неспособности проводить реформы, отвечающие потребностям крестьян. «Будущая Государственная дума должна быть полем сражения между народными представителями и старым правительством», – утверждалось в одной из редакционных статей.

«Крестьянская газета» призывала читателей голосовать на думских выборах за кандидатов, разделяющих программу редакции и

готовых «к непримиримой борьбе со старым порядком». «Ближе всего к этой программе те выборщики, которые состоят во Всероссийском крестьянском союзе и партии народной свободы», – писала газета. Редакция советовала крестьянам делать свой выбор в зависимости от политических взглядов кандидатов, а не от их сословной принадлежности (К.Г., 11, 13 апреля 1906 г.).

На страницах вятского издания велась агитация против консервативных политических сил, которые, по мнению редакции, выражали интересы помещичьего землевладения. Читателей призывали не голосовать за либерально-консервативную партию правового порядка.

Газета положительно оценила результаты первых думских выборов как в Вятской губернии, где победили конституционные демократы, так и в стране в целом. Отметив, что в состав партии народной свободы «вошло много социалистов», редакция заявила о своем согласии с кадетской программой «во всем, кроме вопроса о земле». В то же время автор редакционной статьи признавал, что от предложенных кадетами аграрных реформ «народу будет большая польза». Публицист полагал, что кадетская партия способна вести борьбу с правительством, т. к. «члены ее давно уже начали эту борьбу и призывали к ней... поэтому, – заключал автор статьи, – нужно поддерживать кадетскую Думу, требовать, чтобы она мужественно повела борьбу за народную свободу» (К.Г., 11 апреля, 2 мая 1906 г.).

Вятские публицисты призывали читателей посылать в Государственную думу приговоры и телеграммы с выражением солидарности с ее позицией, участвовать в деятельности Крестьянского союза, быть готовыми «противодействовать всяким попыткам правительства уничтожить или обессилить по его же законам созванное народное представительство» (К.Г., 2 мая 1906 г.). «Крестьянская газета» положительно отзывалась о работе Трудовой группы.

По мере нарастания конфликта между правительством и I Думой, со страниц газеты звучали все более резкие заявления о необходимости его отставки, граничившие иногда с призывом к массовому протесту. Так, в номере от 26 мая, который был издан в виде 24-страничной брошюры и посвящен разъяснению позиций Государственной думы и ее оппонентов, А.А. Гурьев писал, что, если министры не уйдут в отставку, «народ заставит их, наконец, силою очистить свои места». Одна из редакционных статей газеты завершалась призывом: «Долой палачей, убийц, насильников и грабителей обнищавшего русского народа!» (К.Г., 31 мая 1906 г.). За несколько дней до роспуска I Думы в вятском издании было опубликовано «Обращение Всероссийского крестьянского союза» к Трудовой группе, в котором

заявлялось: «Если упорство преступной бюрократии отрежет вам путь парламентской борьбы и принудит вас обратиться к народу встать на защиту своих прав, то Всероссийский Крестьянский союз поднимется как один человек и вместе с вами пойдет под общенародным знаменем «Земли и Воли!» (К.Г., 5 июля 1906 г.).

Сообщая о роспуске I Государственной думы, «Крестьянская газета» предсказывала рост насилия и выражала уверенность в возможности победы «народа» над «преступной бюрократией». В этот период были помещены несколько публикаций о волнениях в войсках, тяжелом положении солдат, недовольстве среди казаков.

Редакция вятского издания неоднократно обвиняла правительство в том, что, не желая осуществлять радикальные преобразования, оно провоцирует обострение ситуации в стране. Газета резко негативно отзывалась о репрессивных действиях власти, публиковала материалы, формируя негативный образ ее представителей: полиции, чиновников местной администрации, священников. Так, в статье А.А. Гурьева утверждалось, что земские начальники, урядники и стражники «при-тесняют» крестьян, «вносят в деревенскую жизнь неправду, беспокойство, страх». В другом номере газеты сообщалось, что полиция препятствует деятельности общественных организаций, оказывающих помощь голодающим. Помещались критические материалы о действиях земских начальников и стражников в Вятской губернии. Полиция обвинялась в участии в черносотенных погромах.

Радикальная оппозиционная направленность вятского издания не могла не вызвать репрессивных действий по отношению к нему со стороны губернских властей. Два номера газеты были конфискованы. С 17 июля по 19 августа ее выпуск приостанавливался из-за закрытия типографии Харитонова (К.Г., 1906. 8 апреля, 20, 27 августа). В июне было возбуждено уголовное дело в отношении ответственного редактора И.А. Владиславлева, причиной которого стала статья «Крестьяне, поддержите Государственную думу, вступайте в союз», опубликованная 10 июня 1906 г. По мнению вятского прокурора, статья содержала «к крестьянскому населению призыв к активной борьбе с правительством, т. е. к учинению бунтовщического деяния» (ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 964. Л. 33). Судебное преследование было начато и в отношении первого редактора газеты Д.П. Бирюкова (ГАКО. Ф. 582. Оп. 167. Д. 38. Л. 15). Издатель А.А. Гурьев был предупрежден о возможности увольнения с земской службы (К.Г., 2 сентября 1906 г.).

В начале сентября 1906 г. редакция известила читателей о решении прекратить издание газеты. «Поводом к этому послужила невозможность писать в настоящее время так, как мы писали раньше»

(К.Г., 2 сентября 1906 г.), – сообщалось в редакционном обращении к подписчикам.

Рассмотренный материал свидетельствует о неонародническом характере «Крестьянской газеты». На это указывают негативные отзывы об идее ликвидации крестьянской общины, сочетавшиеся с требованием обобществления земли и критическим отношением к кадетской аграрной программе. Сделанный вывод подтверждается и общей направленностью издания, адресованного в первую очередь крестьянской аудитории и публиковавшего относительно мало материалов о проблемах городского пролетариата.

Роль «Крестьянской газеты» в местной политической жизни определялась ее негативным отношением к монархическому режиму, выдвижением крайне радикальных для легальной прессы требований созыва Учредительного собрания, пропагандой новых для российской политической практики начала XX в. демократических ценностей, призывами к массовому неповиновению после роспуска I Государственной думы.

Библиографический список

1. Вахрушев А.А. Просветительская миссия печати и литературы в провинциальной России (на материалах Вятской губернии XVII – начала XX веков). Ижевск, 2011.
2. Вахрушев А.А. Вятская печать в годы Первой русской революции // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2013. № 5–3. С. 37–45.
3. Нарский И.В. Русская провинциальная партийность: политические объединения на Урале до 1917 г. Ч. 1, 2. Челябинск, 1995.
4. Сергеев В.Д. Поборники просветительского служения: из истории Вятки. Киров, 2000.
5. Пухов Д.Ю. Региональная пресса периода думской монархии как выразитель ценностных ориентаций провинциальной интеллигенции (по материалам газеты «Вятская речь») // Цивилизационные перемены в России. Сб. науч. трудов. Екатеринбург, 2016. С. 75–86.
6. Пухов Д.Ю. Обсуждение проблем развития народного образования в уральской прессе конца XIX – начала XX вв. (по материалам Вятской и Пермской губерний) // Историко-педагогические чтения: Т. 2. 2016. С. 68–75.

ГРНТИ 03.23.31
УДК 93/94(571.1)

И.С. Томилов
ТКНС УрО РАН, Тобольск

**РЕФОРМА ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО БЫТА
НАСЕЛЕНИЯ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ
В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX В.**

В данной статье проведено исследование взаимовлияния двух тенденций в Тобольской губернии последней трети XIX в.: перестройки органов самоуправления, с одной стороны, и трансформации культуры повседневности горожан – с другой. Реформирование самоуправления в городах Тобольской губернии выступало как катализатор процессов формирования общественного быта жителей. В свою очередь, под воздействием трансформации городской инфраструктуры Тобольской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. происходит изменение менталитета горожан, их социокультурного облика, назревает потребность системной перестройки власти как в центре, так и на местах.

Ключевые слова: город, самоуправление, общественный быт, горожане, Тобольская губерния.

К середине XIX в. как в городах Европейской России, так и в Сибири чувствовалась острая необходимость в перестройке муниципального управления, прежде всего в быстрорастущих, интенсивно укреплявшихся торговых и промышленных поселениях. Такие обстоятельства, как существенная удаленность от центрального аппарата, ведомственные интересы региональной администрации, относительно низкая стоимость недвижимого имущества, исторически сложившаяся специфическая социальная структура городского населения вызвали медлительность и задержку правительства при внедрении Городового положения 1870 г. в Тобольской губернии. Позднее эти же причины обусловили применение пластичных методов, использованных при внедрении положений нового законодательства в 90-х гг. через институты «упрощенного управления» в половине городских пунктов региона. Вертикальная связь органов самоуправления в городах губернии с государственной системой отличалась рядом особенностей, характерных для периферийных областей страны: влияние личности губернатора, членов по городским и земским делам Присутствия; удаленность региона от общеимперских органов власти (Сената, департаментов Министерства внутренних дел, Синода) и рост роли местной администрации при решении локальных вопросов внутренней политики.

Потребность в существовании новой системы устройства управления во 2-й половине XIX в. началась с введения органов городского, земского самоуправления с элементами полисословного представительства на уровне волости, уезда, губернии. В отличие от реформы в области земщины, Городовое положение 1870 г. реализовывалось в обстановке спада крестьянских и рабочих выступлений, усиления консервативных начал. В уникальной взаимодополняющей среде общественного управления сплелись сословно-категориальные, узкогрупповые, сельско-городские, профессионально-должностные формы. Перестройка уровней управления в последней трети XIX столетия осуществлялась без кардинальных, стержневых административных перемен, что стало причиной их ограниченного, поверхностного характера.

Комплекс проведенной в два этапа общегородской реформы второй половины XIX в. обострил тлевший в течение долгого времени антагонизм между старыми компонентами самодержавного строя и вновь образованными органами общественного самоуправления в городах. В отличие от центральных областей Европейской России, Тобольская губерния характеризовалась малочисленностью рабочего класса, незначительным количеством монополистических объединений и крупных торгово-промышленных предприятий. Эти отличия не позволили сформировать общероссийское соотношение классовых сторон (буржуазии и пролетариата), но привели к столкновениям интересов отдельных категорий населения – служащих (чиновников) и торгово-промышленных кругов (купцов). Нивелируя существовавшие противоречия в центре и блокируя появление новых на периферии, государство избрало политику сворачивания полномочий учреждений городского самоуправления, даже частичный демократизм которых оказался неприемлем. Дуализм и непоследовательность действий правящих кругов выражали проявления упадка самодержавия.

Природно-географический фактор являлся одной из ведущих детерминант, которые обусловили формирование признаков городского общественного быта Тобольской губернии. Распыление территории региона по разным природным зонам и климатическим поясам, отдаленность от развитых областей страны, неудовлетворительное положение транспортной инфраструктуры – все эти обстоятельства непосредственно оказали влияние на формирование социального состава, динамику процессов становления активности общественности и тенденций политизации социума, а также на устройство культурно-досуговой сферы и системы образования. В зависимости от характера сдвигов предпосылок совершенствовалось и наполнение самого быта, менялось содержание его основных составляющих – социокультурной и общественно-политической сфер.

Перенос критерия цензурирования с пошлинных сборов на имущественно-финансовую состоятельность к концу XIX в. изменил и профессионально-сословный состав городских дум Тобольской губернии. К началу XX в. ранее преобладавшие купцы уступили лидерство мещанам, суммарная доля которых в семи городах перевалила за 43 %. Почетные граждане, интеллигенция и обладатели других социальных статусов в общественных органах самоуправления составляли единицы. К рубежу XIX–XX вв. большая часть городских голов принадлежала к мещанству (54 %), около трети – к купечеству (31 %) и порядка 10 % – к чиновничеству. По большому счету, такой сословный расклад не имел определяющего значения: сами городские собрания всецело находились в руках торгово-промышленного класса [1, с. 40]. Кроме этого, начался процесс размывания сословий, обусловленный новыми сложившимися предпосылками.

Мещане, составляющие значимую долю представленного сословия, занимались предпринимательством, как и купечество. Думцы представляли интересы торговых и промышленных кругов региона, пользуясь должностными полномочиями для увеличения могущества и процветания своих фабрик, фирм и заводов. В силу этого на заседаниях дум повышенное внимание уделялось проблемам торговли, тарифной политики, организации базаров, налогообложения и т. д.

Выборы в городские думы после 1892 г. регламентировались «Инструкцией по организации городских упрощенных управлений», утвержденной МВД 30 мая 1893 г. Они проходили в следующем порядке: председателя собрания, на котором домохозяева избирали из своего состава на 4 года городских уполномоченных, назначал губернатор; он же определял численность гласных (в пределах от 12 до 15 человек), учитывая количество избирателей; съезд домовладельцев также выбирал кандидатов (не менее 2–3 от состава депутатов).

В силу узкого профессионально-демографического фактора зачастую органы самоуправления формировались с нарушением п. 117 Положения: из близких родственников по мужской линии. Положение лишало малые города с «упрощенным управлением» права принимать обязательные постановления (передавая его в введение начальника губернии), надзирать за деятельностью торговли, составлять и менять планы городской территории и т. д.

Существенное расширение контролирующих полномочий губернатора и лишение малых самоуправлений принудительных функций привели к частым конфликтам с собраниями малых городов, мешая эффективному развитию местного хозяйства. Такие противостояния носили не только функционально-принудительный, но и сословный

характер. Губернская администрация в первую очередь отстаивала интересы чиновничества и дворянства, в то время как городское управление (главным образом, в торгово-промышленных городах, например, в Тюмени) – позиции купцов и мещан. Одновременно зарождавшаяся городская буржуазия стремилась через самоуправление добиться влияния и защитить свои экономические потребности.

К особенностям городских выборов в губернии последней трети XIX в. относились следующие:

1) избиратели отдавали предпочтение более опытным и известным лицам, чей средний возраст приближался к 47–48 годам;

2) конфессиональная и национальная принадлежности членов тобольских общественных органов остались практически неизменными – головы, гласные и члены управ в массе своей являлись русскими и православными;

3) быстрое истощение кадрового резерва кандидатов в депутаты.

Пассивность горожан наблюдалась уже в ходе выборов в городские думы, доказательством чего служила низкая явка избирателей. В основе причин наметившейся тенденции лежали невысокий уровень политической культуры, малая информированность горожан, неудовлетворительная продолжительность выборов.

В этих условиях получило распространение голосование за отсутствующих избирателей по оформленной доверенности, порождая массу злоупотреблений и несоответствий. В ходе работы органов самоуправления дело доходило до того, что за неграмотных в постановляющих документах Думы расписывались другие гласные. В этом процессе сыграли свою роль имущественное ограничение круга избирателей, отсутствие высших учебных заведений, переизбираемость гласных и др.

Индифферентность была характерна, в большей степени, для избранников городских дум наиболее крупных городов Тобольской губернии, в малых поселениях гласные более ответственно относились к выполнению своих обязанностей. Активно пользуясь вновь полученным правом, глава губернии вмешивался в происходившие события, намереваясь «подогнать» будущий состав думы или управы под свое видение дальнейших задач развития городов. В помощь губернатору было образовано объединенное (для более простого управления) Губернское по земским и городским делам присутствие, обладавшее полномочиями по отмене результатов выборов и практически целиком состоящее из подчиненных губернатору подведомственных лиц. Пресечь злоупотребления коронных властей могли только высшие судебные органы. Однако в ряде случаев, благодаря несогласию депутатов

по разным вопросам и даже несмотря на весомые законодательные ограничения, далеко не всегда губернатор мог беспрепятственно проводить такие пертурбации.

К началу XX в. манипуляции и постоянные вмешательства губернской администрации привели к конфликтам с общественными городскими властями, все чаще переходя в открытые противостояния. При этом муниципальное управление все больше приобретало черты встроенности в местный аппарат государственной системы.

Право участия получили и юридические организации губернии, но в массе они проявили существенную пассивность. Единично предприятия выставляли своих представителей кандидатами лишь в крупных региональных городах, обладавших развитыми торгово-промышленными заведениями и демонстрировавшие традиционно высокие экономические показатели.

Поднимая национальный, должностной, имущественный, статусный, правовой и другие барьеры, правительство, судя по утвержденным узаконениям на территории Тобольской губернии, ввело социально-профессиональный ценз на пути попадания в состав представительного учреждения городского самоуправления. Это частично подтверждается отменой разделения избирателей по разрядам и введением общего собрания. Снижение количества депутатов изначально также несло в себе пункты по ограничению прав муниципалитетов. Период либеральных реформ прошел, и бюрократизированный, в существенной степени самостоятельный аппарат в низовой городской структуре был уже не нужен.

Одним из наиболее негативных нововведений, справедливо отмеченным еще современниками, стал почти всесторонний контроль администрации губернии за подготовкой и ходом выборов, а также последующей работой избранных лиц [2, с. 142]. Назначая дату выборов, разрешая их проведение, рассматривая поступившие жалобы на нарушения, а после окончания кампаний утверждая сформированные списки избранных депутатов и кандидатов к ним, губернатор был наделен огромной властью, позволявшей влиять на исход окончательного формирования городских органов.

Произволу губернских властей способствовал и новый порядок обжалований нарушений. Проситель, считая, что его права нарушил чиновник, не мог напрямую обратиться в высшую независимую инстанцию – Правительствующий сенат, – а обязан был излагать свои претензии через постановления и через должностных лиц, на действия которых и была написана жалоба. Поднятый вопрос в Государственном совете, касающийся прямого обращения лиц в Сенат, так и не

был разрешен: Совет не нашел веских оснований для положительного решения.

Административное назначение на выборные должности усиливало бюрократизацию самоуправления, становившегося благодаря этому структурным элементом системы правительственных учреждений. Вся полнота власти по-прежнему была сосредоточена в руках губернатора, включая, в первую очередь, направляемые через него ходатайства о нуждах города в высшие правительственные инстанции, и соответствующие распоряжения.

В 70-е гг. XIX в. наметилась тенденция к свертыванию реформ: задержки производства новых законопроектов; торможение внедрения вступивших в силу законов и их дополнений; стремление обойти действующие нормативно-правовые акты; расширение сферы применения карательно-репрессивных мер; ввод военных положений с предоставлением чрезвычайных полномочий для администрации.

В 80–90-е гг. XIX в. наступила реакция, окончательно свернувшая набравшую темпы «оттепель», обнаружившая недолговечность гарантий проведения реформ и подавившая либеральную тенденцию. Предпринятые правительством меры способствовали поддержанию консерватизма, поддержанного законодательно подкрепленными устоями.

Важную роль в проведении городской реформы 1892 г. сыграл избирательный закон. Используя его положения, правительство намеревалось контролировать наполнение состава будущих избирателей, ограничив его малым кругом состоятельных горожан. Подобными мерами законодатели, с одной стороны, стремились наладить эффективную работу общественных органов самоуправления, а с другой – исключить случаи неизбежного проявления оппозиционности самодержавию.

Городовое положение 1892 г. с небольшими изменениями действовало до введения в 1917 г. членами Временного правительства постановления «Об изменении действующих положений об общественном управлении городов». Последствия последней царской городской реформы весомо усилили имущественные цензы в оценочно-рублевом эквиваленте, которые предоставляли право участия в выборах только влиятельным и состоятельным горожанам. Доля последних составляла ничтожную часть населения.

Часть исследователей (например, А.О. Немировский) склонна выделять принятое в 1903 г. для Санкт-Петербурга особое городовое положение в новое, третье по счету, Городовое законодательство для позднеимперской столицы [3, с. 24–28]. Однако на другие города Европейской части, Сибири и остальных регионов России эти нормативно-правовые акты не были распространены.

В результате проведения городской реформы 1892 г. общественные органы управления утратили часть своей автономии, приобретая признаки бюрократических формализованных структур низового уровня государственной власти. Несмотря на это, всемогущее имперское правительство в дальнейшем не отказалось от института формируемых управ и выборных дум даже в условиях обострения ситуации в период русской революции (1905–1907 гг.).

Более того, самодержавие разрешило функционирование общественных органов самоуправления, наделенных правом решать ряд серьезных вопросов.

Более негативным явлением стало откровенно реакционное Городовое положение 1892 г., вызвавшее по мере внедрения многочисленную критику современников.

Скептически воспринимался ставший по сути формальным принцип всеобщности городских органов, на практике превратившийся в то, что «теперь в городских думах были представлены лишь интересы крупного домовладения и торгово-промышленного капитала, и городское управление очутилось в руках небольшой кучки состоятельных лиц». Особенно не нравилось противникам реформы превращение городского управления в «полубюрократическое учреждение, действующее по указке администрации» [4, с. 15–16]. «Города задыхаются в тесных рамках пережившего себя, но еще “действующего”» Городового положения 1892 г., путаясь в сетях всепроникающей административной опеки... И все выше и выше поднимается волна, несущая требования о широкой и коренной реформе городских самоуправлений на демократических началах, с представлением в них участия всему местному населению» [5, с. 211].

В этом ключе все последующие узаконения, дополнения и указы центрального правительства обращали внимание только на 2 фактора – избирательную систему и правительственный надзор, оставляя в стороне более важные проблемы. Положение усугублялось обособленностью городских дум друг от друга, отсутствием объединяющего их в масштабе всей страны координирующего центрального, невозможностью для выборных учреждений обменяться опытом.

Установившийся порядок вещей стал уникальной школой отечественного либерализма, частичной демократизации управ и дум. Сформированные органы сочетали в себе как общественно-государственные рычаги управления, так и исполнительно-законодательные функции городской власти в локальных масштабах.

Вред реформы на ближайшую перспективу отразился в порождении иллюзий в достижении намеченных целей у части либерально-настроенной оппозиции. Это обстоятельство отвлекло значительную

долю прогрессивных деятелей от активной работы за дальнейшие городские буржуазные преобразования и дав эфемерную надежду на скорое создание общероссийского представительного учреждения. Дальнейший ход исторических событий показал ошибочность таких представлений. Намереваясь искоренить антисамодержавные веяния, законодательство 1892 г. отразило изменения, происходившие как вследствие капиталистического развития городов в русле модернизации, так и обусловленные контрреформистскими гранями внутренней политики Александра III.

Незатронутая природа власти даже не ставила задачу модернизации, существенно ограничив реальный простор для самостоятельности в проявлении общественных сил. После получения городской властью определенной свободы, прав и обязанностей в сфере хозяйственной деятельности, результативность представительств попала в прямую зависимость от успешности проведенной бюджетной политики.

Для пополнения доходной части депутаты принимали меры по стимулированию развития торговли, промыслов, роста банковского сектора, решали земельные и имущественные вопросы, в рамках политики протекционизма защищали наиболее выгодные источники налоговых пополнений, держали на контроле проблему постоянных увеличивающихся недоимок. Однако в силу ограничения маневров на финансово-кредитном поле, невысоких темпов урбанизации города региона значительно проигрывали центру в динамике приращения доходов. Расходы, которые муниципалитет нес в обязательном порядке, стали связующим звеном между интересами государства и городского общества и были заложены как механизм в сути самих Положений 1870 и 1892 гг.

Многие окраинные территории сохранили дореформенные учреждения управления (военные губернаторства, военно-окружную колониальность, градоначальства и пр.).

Имея право юридического лица, полномочия общественных организаций управления были ограничены территориальными границами самого города, а круг обязанностей и меры ответственности детально прописаны в новом законе, позволяя запустить процедуру наказания избранников и их коллег в случае нарушения законодательства. Для более эффективной деятельности предусматривался порядок взаимодействия городского, земского, сословно-корпоративного и государственного управления.

Последней возможностью для внесения корректив в существующий курс мог стать приход к власти Николая II – от личных черт монарха и его предпочтений в российской истории или целой исторической эпохи напрямую зависело направление функционирования госу-

дарства на весь период царствования правителя. Однако Николай Александрович, будучи уверенным в незыблемости самодержавия, проявил такой же консерватизм во внутренней политике, как и его родитель. Поворот в сторону реформ, конституционные надежды были объявлены «бессмысленными мечтаниями», приоритетом в управлении вплоть до революции 1905–1907 гг. стало укрепление полиции с опорой на лояльное чиновничество и буржуазию, недоверие к общественности страны, преследование сторонников демократических идей.

На этой волне к началу XX в. вполне закономерным стало оформление огромной государственной машины в бюрократическую, сословную, иерархически выстроенную пирамиду с непомерно разросшимся чиновничьим аппаратом, жестко централизованной вертикалью органов, ограниченными и подконтрольными компонентами представительного городского и земского самоуправления.

В противовес навязанной структуре и установившейся парадигмы в обществе происходило вызревание альтернативного пути преодоления прогрессирующего политического кризиса, способного мобильно разрешить массовое социальное недовольство – революционный метод.

По меткому выражению И.В. Дойникова, реформы 60–70-х гг. XIX в. в правовом отношении выдвинули Россию на уровень Западной Европы, но эта европейская «крыша» была поставлена над старым «азиатским домом» [6, с. 12]. Другими словами, фатальной ошибкой стало предоставление прав и свобод земствам, судам, городам, университетам при отсутствии качественных изменений в системе центральных органов управления Империей и решения разрядных вопросов.

Детерминизм самой сущности установившейся муниципальной системы был обусловлен как государственной структурой управления, так и господствовавшим в стране внутривластным курсом.

Существенным упущением городских реформ является несоответствие созданной управленческой модели экономическому развитию страны. Период капиталистических отношений в истории России требовал полного отказа от сословного принципа комплектования городских самоуправлений. Курс правительства в сфере общественного управления городов был направлен, наряду со стремлением приблизиться к европейскому муниципальному строю, к удержанию позиций в управлении городов дворянами – домовладельцами.

Сохранение феодального деления городского населения по словному признаку, юридически оформленное для каждой категории, являлось основной преградой для становления буржуазных отношений. Вместо этого на выборах была введена прусская трехразрядная избирательная система: немногочисленные, но наиболее зажиточные слои населения; значительно более многочисленные горожане среднего достатка; большинство избирателей из основной небогатой массы плательщиков налогов.

Итак, городское самоуправление, как и земское, стало лишь подсобным учреждением правительства, главным образом, в вопросах местного хозяйства.

Говоря о сельских органах самоуправления, В.И. Ленин писал: «Земство с самого начала осуждено на то, чтобы быть пятым колесом в телеге русского государственного управления, допускаемым бюрократией лишь постольку, поскольку ее всевластие не нарушалось, а роль депутатов от населения ограничивалась голой практикой, простым исполнением круга задач, очерченных тем же чиновничеством» [7, с. 35]. Думается, что в свете проведенных исследований эти слова с полным правом можно отнести и к существованию органов городского самоуправления.

Библиографический список

1. Захарова Л.Г. Освободительные реформы в России 1861–1881 гг. // Знание – сила. 1992. № 2. С. 38–47.
2. Кизеветтер А.А. Местное самоуправление в России IX–XIX ст.: исторический очерк. М.: Типография Имп. Моск. ун-та, 1910. 155 с.
3. Немировский А.О. Реформа городского самоуправления. СПб: Типография В. Безобразова и комп., 1911. 172 с.
4. Михайловский А.Г. Реформа городского самоуправления в России. М.: Польза, 1908. 110 с.
5. Город Томск: приложение к газете «Сибирская жизнь». Томск: Изд. Сибирского товарищества печатного дела в Томске, 1912. 348 с.
6. Дойников И.В. Городская реформа 1870 г. и становление городского самоуправления в России (государственно-правовое исследование): автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд. юрид. наук / 12.00.01. М., 1991. 23 с.
7. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5. Т. 5. М.: Политиздат, 1967.

ГРИНТИ 03.23.55
УДК 94(470)14:325.23

А.И. Ганчар
ГГАУ, Гродно

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ВРЕМЕННЫМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКИХ ДУХОВНЫХ КОНСИСТОРИЙ И КАНЦЕЛЯРИЙ (1917 Г.)

В статье рассматривается решение Временным правительством в 1917 г., посредством специально созданной Комиссии вопроса о деятельности римско-католических духовных консисторий и канцелярий на территории Российской империи. В новых условиях государственной жизни страны ограничительные начала, обусловленные в значительной мере соображениями национально-политического характера, не могли иметь места.

Ключевые слова: Российская империя, Римско-католическая церковь, Временное правительство, консистория, канцелярия.

Возвещенные Временным правительством начала вероисповедной свободы вызвали необходимость согласования с действовавшими по делам веры законоположениями. Для выполнения указанной задачи под председательством комиссара Временного правительства профессора С.А. Котляревского при МВД были образованы особое совещание по вопросам, общим для всех исповеданий, и специальная Комиссия по пересмотру законодательства, определявшего положение Римско-католической церкви (далее РКЦ) в Российской империи. В порядке постепенности было предложено образовывать такие комиссии отдельно по каждому из остальных инославных и иноверных исповеданий.

В состав Комиссии по делам РКЦ приглашены были представители римско-католического (далее р.-к.) духовенства, с Виленским р.-к. епископом бароном Роппом и управляющим Могилевской р.-к. архиепархией епископом Цепляком во главе, некоторые члены законодательных палат, представители ведомств православного исповедания, военного, министерства юстиции, внутренних и иностранных дел, народного просвещения, представители науки, общественные деятели и другие лица, известные своими познаниями в области вероисповедных вопросов.

Приступив к занятиям 5 мая 1917 г., Комиссия нашла необходимым прежде всего определить точным образом объем и основные начала, а также наметить план предстоящих задач.

Разработка законодательных норм, которые разрешали бы основные вопросы об отношении государства к отдельным исповеданиям,

подлежала, по мнению Комиссии, ведению Учредительного собрания. Равным образом к кругу занятий Комиссии не мог быть отнесен пересмотр узаконений, общих для всех исповеданий, каковая задача возлагалась на упомянутое выше особое Совещание. За выделением этих двух областей, все остальные законоположения о РКЦ в России Комиссия признала подлежащими ее пересмотру [1, с. 234].

По правилам РКЦ, р.-к. консистория являлась исполнительным органом епископа по управлению епархией, почему она и именовалась *Curia Episcopalis*. Сама по себе никакой власти она не имела, так как единственным духовным начальником в р.-к. епархии и судьей по духовным делам являлся епископ. Этому начальнику всецело была подчинена консистория, действовавшая от его имени и по его указаниям. Связь консистории с епископом являлась до такой степени тесной, что консистория сохраняла свои полномочия лишь на время, пока находился у власти составивший ее епархиальный начальник, и потому должности членов консистории прекращались со смертью епископа или в случае сложения им своей должности, а равно с прекращением управления вакантной епархией капитульным викарием. При таком положении первым делом каждого нового епархиального начальника являлось немедленное составление консистории. Указанное правило соблюдалось и в Российской империи (в силу ст. 20. конкордата 1847 г., воспроизведенной под ст. 29 Устава иностранных исповеданий 1857 г.). Однако после разрыва в 1866 г. отношений правительства Российской империи с Апостольским Престолом правило это было отменено.

Во всех епархиях католического мира консистории, а равно консисторские канцелярии, применительно к правилу *laicus ecclesiastica negotia tractare non potest*, состояли из духовных лиц. Признаваемый отчасти и законодательством Российской империи, этот порядок находил себе применение в р.-к. консисториях Царства Польского. Такое устройство р.-к. консистории основывалось на соображениях как принципиального, так и практического характера. Нельзя упускать из вида, что многие дела, подлежавшие компетенции консистории, а именно, соединенные с тайной исповеди, а также дела духовных лиц не могли быть передаваемы ведению мирян по самой своей природе.

Другие же, как, например, судебные дела и в особенности брачные, нередко затрагивавшие самые интимные стороны частной и семейной жизни человека, являлись менее тягостны для лиц заинтересованных, если им приходилось давать показания и иметь дело в консистории только с духовными лицами, которым уже в силу своего сана пользовались нравственным авторитетом и доверием у верующих.

К тому же духовные лица, как знавшие каноническое право и богословие и притом владевшие необходимым в церковном делопроизводстве латинским языком, были более пригодны к ведению духовных дел чем светские лица, не обладавшие подобной подготовкой.

Всецело подчиняя консистории власти епархиального начальника, канонические правила, в соответствии с этим, ставили в непосредственную зависимость от епископа и личный состав консистории, а также назначение на все консисторские должности.

Между тем реальное положение р.-к. консистории в Российской империи не вполне отвечало приведенным выше требованиям канонического права. Нося наименования духовных лиц, консистории состояли в большинстве из светских лиц, так как духовными являлись лишь члены присутствия консистории (числом от 3 до 6).

Все же служащие консисторской канцелярии (в количестве, значительно превышавшем количество духовных членов), состояли исключительно из светских лиц, не только не знакомых с каноническим правом, а зачастую и с латинским языком, но нередко не получивших должного образования.

Определение членов консистории к должностям было обусловлено по закону (ст. 34 Устава иностранных исповеданий), утверждением министра внутренних дел, причем секретари консистории назначались непосредственно министерством внутренних дел (ст. 35 Устава иностранных исповеданий).

В связи с отменой ст. 29 Уст. ин. исп., изд. 1857 г., о чем было упомянуто выше, консистории в Российской империи продолжали существовать и функционировать даже и в том случае, когда епархиальный начальник скончался или сложил свою должность и когда таким образом не имелось налицо епископа, от имени которого консистория уполномочена была действовать.

Нарушение канонических правил коснулось также и компетенции консисторий, из ведения которых были изъяты дела по жалобам и искам на духовных лиц (п. 3 разд. I ст. 64 Устава иностранных исповеданий).

Естественным последствием указанных отступлений от требований канонического права явилось сосредоточение епархиальными начальниками в епископских канцеляриях главнейших дел, а именно чисто духовных, связанных с непосредственным управлением епархиями, и вообще всех актов так называемой духовной юрисдикции, равно как всех отношений со Святым престолом и высшими государственными властями.

Необходимо отметить, что епископские секретариаты предусматривались и действовавшим законом (ст. 26 Устава иностранных исповеданий), по силе которого особая канцелярия состояла, однако, лишь

при архиепископе, а при каждом из епископов полагался только секретарь. Но определяя ближайшим образом компетенции епископских секретариатов, закон ограничивался лишь общим указанием, что секретари при епархиальных начальниках состоят для их официальной и частной переписки.

В соответствии с этим избрание и назначение таких секретарей было предоставлено по закону исключительно власти епископа (ст. 38 Устава иностранных исповеданий).

В связи с признанием за РКЦ прав на самоуправление в сфере внутренней церковной жизни осуществление начал вероисповедной свободы вызывало необходимость согласования действовавших в р.-к. консисториях законоположений с каноническими правилами.

Не касаясь вопроса о соединении консистории с епископскими канцеляриями в одну епископскую курию, как связанной с преобразованием консистории, Комиссия подвергла своему обсуждению вопрос, как именно из законоположений, регулировавших существовавший строй консистории, представлялось бы возможным привести в соответствие с требованиями канонического права без ущерба для государственных интересов.

В первую очередь Комиссия остановилась на законоположениях, определявших порядок замещения консисторских должностей. Приняв во внимание, что по закону консистории выполняли некоторые функции государственного управления, в такой, например, важной области, как метрикация, Комиссия полагала, что для государства безразлично, кто именно занимает наиболее ответственные должности в консистории.

К числу таких должностей, несомненно, относились должности членов присутствия консистории, а также ее секретаря, несшего ответственность за порядок консисторской канцелярии. Оставаться в отношении порядка замещения этих должностей на почве действовавшего закона Комиссия не усматривала оснований. Если епископу, согласно проектированному Комиссией порядку, предоставлялось право непосредственного замещения священнослужительских в его епархии должностей до высших капитульных включительно, то, по мнению Комиссии, было бы последовательным признать за епископом такое же право и в отношении должностей членов консистории и секретаря консисторской канцелярии, с тем однако, чтобы свои распоряжения он одновременно доводил до сведения местной гражданской власти.

С установлением столь широких в этой области прав епархиального начальника, непосредственными распоряжениями которого производились бы по консистории как назначения, так и увольнения личного

персонала, отпадала, казалось бы, надобность восстанавливать силу отмененной ст. 29 Устава ин. исп., изд. 1857 г., так как и без особой регламентации в законе не исключалась возможность применения на практике содержавшегося в этой статье правила.

Перейдя к законоположениям, которыми определялся существовавшая строй р.-к. консисторий и епископских секретариатов, Комиссия, ввиду приведенных выше соображений канонического характера, высказалась за предоставление епископу права замещать должности по консисторской канцелярии лицами как светскими, так и духовными. Вместе с тем по мнению Комиссии, надлежало бы дополнить текст действовавшего закона (п. 2 ст. 26 Устава иностранных исповеданий) указанием на то, что канцелярия состоит не только при архиепископе, но и при каждом епархиальном начальнике.

Приняв во внимание, что подробное перечисление личного состава консистории, сделанное в п. 1 ст. 26 Устава иностранных исповеданий, едва ли представлялось бы удобным оставлять в тексте закона, тем более что состав этот с течением времени мог измениться как в отношении должностей, так и по роду служащих, в случае привлечения в консисторскую канцелярию духовных лиц Комиссия нашла соответствующим изложить и этот пункт в новой редакции.

Подвергнув пересмотру на указанных выше основаниях законоположения, которым определялся существовавший строй р.-к. консисторий и порядок замещения консисторских должностей, Комиссия обратилась к обзору узаконений о компетенции консисторий и производстве в них дел (ст. 64–70 Устава иностранных исповеданий).

Действовавший закон (ст. 64) приводил, подробный перечень предметов ведения консисторий, подразделяя их на 4 основные группы:

- 1) дела, относившиеся к епархиальному духовенству;
- 2) дела, относившиеся к светским лицам;
- 3) смешанные дела;
- 4) дела хозяйственной части.

В этом перечне для государства имели значение лишь дела, поименованные в разделе II ст. 64 (акты о рождении, крещении, смерти, удостоверения законности или незаконности брака и прочее). Указание в законе на подведомственность консисториям такого рода дел, по мнению Комиссии, представлялось бы соответственным сохранить и впредь.

Что касается дел, относившихся к епархиальному духовенству, подробно перечисленных в разделе I ст. 64, то Комиссия полагала, что такой перечень нужно заменить отредактированным в общих выражениях указанием на то, что ведению консистории подлежат все те дела, которые епархиальный начальник передает на ее рассмотрение.

Вместе с тем, по мнению комиссии, надлежало бы включить в текст примечаний к разделу II ст. 64 некоторые дополнения канонического свойства, а именно: в примечании 1 указать, что вторую степень по делам, решенным в первой степени епископами, составляет архиепископ, а по тем делам, которые были решены самим архиепископом с его консисторией, как в первой степени – Апостольский престол или епископ одной из епархий, ближайших к архиепархии. Примечание же второе после слов «брачные дела» следовало, по мнению Комиссии, дополнить словами: «...кроме тех дел, которые по каноническим правилам окончательно решаются в одной инстанции».

Остановившись далее на ст. 65, которая определяла права епископа по разрешению подлежавших ведению консистории дел, Комиссия нашла излишним сохранение содержавшегося в этой статье указания, что дела решаются епископом после рассмотрения их в консистории; с исключением этого указания и помещенного вслед за ним слова «впрочем».

Комиссия полагала первую часть ст. 65 изложить в следующих выражениях: «Поименованные в предыдущей (ст. 64) статье дела решаются епископом, а голос консистории – только совещательный». Что касалось ст. 66, пояснявшей права епископа по административным и дисциплинарным делам, ст. 67, допускавшей отзывы в РКДК на некоторые решения по дисциплинарным делам, и ст. 70, устанавливавшей порядок рассылки предписаний духовного начальства, при которых препровождались высочайшие манифесты, указы и т. п. акты, то таковые статьи, по мнению Комиссии, подлежали полной отмене, в виду того что содержащиеся в них постановления или вытекали из существа епископской власти (ст. 66), или утратили свое значение в новых условиях государственной и религиозной жизни страны (ст. 67 и ст. 70).

Наконец, Комиссия полагала, что при последовательном проведении в жизнь начал церковной автономии не усматривалось более оснований к сохранению в законе требования, в силу которого порядок производства дел в консисториях определялся особой инструкцией министра внутренних дел, и потому высказалась за исключение из ст. 69 слов: «...и особой инструкцией министра внутренних дел».

В связи с пересмотром законов, определявших компетенцию р.-к. духовных консисторий по Уставу иностранных исповеданий, Комиссия останавливалась также на ст. 883, 885, 887 и 988 Закона о состояниях, касавшихся метрикации по р.-к. исповеданию и актов духовного состояния.

По силе ст. 883 метрики писались настоятелями церкви или администраторами и vicarными священниками, или же лицами других

нижних духовных степеней при приходских церквях (под ответственность старшего по управлению приходом священника).

Центр тяжести этой статьи, несомненно, лежал в заключительной ее части, возлагавшей ответственность за верность метрик на старшего по управлению приходом священника. Доказательная же сила метрик, казалось бы, нисколько не должна была пострадать, если они были бы написаны кем-либо другим, как это в действительности в большинстве случаев и происходило, а не поименованными в этой статье священнослужителями, тем более что последние нередко не располагали даже возможностью выполнить эту обязанность.

Комиссия нашла соответствующим изложить упомянутую статью в следующей сокращенной редакции: «...метрики должны быть писаны под ответственность за верность их старшего по управлению приходом священника».

Согласно ст. 885 после получения копий каждая консистория переплетала их в общую книгу и, подписав в полном присутствии, за надлежащей скрепой хранила в епархиальном архиве.

Установленное этой статьей требование о подписании копий в полном присутствии консистории являясь стеснительным, не вызывалось в то же время действительной необходимостью, так как участие в делах такого рода даже неполного состава присутствия нельзя, казалось бы, не признать достаточным. Ввиду этого Комиссия высказалась за исключение из текста ст. 885 слов: «...в полном присутствии».

Что касается ст. 887, в силу которой перечневые из метрических книг ведомости консистория доставляла к епархиальному архиерею, а он – в р.-к. духовной коллегии, то сохранение ее в действовавшем Своде законов Комиссия полагала излишним.

Наконец, согласно ст. 988, содержание именных списков о духовенстве иностранных исповеданий относилось к предметам МВД по департаменту духовных дел иностранных исповеданий и совершалось по его распоряжению подчиненными ему начальствами.

Статью эту, относившуюся к духовенству иностранных исповеданий вообще, Комиссия полагала дополнить в отношении исповедания р.-к. следующим примечанием, отредактированным применительно к ст. 987, которая касалась именных списков православного духовенства: «...по р.-к. исповеданию духовные консистории под главным ведением епархиального епископа содержат именные списки всех подведомственным им лицам духовного звания» [2, л. 112–115 об.].

Данные материалы 19 июня 1917 г. за № 3049 под заглавием «Об изменении действующего законодательства по делам римско-католической церкви в России» были представлены на «уважение»

Временного правительства министром внутренних дел кн. Львовым; скрепил комиссар Временного правительства С. Котляровский; резолюцию «верно» поставил и. д. директора департамента духовных дел МВД вице-директор Тарановский [2, л. 138–145 об.].

26 июля 1917 г. за подписью заместителя министра-председателя Н. Некрасова и министра внутренних дел Н. Авксентьева Временное правительство приняло постановление № 1287 «Об изменении действующего законодательства по делам римско-католической церкви в России».

В разделе 5 данного постановления оговаривалось, что действие законоположения по делам РКЦ в России распространяется на церковное управление этой церкви всех обрядов, с теми изъятиями, которые будут особо установлены для управления каждого из этих обрядов в законодательном порядке [2, л. 103–103 об.].

Таким образом, Комиссии, образованной по инициативе Временного правительства, удалось пересмотреть действовавшее законодательство о р.-к. консисториях и канцеляриях. Естественным последствием возведенных начал вероисповедной свободы являлось признание за РКЦ права на самоуправление в области внутренней церковной жизни.

Библиографический список

1. Ганчар А.И. Законодательное решение вопроса о строительстве римско-католических церквей в Российской империи (1917 г.) // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XVI Междунар. науч. конф., г. Иваново, 5–6 апреля 2017 г.: в 2 ч. / Ивановский государственный университет. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2017. Ч. 2. 528 с. С. 234–239.

2. Об изменении законодательства по делам р.-к. церкви в России (5 мая 1917 г. – 5 октября 1917 г.) // РГИА. Фонд 821. Оп. 128. Д. 1741. 187 л.

ГРНТИ 02.41.31
УДК 101

И.В. Рудакова
БГИТУ, Брянск

СОВЕТСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ 70-Х ГОДОВ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

В статье рассмотрена советская интеллигенция 70-х годов как социальное целое. Рассмотрены ключевые аспекты образа мира: восприятие времени и пространства, отношение к духовным и материальным ценностям.

Ключевые слова: советская интеллигенция, повседневность, образ мира, время, пространство, ценности.

Прошло более 20 лет после распада СССР, современное российское общество живет в новом мире, для которого советская империя является прошлым. Сейчас, после некоторого временного отрезка, позволяющего отстраниться и посмотреть как бы извне, можно попытаться осознать и понять наше прошлое. Наверное, этим и можно объяснить большое количество исследований, мемуаров, биографий, касающихся советского периода, которые обрушилась на нас в последнее время.

Благодаря им постепенно вырисовывается образ советской цивилизации, но все же основная их часть остается в рамках «псевдополемических концепций» в отношении тоталитаризма. Вследствие этого описывается не столько реальность советского общества, сколько предписываются идеологические рамки его видения. Таких исследований достаточно много, поэтому ограничимся лишь указанием некоторых: Дж. Хоскинг, И. Кондаков, О. Платонов.

На наш взгляд, более эффективным является обращение к повседневности. Взгляд сквозь ее призму позволяет нарисовать картину, отличную от той, которую, с одной стороны, описывают «идеологизированные» исследователи, а с другой, предлагает политическая теория тоталитаризма.

Следует указать, что отрицать ценность и значимость последней мы не можем, влияние официальной идеологии на формирование миров повседневности было, безусловно, большим.

На наш взгляд, важным для исследования является не вся история существования СССР, а 70-е годы. Это время, с одной стороны, характеризуется как расцвет советской модели общества, а с другой, можно говорить об окончательном формировании ментальности советского человека.

Тип повседневности определяет культурная элита. «Эстетически осваивая окружающий мир, они «перерабатывают» повседневность в стиль, формируя эстетический идеал эпохи. Стиль (стилизация, стилевая эволюция) также структурирует повседневность, задавая алгоритм ее развития. Являясь некой культурной целостностью, он влияет как на материально-предметный мир, так и на поведенческую сферу, проявляясь в речи, поведении, манерах и др.» [1, с. 4].

В советском обществе такой культурной элитой прежде всего была интеллигенция. Можно уверенно сказать, что проблема интеллигенции – одна из ключевых в истории СССР. И дело не только в том, что интеллигенция основала Советский Союз, внутри которого

ей потом не нашлось места. До сих пор существует некоторая проблема с понятием «интеллигенция», которая возникла уже более чем 100 лет назад и остается нерешенной. Целью данной статьи будет анализ советской интеллигенции 70-х годов как социального целого.

Интеллигенции как социальной группе свойственна определенная система образов и представлений о мире, другими словами, образ мира. Безусловно, интеллигенция имеет ментальные характеристики, которые являются общими для всех советских людей, что дало основание исследователям говорить о появлении нового культурного типа человека – *homosoveticus*. Однако есть и индивидуальные ментальные характеристики, которые выделяют и обособляют интеллигенцию как социальную группу. Рассмотрение общих и индивидуальных ментальных характеристик в их взаимосвязи и взаимообусловленности дает возможность представить интеллигенцию как социальное целое.

СССР являлся самой большой страной мира. Он располагался практически во всех климатических поясах. Наиболее благоприятная зона для проживания – умеренный пояс. Территория, находящаяся в этой зоне, – самая густонаселенная. По характеру расселения в СССР преобладало городское поселение. Культурная среда города несравненно богаче и разнообразней чем сельская, поэтому городские условия более благоприятны для возникновения и формирования интеллигентского сообщества. Следовательно, основной средой обитания интеллигенции является город.

Говоря в дальнейшем о советской интеллигенции 70-х годов, мы будем иметь в виду прежде всего городскую интеллигенцию. Среда обитания во многом определяет восприятие времени и пространства.

Во-первых, пространство представлялось одновременно как открытое и как закрытое, в едином сосуществовании этих характеристик. С одной стороны, оно ограничено пределами СССР, и тут сама страна впечатляет своими размерами по площади. С другой – внешняя территориальная экспансия страны идет не только в пределах планеты, что вызывает ощущение открытости. Во-вторых, советскому интеллигенту было характерно качественное переживание пространства. Внешнее и внутреннее пространство было ценностно распределено. Это можно представить в виде следующей цепочки: капиталистический Запад – социалистический Запад – Москва – столицы республик – областные города – районные города.

Восприятие первых трех звеньев цепочки можно охарактеризовать как «чудесный рай» и, соответственно, последние звенья как – его антонимы. «Как все-таки здорово, что ведь именно мы, наша страна, первая вышла в космос... да и Циолковский тоже наш... Все

это ужасно радует и даже кружит голову, хотя нам завистники наши (капиталистический Запад) все время хотят доказать, что мы бедные и несчастные, плохо живем. Да, разнословий действительно нет, но ведь все сыты, довольны. Правда, очереди мучают. В Чехословакии нет очередей (а ведь тоже социализм!) и во всех магазинах всего полно, а у нас вечный дефицит» [2, с. 51]. Как мы видим, есть прямая зависимость ценности от пространственной удаленности – более ценно то пространство, которое наиболее удалено. Конечно, мы не можем не учитывать и ценность личного пространства, зоны непосредственной физической манипуляции индивида. Здесь прежде всего важны дом и место работы.

Временная модель представляет собой сложную структуру. Ее основными категориями являются: время личное, различающееся на внутреннее и интерсубъектное, и общественное, сочетающее в себе линейные и циклические элементы. Они неразрывны и взаимосвязаны не только между собой, но и с пространственными представлениями. Во-первых, легкость перемещения в пространстве отражается на качествах времени – оно сжимается до предела, отмечается его быстротечность. Во-вторых, возможность покорить любое пространство распространяется и на отношение ко времени – его можно изменить. Происходит десакрализация времени. На основе представлений о пространстве и времени, вырастающих из них эмоционально-психологических реакций личности, сложилась система ценностей советского человека.

Одной из основных тем, волнующих интеллигенцию, была ценность государства. Это едва ли не самый главный вопрос, внутри которого пытались найти ответ не просто о назначении советского строя, каким он должен быть, а и возможности его воплощения в жизнь. Необходимо отметить, что неизменно за этими обсуждаемыми проблемами стояла попытка понять смысл жизни, смысл человеческого бытия. Другими словами, говоря об идее социалистического общества, если не прямо, то косвенно, затрагивались мировоззренческие проблемы.

Но массового недовольства советским строем, отрицания самой его сути не было, скорее, было очень много сомнений. После оттепели вера в прошлое была сильно поколеблена, трезво оценивались не только поступки И. Сталина, но и В. Ленина. Вот пример наиболее яркого рассуждения на эту тему: «...осознали, что не было никакого «золотого века большевизма», что «ленинские нормы» – это целеустремленная партийность, жестокая нетерпимость и отрицание всех общечеловеческих нравственных принципов, что именно ленинцы

распахали и удобрили ту почву, из которой выросла сталинщина...» [3, с. 66]. Происходило постоянно увеличивающееся дистанцирование от государства. В первую очередь это проявилось в общественно-политической жизни. В целом, доля времени, потраченного на общественно-политические дела в течение десятилетия, у интеллигенции по сравнению с другими социальными группами падает.

Одной из высших ценностей становится труд. На первых местах оказались требования морального удовлетворения от труда. Это общение с людьми, возможность им быть полезным, а также применение своих способностей. Иными словами, для интеллигенции возможность должностного продвижения и материальное стимулирование являются, конечно, важными, но не доминирующими мотивами труда.

Вообще охарактеризовать отношение к материально-вещественным ценностям в среде интеллигенции однозначно очень сложно. С одной стороны, интеллигенция как наиболее духовно и нравственно развитая часть народа отличается бытовым аскетизмом. С другой стороны, в условиях тотального дефицита немалая часть времени отдается сфере потребления и приобретения вещей. Это наделяет вещи высокой ценностью не столько в смысле стоимости, сколько в смысле большой значимости для человека, владеющего ею.

По ряду причин интеллигенция оказывается максимально чувствительной к этой ценности. Вещи использовали и хранили длительное время – до тех пор, пока не придут в полную непригодность и невозможность перерождения в качестве предмета с другой функцией. Такая вещь уже не *товар*, а, скорее, *товарищ*. При достаточно высоком значении вещи в среде интеллигенции она не опосредует человеческие отношения, не замещает человека.

Рассматриваемый нами период характеризуется повышенным вниманием к вопросам религии. По мнению Платонова, «роль церкви во второй половине 60-х – 70-е годы заметно увеличивается. Более частыми становятся случаи прихода в храм людей (особенно интеллигенции), выросших в атеистических семьях...» [4, с. 404].

Религиозное сознание интеллигентов в этот период можно обозначить как едва проснувшееся, поэтому больше внимания уделялось обрядовой, материальной стороне, которая была толчком размышлений о религии. Показательно, что в анализируемых дневниках этого периода встречается много церковной лексики, которая употребляется вместе с нейтральными словами. Например, «тусклая вечеря», «хвойный куполок» и др.

Еще одной характерной особенностью были сложные отношения интеллигента и власти. Мнение большинства – «у нас кто власть

захватил, тот и барин, а остальные все – быдло» [5, с. 18–19]. Следует уточнить, что сложность возникала в одностороннем порядке – только у индивида ввиду его зависимости, власть же действовала по отработанным схемам.

Если в прошлом властные действия замаскировывались, то в 70-е годы все было предельно обнажено. Разрешение или не разрешение чего-либо давалось всегда сверху и, как правило, обжалованию не подлежало. Пример из дневника Нагибина, который по советским меркам за границей был очень часто, обрисовывает типичную ситуацию того времени. «Все, что связано с зарубежными поездками, окружено такой непроницаемой тьмой, перед которой тайны мадридского двора – детская забава. Но я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь даже в частной беседе усомнился в справедливости этого обычая, напротив, все, в том числе и потерпевшие, делают значительные, понимающие лица, мол, это дела такой государственной важности, что не нам с нашим жалким умишком пытаться их постигнуть» [5, с. 345].

В целом интеллигенция как социальное целое было ориентировано на слово, и в первую очередь письменное слово. Оно было не только моделью коммуникации, но и одним из самых сильных и эффективных средств борьбы. Именно письмо своими свойствами отвечало требованиям времени – давало возможность влиять на неограниченное количество людей без пространственно-временных ограничений. Жанровый состав письменного слова разнообразен: письмо коллективное, письмо индивидуальное, статьи, произведения художественные и документальные. Их объединяющим началом было желание не стать молчаливым соучастником, что, в сущности, расценивалось как донос. Различали их только цели, диапазон которых был широк. От общечеловеческих, например, показать и открыть людям правду (таким было создание «самиздата»), до вполне меркантильных, например, освобождение вышестоящего места с целью его получения.

Таким образом, советская интеллигенция представляет собой социальное целое, обладающее специфическими характеристиками: качественным распределением времени и пространства, особым выделением таких ценностей, как труд, письменного слова, зарождением религиозного сознания, а также сложными взаимоотношениями с властью.

Библиографический список

1. Козьякова М.И. История. Культура. Повседневность. Западная Европа: от античности до XX века. М., 2002. 360 с.

2. Филиппович Э.Г. От советской пионерки до челнока пенсионерки. М., 2003. 584 с.
3. Орлова Р., Копелев Л. Мы жили в Москве: 1956–1980. М., 1990. 477 с.
4. Платонов О.А. Терновый венец России. История русского народа в XX в. Т. 2. М., 1997. 1040 с.
5. Нагибин Ю. Дневник. М., 2005. 702 с.

ГРИНИТИ 03.23.55
УДК 343.7

Т.П. Урожаева
ИГУ, Иркутск

ПРОБЛЕМА БОРЬБЫ С ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ В ПРИАНГАРЬЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1990-Х – НАЧАЛЕ 2000-Х ГГ.

В статье рассмотрена деятельность организованных преступных групп Приангарья в 1990-е – начале 2000-х гг. Главными направлениями ее являлись: торговля оружием, хищение дорогих автомобилей с последующим их возвратом за крупное вознаграждение, рэкет по отношению к предпринимателям, наркобизнес, захваты предприятий (рейдерство). Организованная преступность являлась серьезным дестабилизирующим фактором, оказывающая воздействие на социально-экономическую жизнь региона, на хозяйственно финансовую деятельность предприятий, на воспитание подрастающего поколения, на уровень культуры населения Приангарья.

Ключевые слова: организованные преступные группы (ОПГ); рейдерство; бандитизм.

В 1990-е – начале 2000-х гг. нестабильность экономической и общественно-политической жизни страны, снижение жизненного уровня большинства населения, нравственная деградация, а также ряд других факторов создали благоприятные условия для роста организованной преступности.

Основными сферами деятельности организованных преступных групп (ОПГ) являлись: торговля оружием, хищение дорогих автомобилей с последующим их возвратом владельцам за крупное вознаграждение, рэкет по отношению к предпринимателям, наркобизнес, захваты предприятий (рейдерство).

Противоправная деятельность ОПГ в регионе Приангарья оказывала существенное влияние на все сферы жизни и регионального управления, выступая силой, создающей угрозу общественной безопасности, и устанавливая контроль над отдельными промышленными предприятиями, транспортным комплексом региона в частности.

В Иркутской области в 2003 г. было зарегистрировано 20 преступлений данного вида, в 2004 г. – 24 (темп роста – 20 %), а в 2005 г. – 19 (снижение на 20,8 %). Число участников организованных групп в 2003 г. составило 20, в 2004 г. – 12 (снижение на 40 %), а в 2005 г. – 23 (темп роста 91,7 %) [1, с. 46].

На территории Приангарья активно действовало Братское преступное формирование, которое являлось самым многочисленным и наиболее опасным формированием в исследуемом регионе. В данное сообщество входило 5 крупных организованных преступных формирований, а также преступные группы, возглавляемые «положенцами» практически каждого города Иркутской области. Эти группировки также подразделялись на более мелкие формирования в соответствии с направленностью преступной деятельности [2, с. 112].

С середины 1990-х гг. в Иркутской области отмечался рост показателей состояния бандитизма, причем темпы его прироста значительно превосходили аналогичные показатели по России. Удельный вес зарегистрированных фактов бандитизма в Иркутской области в общем объеме выявленного в Сибирском федеральном округе в 2005 г. составлял 42,3 % [3, с. 97].

Особенности географического положения, социально-экономического и культурного развития региона Приангарья обуславливали специфику развития не только самой организованной преступной деятельности, но и факторов, ее детерминирующих. К таковым можно было отнести: криминальную субкультуру, сложившуюся в результате нахождения в Иркутской области значительного числа уголовно-исполнительных учреждений; большое количество природных ресурсов; территориальное расположение региона вблизи государств, в этих ресурсах заинтересованных; наличие нелегальных миграционных потоков граждан из ближнего и дальнего зарубежья; широкое распространение коррупции в сфере управления.

В 1997 г. в производстве областного следственного комитета находилось 115 уголовных дел, сумма ущерба, нанесенного их фигурантами, составляла около 100 млрд неденоминированных рублей. 58 дел было направлено в суд. Совместно с Восточно-Сибирским региональным управлением по борьбе с организованной преступностью (РУБОП) было задержано 5 бандитских групп [4, с. 7].

В том же году милицией области было раскрыто и передано в суд 140 преступлений, совершенных организованными группировками, изъято 54 единицы оружия, 3 тыс. патронов, 71 граната. Кроме того, было возвращено потерпевшим 28 единиц автотранспорта, разоблачено несколько группировок бандитской направленности [5, с. 4].

Проведем сравнение статистических выкладок 1993 г. с итогами 1997 г. Цифры таковы: количество преступлений, совершенных бандами в Иркутской области, увеличилось в 2,3 раза. Однако и уголовных дел в суд было направлено в 3,8 раза больше. В 8 раз больше было осуждено лидеров и участников преступных групп. За 5 лет была изъята 1 141 единица оружия: 53 автомата, 88 пистолетов, 56 тыс. патронов (!), 453 гранаты, 217 кг взрывчатых веществ. Этого арсенала хватило бы, чтобы вооружить роту солдат [6, с. 72].

Иркутская область в конце 1990-х гг., наряду с Московской и Свердловской областями, дала самый высокий в стране рост бандитизма. Связано это было прежде всего с высокой степенью социального напряжения, концентрацией финансовых и сырьевых ресурсов. Рост преступлений этой категории в Восточно-Сибирском регионе составил 92,3 %, а по Иркутской области – 125 % (для сравнения: в России он чуть превысил 24 %) [7, с. 52–53].

В результате мер, принятых подразделениями РУБОП, в первом полугодии 1999 г. в Приангарье была пресечена деятельность 25 банд групп и семи преступных сообществ, которыми в общей сложности было совершено около 390 злодеяний, из них 38 убийств. К уголовной ответственности за бандитизм был привлечен 131 чел., в суд направлено 12 уголовных дел.

В конце 1990-х гг. на территории региона наметилась тенденция роста преступлений, связанных с похищениями людей. Если за весь 1998 г. было зарегистрировано 36 фактов незаконного лишения свободы, то за 6 месяцев 1999 г. было выявлено 33 [8, с. 4].

Все более опасным фактором дестабилизации обстановки в Иркутской области становилась усиливающаяся вооруженность криминальных структур, распространенность хищений оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ. За первое полугодие 1999 г. структурными подразделениями РУБОП из незаконного оборота было изъято 57 ед. оружия; из них огнестрельного – 29, в том числе нарезного – 22; боеприпасов – 3 393 шт.; взрывчатых веществ – 12,6 кг; взрывных устройств – 5. По данным фактам было возбуждено 45 уголовных дел, по которым к уголовной ответственности было привлечено 96 человек [9, с. 4].

Для того чтобы противодействовать ОПГ, были созданы совместные группы из местных и столичных следователей, которые работали на конкретных градообразующих предприятиях, могущих стать жертвой криминального захвата (рейдерства). Среди объектов, которые интересовали милиционеров в первую очередь, – Ангарская нефтехимическая компания (АНХ), ОАО «Иркутскэнерго», Братский

алюминиевый завод (БрАЗ), Усть-Илимский лесопромышленный комплекс (УИ ЛПК).

За 3 месяца работы в 2000 г. областная следственная группа не только выявила масштабы происходящего преступного беспредела, но и основательно прижала криминальный элемент. Милиционеры раскопали 34 преступления общеэкономической и уголовной направленности, ущерб по которым составил 9 млн долл. и 141 млн руб., причем сумма возмещенного ущерба была невелика – лишь 5,5 млн руб. Действия группы предотвратили хищений еще на 7,7 млн долл., был наложен арест на имущество стоимостью в 0,5 млн долларов. Было арестовано 29 подозреваемых, среди них – участники преступных группировок из Братска и Иркутска. Например, за хищение более 100 тонн цветных металлов с БрАЗа было арестовано 18 членов братской ОПГ [10, с. 3].

За 9 месяцев 2001 г. сотрудниками РУБОП было выявлено 208 преступлений, в 2002 г. за такой же срок – 293. Прирост составил 40,8 %. В 2001 г. было раскрыто 38 преступлений по сбыту наркотиков, в 2002 г. – 78. Было изъято 10 кг зелья, в том числе героина – 2,1 кг. За девять месяцев 2002 г. огнестрельного оружия было изъято у преступников вдвое больше, чем в 2001 г., а взрывчатки – больше почти в восемь раз [11, с. 3].

В 2002 г. Иркутское управление по борьбе с организованной преступностью выявило на 32,9 % больше уголовных правонарушений, чем за тот же период 2001 г., лишь красноярцы смогли удержаться на прежних рубежах (у них был прирост в 10 раз меньше, чем у иркутян – на 3,8 %). Другие города Сибири после реорганизации службы по борьбе с организованной преступностью снизили показатели: с минусом в 2002 г. работали управления в Чите (-1,3 %), Улан-Удэ (-15,3 %), Кемерове (-16,2 %), в Барнауле (-16,8 %), в Новосибирске (-31,1 %) [12, с. 15].

В 2002 г. в регионе было задействовано 72 ОПГ, на оперативном учете их насчитывалось 109. При этом воровская среда стала более консолидированной. Власть в криминальном мире продолжал удерживать в своих руках лидер братского преступного сообщества В. Тюрин [13, с. 4].

В 1-м полугодии 2002 г. была пресечена деятельность 73 организованных преступных групп, а к уголовной ответственности были привлечены 223 члена ОПГ [3, с. 118]. Количество выявленных преступлений экономической направленности возросло на 15,5 %, в том числе по линии криминальной милиции – на 21,2 %. Заметно активизировалась деятельность подразделений по борьбе с незаконным

оборотом наркотиков. На 4,4 % больше было выявлено преступлений, связанных со сбытом наркотиков. Усилилась борьба с наркодиллерами, групповыми и организованными формами преступности.

В 2002 г. по выявляемости тяжких и особо тяжких преступлений Иркутская область занимала 4 место в России, а по сбыту – 10. Из незаконного оборота было изъято более 2,5 кг героина, 10 кг опия, 16 кг гашиша [14, с. 32].

В 2002 г. в регионе в 2 раза выросли показатели по числу выявленных наркопреступлений, совершенных ОПГ. Если в целом в РФ уровень выявления фактов сбыта наркотиков в 2002 г., по сравнению с 2001 г., снизился на 18 %, то в Иркутской области подобных фактов выявлено на 21 % больше [15, с. 2].

По сравнению с годом ранее, в 2003 г. было выявлено на 12 % больше преступлений с наркотиками, а совершенных ОПГ – на 17 %. При этом в 3,5 раза увеличилось число раскрытых дел по наркосбыту, фигурантами в которых выступали члены организованных преступных группировок [16, с. 15].

Очень сложной оставалась оперативная обстановка в 3 самых крупных городах региона: Иркутске, Ангарске и Братске, где в совокупности регистрировалось более половины всех преступлений, совершенных ОПГ. Несмотря на то, что милиции и подразделениям РУБОП удалось существенно снизить количество тяжких и особо тяжких преступных деяний, они оставались доминирующими: 37,5 % среди всех зарегистрированных [17, с. 129].

В 2003 г. правоохранителями было раскрыто свыше 600 преступлений, совершенных в составе организованных группировок, что на треть было больше чем в 2002 г. Причем количество выявленных особо тяжких злодеяний возросло в 1,5 раза. Подразделениями РУБОП была прекращена деятельность 62 организованных преступных групп, к уголовной ответственности было привлечено 167 участников криминальных формирований. Было возбуждено 58 уголовных дел за незаконный оборот оружия, изъято 145 единиц оружия, свыше 13 кг взрывчатых веществ. Выявлено 126 фактов хищения оружия и боеприпасов, что на 27,3 % больше, чем в 2002 г. [18, с. 3].

В начале 2000-х гг. Иркутская область лидировала по раскрываемости преступлений, совершенных в составе организованных преступных группировок. В 2003 г. их было раскрыто 451, что на 20 % больше, чем в 2002 г. [19, с. 3].

Если говорить о том, какие территории Приангарья давали наибольшее количество преступлений, совершаемых ОПГ, то это Иркутск, Братск, Ангарск и Усть-Илимск. Общее количество преступлений

(по итогам 2004 г.) возросло незначительно, всего на 2,3 %, и составило свыше 6,7 тыс. фактов. При этом было раскрыто почти 3,6 тыс. преступлений, т. е. каждое второе [20, с. 38].

С середины 1990-х гг. власть в криминальной среде Приангарья прочно удерживал руководитель братской ОПГ В. Тюрин. Он предпочитал руководить своими подданными из Москвы, а то и со своей виллы в Испании. Именно с его согласия в каждом городе и райцентре области назначался так называемый положенец, «серый мэръ», отвечающий в преступной среде. В. Тюрин «раздавал портфели» – ставил своих людей на выгодные в преступной иерархии должности, определял всем лидерам группировок процент отчислений в криминальный бюджет, давал «добро» или запрет на занятие тем или иным бизнесом и таким образом влиял на взаимоотношения конкурентов и сферы действия «авторитетов» на контролируемой территории.

По оценкам оперативных источников в 2005 г. «налог» в криминальный бюджет составлял в Ангарске от 25 до 50 % прибыли каждой преступной группировки – в зависимости от расположения «серого мэра» к лидеру [21, с. 3].

В период с 2002 по 2005 г. на территории Иркутской области было зарегистрировано около 60 убийств, вызвавших широкий общественный резонанс. Из них почти половина была раскрыта оперативниками уголовного розыска и подразделений по борьбе с организованной преступностью, в тесном сотрудничестве с коллегами из ФСБ и прокуратуры [22, с. 3].

В региональном «челночном» бизнесе крутились большие деньги, которые, в свою очередь, привлекали организованные преступные группы, многие из которых создавали на этнической основе. В среде торговцев процветали рэкет, шантаж и вымогательства, не говоря уже о мошенничестве, кражах и нарушениях паспортно-визовых правил. В 2005 г. зарубежными гостями было совершено 260 правонарушений, что на 251,4 % больше чем в 2004 г., в отношении иностранцев было возбуждено 32 уголовных дела [23, с. 191].

Региональная организованная преступность имела высокие темпы прироста, а изменения ее состояния носили скачкообразный характер, причем темпы прироста зарегистрированной организованной преступности превышали темпы роста всей преступности в целом. Между тем динамика удельного веса зарегистрированной организованной преступности в общей структуре на территории Приангарья изменялась незначительно: от 1,1 % в 2001 г. до 1,7 % в 2003 и 2005 гг.

В 2006 г. рост организованной преступности в регионе составил 1,3 %. Это было несколько ниже общероссийского показателя, который

был равен 2 %. Аналогичные тенденции имел и удельный вес лиц, совершивших преступления в составе организованных преступных формирований. Однако уровень выявления таких лиц был ниже уровня регистрации организованных преступлений: в 2006 г. он был чуть меньше 1 % [1, с. 113].

Подводя итоги, необходимо отметить, что организованная преступность в Иркутской области на рубеже веков сформировалась и развилась как системное общественно опасное явление, обладающее способностью к изменению социальной среды в своих интересах. Анализ количественных и качественных показателей организованной преступности свидетельствует о том, что масштабы активной деятельности организованной преступности представляли угрозу безопасности населения не только на территории Иркутской области, но и Восточной Сибири в целом. Преступность являлась серьезным дестабилизирующим фактором, оказывающим воздействие на социально-экономическую жизнь региона, на хозяйственно-финансовую деятельность предприятий, на воспитание подрастающего поколения, на уровень культуры населения Приангарья.

Библиографический список

1. Мацинский Р.В. Региональная криминологическая детерминация организованной преступной деятельности (по материалам Восточно-Сибирского региона). Иркутск, 2007. 205 с.
2. Шоткинов С.А. Преступность в крупных городах Восточной Сибири. СПб, 2004. 221 с.
3. Островских Ж.В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика бандитизма (по материалам Восточно-Сибирского региона). Иркутск, 2006. 240 с.
4. Баканович М. Темных делишек – на сотню миллиардов // Юридическая газета. 1997. № 12. С. 7.
5. Поставить мафию на колени пока не удалось // СМ-номер один. 1998. С. 4.
6. Состояние преступности в Восточно-Сибирском регионе в 1992–2002 гг. Аналитический обзор. Красноярск: СибЮИ МВД РФ, 2003. 128 с.
7. Мисайлов М.И. Уголовный бандитизм в Сибири как проявление групповой преступности // Проблемы борьбы с групповой и организованной преступностью. Иркутск: ВСИ МВД, 2001. С. 52–53.
8. Бандитов теснят, а они не сдаются // Аргументы и факты в Восточной Сибири. 1999. С. 4.
9. Обезоружить криминал // СМ-номер один. 1999. 31 С. 4.

10. Люстрицкий Д. Милиция в «закрытой зоне» // Восточно-Сибирская правда. 2000. С. 3.
11. Бегагоина Л. Обыкновенная банда // Аргументы и факты в Восточной Сибири. 2004. С. 3.
12. Сведения о преступности г. Иркутск согласно данным Информационного центра УВД Иркутской области за 1997–2002 гг. Иркутск: Облкомстат, 2002. 21 с.
13. Агония братского «спрута» // СМ-номер один. 2005. С. 4.
14. Эдельман А.И. Наркомания и преступность: современные тенденции и региональные особенности // Проблемы борьбы с групповой и организованной преступностью. Иркутск, 2002. С. 29–33.
15. Решетников Ю. Натиск наркомафии сдерживается // Аргументы и факты в Восточной Сибири. 2002. С. 2.
16. Щербаков А.С. У опасной черты // Юридическая газета. 2003. № 21. С. 15–16.
17. Тамбовцева Г.М. Проблемы борьбы с организованной преступностью (на материалах Восточно-Сибирского региона): ... автореф. дисс. канд. юрид. наук. СПб., 2001. 176 с.
18. Софронов В. Криминальная ситуация под контролем // СМ-номер один. 2004. С. 3.
19. Бегагоина Л. Мафия смертна // Восточно-Сибирская правда. 2004. С. 3.
20. Состояние преступности в Сибирском федеральном округе 1997–2003 гг.: аналитический обзор / под ред. С.М. Малькова. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2004. 139 с.
21. Воронин О. Новая власть и новые бандиты // Восточно-Сибирская правда. 2005. С. 3.
22. Марфицин С. Вал преступности сбить не удалось // Конкурент. 2005. С. 3.
23. Репецкая А.Л. Транснациональная организованная преступность: характеристика, причины, стратегии контроля. – Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2005. 236 с.

ГРНТИ 02.41.21
УДК 130.2

М.М. Бетильмерзаева
ЧГПУ, Грозный

МЕНТАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ГОРОДА

В статье рассмотрена связка «человек» и «город» как пример символичности человеческого мира; определены содержание, структура и соотношения понятий «повседневность» и «ментальность». Предметом исследования служат

ментальные особенности повседневной жизни взаимодействия города и человека в рамках их взаимного влияния и взаимного развития.

Ключевые слова: город, человек, ментальность, повседневность, фрейм, повседневная жизнь, городское пространство.

Актуальность дискурса о городе обусловлена тем, что в современной культуре город является средоточием всех изменений, переживаемых человеком, и наглядной моделью уровня развития – упадка или расцвета – общества. Ключевым понятием при исследовании города, естественно, является человек, чьей активной творческой деятельностью обусловлено возникновение города как социального и философского феномена.

Цель данной работы – исследование проблемы ментальности в контексте изучения повседневности города.

В соответствии с поставленной целью автор решает следующие задачи: рассмотрение связки «человек» и «город» как пример символичности человеческого мира; определение содержания, структуры и соотношения понятий «повседневность» и «ментальность».

Объектом исследования является повседневность города как сложного и многофункционального комплекса, в котором пересекаются социальные, духовные, экономические и политические интересы людей.

Предметом исследования служат ментальные особенности повседневной жизни взаимодействия города и человека в рамках их взаимного влияния и взаимного развития.

Город как явление для современного человека – это в первую очередь населенный пункт, в котором, в отличие от села, не занимают сельским хозяйством. Исторически понятием «город» определяли крупное местоположение людей, вокруг которого была ограда. Человек не только создатель города с его отличительными признаками от других форм населенных пунктов, но и продукт этого города.

Человек как предмет исследований определяется по-разному: человек как социальное существо, по Аристотелю; *homo sapiens* (человек разумный), по К. Линнею; *homofaber* (человек творящий), по Х. Арндт и М. Шелеру; *homoludens* (человек играющий), по Й. Хёйзингу; *homosymbolicus* (человек символический), по Э. Кассиреру. Все перечисленные определения человека не отрицают, а взаимно дополняют друг друга, выделяя тот или иной аспект человеческого бытия. Думается, что предмет нашего исследования – повседневная жизнь горожанина – актуализирует понимание человека как *homosymbolicus*, по Э. Кассиреру, который полагал, что человек есть существо, создающее символы.

В свое время биолог и философ Иоганнес фон Икскуль (в работе *Umwelt und Innenwelt der Tiere*, 1909), полагая, что жизнь есть высшая

и самодостаточная реальность, которую нельзя описать и понять в рамках физической и химической терминологии, считал, что мысль о существовании некоей внешней абсолютной вещной реальности, одинаковой для всех живых существ, является догматичной. «Явления, которые мы обнаруживаем в жизни некоторых биологических видов, не могут быть перенесены ни в какой другой вид. Опыт – а значит, и реальность – каждого из двух различных организмов несоизмеримы друг с другом. В мире мух, писал Иксюль, мы найдем только «мушиные вещи», а в мире ежей – только «ежиные» [1, с. 3–33]. Избегая психологических интерпретаций и используя поведенческий метод, полагаясь на факты сравнительной анатомии, Иксюль дает совершенный образ внутреннего и внешнего мира организма. Биолог и философ отказывается от деления жизни на низшие и высшие формы. И приходит к заключению, что жизнь совершенна всюду – она одинакова и в малом, и в великом.

Каждый организм, даже низший, не только в определенном смысле адаптирован, но и целиком приспособлен к своему окружению. Сообразно со своей анатомической структурой он обладает системой рецепторов и системой эффекторов. Без кооперирования и уравнивания этих двух систем организм не может выжить. Система рецепторов, посредством которой биологические виды получают внешние стимулы, и система эффекторов, через которую они реагируют на эти стимулы, всегда тесно переплетаются. Они образуют звенья единой цепи, которую Иксюль называет функциональным кругом животного.

Э. Кассирер, используя схему Иксюля, приходит к тому, что человеческий мир формируется по тем же биологическим правилам, которые управляют жизнью других организмов, но в человеческом мире обнаруживаются новые особенности, отличающие человеческий мир от прочего. Функциональный мир человека отличен от мира прочих живых форм не столько количественно, как качественно: дополнительно к системе рецепторов и эффекторов, которые есть у всех живых существ, добавляется третье звено, которое можно назвать символической системой. По мысли Э. Кассирера, человек живет в новом измерении реальности – не только в физическом, но и в символическом универсуме.

Символичность человеческого мира наиболее ярко выражается в городских условиях. Мир городского человека сдавлен городским пространством, домами и улицами, в рамках которых складываются новые типы взаимоотношений между людьми, теряющими личностный характер и приобретающими искусственный символический характер [2].

Город в нашем исследовании рассматривается, с одной стороны, как артефакт человеческой культуры, организованный вследствие пересечения различных материальных, социальных, правовых, экономических, конструкторских решений, а с другой стороны, – как социально-исторический и социально-цивилизационный фактор формирования новой общности – горожане. В отличие от села, которое сохраняет традиционные характеристики своего исторического развития, город изначально является следствием цивилизационных трансформаций человеческой общности. Символические стереотипы человеческого сознания определяют ментальные особенности восприятия и представления села и города, сельчан и горожан как различных общностей, сформировавшихся в разных географических, пространственных и временных условиях.

Обсуждение феноменальности повседневной жизни требует к себе пристального внимания. И одним из методологических приемов постижения повседневности служит исследование ментальных особенностей повседневной жизни. Феномен «ментальность» одним из первых стал предметом исследования в недрах французской школы «Анналов», которые под ментальностью понимали и «умонастроения», и «мыслительные установки», и «коллективное представление», и «склад ума», но чаще всего «видение мира» [3].

Каждая культура, как формулирует А.Я. Гуревич центральный тезис Л. Февра, представляет собой ансамбль, компоненты которого при всех противоречиях между ними тем не менее соотнесены друг с другом. А.Я. Гуревич отмечает: «Л. Февр превосходно понимал, что сознание и его психологическая вооруженность – суть, достояние индивида. Но в каждом обществе на данной стадии развития существуют специфические условия для структурирования индивидуального сознания; культура и традиция, язык, образ жизни и религиозность образуют своего рода «матрицу» – в ее рамках формируется ментальность» [4]. Ментальность одновременно представляет собой нечто единое, представляющее общее для всего человеческого общества, и, будучи представлена неким ансамблем, дифференцируется в зависимости от социально-культурной структуры.

При исследовании ментального пространства культуры следует учитывать, что культура, будучи второй природой, уже размещена в определенном физическом пространстве, которое есть объективная форма существования материи. А социальное пространство есть форма бытия социальной материи, то есть общества, представляющего собой продукт взаимодействия людей, создающих материальные, духовные и социальные ценности.

В теоретической форме неоднородность ценностно-мыслительного пространства культуры означает, что одна субпространственная конфигурация как бы надстраивается над другой, одна тематическая система определяет, трансформирует другую. Сложная паутина взаимодействий создает многоаспектное ментальное пространство городской культуры, которое формирует свою реальность. И в этой реальности в центре внимания оказывается повседневность, исследование ментальных особенностей которой позволяет наилучшим образом познать психологию социума.

Понятие «ментальность» в экспликации автора, будучи феноменальной характеристикой единства психического и физического в человеке, задает функциональность сознания, детерминируя информационное взаимодействие человека и мира [5, с. 172]. Феноменальность ментальности характеризует ее явленность человеческому опыту как «вещи для нас». Ноуменальность скрывает то, что недоступно человеческому опыту как «вещи в себе». Ментальность рождается в демаркационном пространстве смещения смыслов чувственно-воспринимаемого мира – «вещи для нас» и умопостигаемого мира – «вещи в себе». Обсуждение ментальных особенностей повседневного мира требует от нас обращения к языку, традициям, быту, религиозным взглядам своего носителя.

Исследование повседневности имеет давнюю историю. Важным этапом в исследовании повседневности стал переход исторического анализа в историко-антропологическую плоскость в трудах представителей научного направления исторической антропологии Я. Буркхардта, Й. Хёйзинги, М. Блока, Л. Февра, Ф. Броделя, А.Я. Гуревича, Ю.М. Лотмана, Г.С. Кнабе и других. В их трудах появился интерес к обыденному, мелочам, деталям, обострился интерес к тем представлениям и смыслам, которые таили в себе простые, повседневные вещи.

В понятии «повседневность» выражена методологическая установка французской исторической школы «Анналов», представители которой считали, что история происходит не от случая к случаю, не от события к событию, а ежедневно. Фернан Бродель [6] рассматривал историческое время как внутренне неоднородное, выделяя в нем различные уровни – короткое время, время средней длительности и длительное время, которые характеризуют различные структуры совместного проживания людей.

В повседневном опыте человека Ф. Бродель выделяет также три уровня. Материальная жизнь – это люди и вещи. Пища и напитки, жилище и строительные материалы, мебель и плиты, костюмы и мода, транспорт и источники энергии, предметы роскоши и деньги, орудия

и технические изобретения, болезни и способы лечения, планы деревень и городов – все, что служит человеку, что связано с ним в повседневной жизни. Изменения в этой зоне происходят крайне медленно. Над ним возвышается второй этаж – более подвижная зона – рыночная экономика, механизмы производства и обмена, связанные с деятельностью людей в сельском хозяйстве, с мастерскими, лавками, банками, ярмарками и рынками. Третий этаж – транснациональные силы, которые могут исказить ход экономики и расшатать устоявшийся порядок. Эти три уровня имеют свои верхние и нижние пределы, которые демаркируют границы возможного и невозможного. По Ф. Броделю, исследования первого яруса позволяют увидеть, чем обусловлен ход истории.

В повседневной жизни большую роль играет хлеб. Бродель приводит известную поговорку: «Скажи мне, что ты ешь, и я скажу, кто ты». Пища свидетельствует о культуре человека, его социальном ранге, материальных возможностях, национальных привычках, уровне цивилизации, возрасте, вкусовых предпочтениях.

Социологические исследования повседневности нашли отражение в сочинениях Г. Зиммеля, П. Бергера, Т. Лукмана, П. Бурдьё, Э. Гиддинса, А. Шюца и многих других, которые выдвинули на первый план решение проблемы совмещения логики и практики обсуждения культуры повседневности. Научное познание повседневности подразумевало такую позицию наблюдателя, когда он имеет возможность рефлексировать над повседневным единичным фактом, воспринять единичное как замещающее класс предметов, и вернуться к полноте переживания конкретной ситуации. В такой методологии познания повседневного мы можем видеть различие между научным познанием и обыденным наблюдением.

Альфред Шюц в работе «О множественности реальностей» [7] миру повседневности отводит особое место. Под миром повседневной жизни А. Шюц понимает «интерсубъективный мир, который существовал задолго до нашего рождения, пережитый и проинтерпретированный другими, нашими предшественниками, как организованный мир. Теперь он дан нашему переживанию и интерпретации» [4]. Любая интерпретация элемента повседневного мира predetermined запасом предыдущих переживаний как собственных, так и переданных нам родителями и учителями.

Естественная установка, по А. Шюцу, основана на восприятии этого мира не как частного мира одного индивида, а интерсубъективного мира, общего для нас всех. В отражении этого мира мы используем смыслы, интерпретации предыдущего опыта, которые вкладываем в наблюдаемые нами факты реальности. Повседневность конструируется в ходе социального взаимодействия и предполагает различную вовлеченность участников в различные «горизонт понимания» ситуации.

Если переживание мира повседневности предопределено естественной установкой, то наряду с миром повседневности мы, по А. Шюцу, переживаем неизмеримо много шоков, предлагающих новые смыслы реальности, отличные от переживаний повседневной жизни. Это шок при засыпании как скачок в мир снов; внутреннее преображение, которое мы претерпеваем при подъеме занавеса в театре, как переход в сценический мир; радикальное изменение нашей установки, когда, стоя перед картиной, мы позволяем своему визуальному полю ограничиться тем, что находится внутри рамы, как погружение в изобразительный мир; наше недоумение, поражающееся смехом, когда, слушая остроту, мы на короткое время готовы принять вымышленный мир шутки за реальность, в сравнении с которой мир нашей повседневной жизни приобретает характер глупости; обращение ребенка к своей игрушке как переход в игровой мир; религиозное переживание и т. д. [7]. Каждый из этих миров обладает своими особенностями переживания собственного «Я», они замкнуты, и переход из одного мира в другой возможен только через шок, скачок. «Я» переживает не трансформацию своих переживаний из одной реальности в другую, но это множество реальностей сосуществуют, попеременно пересекаясь, но не сливаясь.

В последующем Ирвинг Гофман [8] предложил новое решение данной проблемы, введя понятие «фрейм», под которым понимал способ для упорядочивания или структурирования мира посредством утверждений, позволяющих распознавать и сортировать социальные феномены. Любое социальное взаимодействие осуществляется по определенным правилам и в определенных рамках, и понятие «фрейм» – схема, план, формат взаимодействия – это структурирование реальности в соответствии с определенными принципами.

Повседневность находит выражение как в особой архитектуре зданий, парков, площадей, мест досуга, институциональных учреждений, так и в организации быта, труда, отдыха и соответствующего дресс-кода. Особенности социальной организации пространства и времени также определяют особенности повседневной жизни.

Н. и Т. Анциферовы обращают внимание на то, что «при всем многообразии картин, отражающих те или другие стороны жизни города, за всеми ими, сопоставленными друг с другом, выступают черты, обрисовывающие» город соответствующего времени, со своим «родовым образом» [9, с. 3], в котором мы можем обнаружить ментальные особенности многообразия городской повседневности. Ментальность горожанина формируется под влиянием внутренне неоднородных фрагментов обыденной жизни, согласно которой изменяется сознание носителя.

Повседневная жизнь в очевидности каждого дня представляет собой привычное условие жизни человека. Ментальные, не отрефлексированные особенности повседневности, обнаруживаются в культуре духа и быта носителя. Наилучшим образом сущность повседневной жизни находит отражение в череде будней, когда люди, сталкиваясь с рутинной очевидностей, автоматически (даже при всей индивидуальности каждого) пересекаются в актах повседневного быта. Из этих реальных и личностных траекторий складывается единая карта всеобщей повседневности, создавая единую сеть ментального поля.

Ментальные особенности повседневной жизни города находят выражение в размывании социальных границ и усреднении образа горожанина, представляющего в едином континууме времени и пространства конечный результат взаимодействия социального и индивидуального.

Библиографический список

1. Кассирер Э. Опыт о человеке: введение в философию человеческой культуры // Проблема человека в западной философии / сост. и послесл. П.С. Гуревича; общ. ред. Ю.Н. Попова. М.: Прогресс, 1988.
2. Тыхеева Ю.Ц. Человек в городском пространстве (философско-антропологические основания урбанографии): дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.13 // Санкт-Петербургский государственный университет. СПб, 2003. 335 с.
3. Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М.: «Индрик», 1993. С. 84.
4. Гуревич А.Я. Уроки Люсьен Февр. Бои за историю. М.: Наука. 1991. С. 520.
5. Бетильмерзаева М.М. Ментальность в контексте культуры (философско-культурологический анализ). Ростов-н/Д: СКНЦ ВШ ЮФУ, 2011.
6. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 1986.
7. Шюц А. О множественности реальностей // Социологическое обозрение. Т. 3. 2003. № 2.
8. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М., 2004.
9. Анциферовы Т. и Н. Книга о городе. Город как выразитель сменяющихся культур. Л.: Брокгауз – Ефрон, 1926.

НАШИ АВТОРЫ

Березина Анна Валерьевна – старший преподаватель кафедры философии Уральского государственного лесотехнического университета (УГЛТУ), г. Екатеринбург.

Бетильмерзаева Марет Мусламовна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Чеченского государственного педагогического университета (ЧГПУ), г. Грозный.

Ганчар Андрей Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры экономической теории Гродненского государственного аграрного университета (ГГАУ), г. Гродно.

Денисова Алла Борисовна – кандидат философских наук, доцент, руководитель Центра воспитательной деятельности и работы с молодежью Московского технического университета связи и информатики (МТУСИ), г. Москва.

Дроздов Денис Вячеславович – магистрант Уральского государственного лесотехнического университета (УГЛТУ), г. Екатеринбург.

Здорнов Игорь Александрович – аспирант кафедры лесной таксации и лесоустройства Уральского государственного лесотехнического университета (УГЛТУ), г. Екатеринбург.

Каташинских Варвара Сергеевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и технологии ГМУ Уральского федерального университета (УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина), г. Екатеринбург.

Каташинских Сергей Николаевич – доцент кафедры философии Уральского государственного лесотехнического университета (УГЛТУ), г. Екатеринбург.

Киселев Михаил Юрьевич – кандидат исторических наук, руководитель Центра учета и обеспечения сохранности документов ФГБУ науки, Архив Российской академии наук (РАН), г. Москва.

Коваленко Сергей Владимирович – доктор философских наук, доцент, профессор Московского государственного областного университета (МГОУ), г. Москва.

Кочергин Альберт Николаевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва.

Медведев Сергей Николаевич – аспирант кафедры философии Самарского государственного технического университета (СамГТУ), г. Самара.

Нагорнова Анна Юрьевна – кандидат педагогических наук, доцент, старший научный сотрудник научно-исследовательской части Тольяттинского государственного университета (ТГУ), г. Тольятти.

Назаров Игорь Васильевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии Уральского государственного лесотехнического университета (УГЛТУ), г. Екатеринбург.

Новикова Оксана Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой философии Уральского государственного лесотехнического университета (УГЛТУ), г. Екатеринбург.

Петрикеева Ирина Алексеевна – кандидат философских наук, доцент кафедры истории и экономической теории Уральского государственного лесотехнического университета (УГЛТУ), г. Екатеринбург.

Попович Алексей Петрович – кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой физического воспитания и спорта Уральского государственного лесотехнического университета (УГЛТУ), г. Екатеринбург.

Пухов Денис Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и экономической теории Уральского государственного лесотехнического университета (УГЛТУ), г. Екатеринбург.

Рудакова Ирина Викторовна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, истории и социологии Брянского государственного инженерно-технологического университета (БГИТУ), г. Брянск.

Сайтанов Сергей Васильевич – кандидат исторических наук, профессор, независимый историк, г. Москва.

Севостьянов Дмитрий Анатольевич – кандидат медицинских наук, доцент кафедры Кадровой политики и управления персоналом Новосибирского государственного аграрного университета (НГАУ), г. Новосибирск.

Суханова Наталья Петровна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Новосибирского государственного университета экономики и управления (НИНХ), г. Новосибирск.

Томилов Игорь Сергеевич – младший научный сотрудник Тобольской комплексной научной станции Уральского отделения Российской академии наук (ТКНС Уро РАН), г. Тобольск.

Урожаева Татьяна Петровна – кандидат исторических наук, сотрудник лаборатории исторической демографии Иркутского государственного университета (ИГУ), г. Иркутск.

Федорова Алена Эдуардовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры психологии и управления персоналом Уральского федерального университета, (УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина), г. Екатеринбург.

Фонова Нина Георгиевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры теории и практики менеджмента Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина (УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина), г. Екатеринбург.

Харламова Анна Андреевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, организации и управления производством Балтийского государственного технического университета «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова (БГТУ «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова), г. Санкт-Петербург.

Шевелина Анастасия Олеговна – магистрант Уральского государственного лесотехнического университета (УГЛТУ), г. Екатеринбург.

Яковлева Елена Людвиговна – доктор философских наук, кандидат культурологии, доцент, заведующий кафедрой философии и социально-политических дисциплин Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирязова (КИУ им. В.Г. Тимирязова), г. Казань.

Научное издание

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ПЕРЕМЕНЫ В РОССИИ

ISBN 978-5-94984-669-8

Редактор К.В. Смирнова
Компьютерная верстка Т.В. Упорова

Подписано к использованию 29.06.2018

Формат 60 × 84 ¹/₁₆ Уч.-изд. л. 12,36 Усл. печ. л. 11,62
Тираж 500 экз. Первый завод 50 экз. Объем 1,58 МБ Заказ №

ФГБОУ ВО «Уральский государственный лесотехнический университет»
620100, г. Екатеринбург, Сибирский тракт, д. 37
Тел.: 8 (343) 262-96-10. Редакционно-издательский отдел

Типография ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЦЕНТР УПИ»
620062, РФ, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Гагарина, 35а, оф. 2
Тел.: 8 (343) 362-91-16